

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Право как фактор
технологического лидерства
- Штраф
в системе уголовных наказаний
по УК РФ и особенности
его применения
- Стимулирующие нормы
в конституционном праве

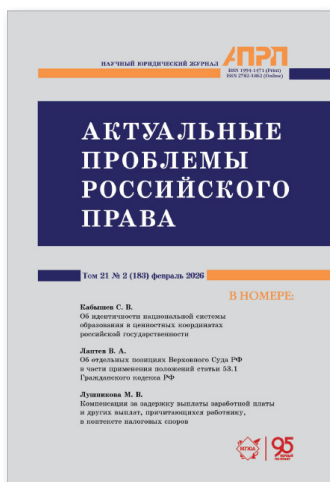
Том 79

ИЮЛЬ

2026

№ 7 (236)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и

права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 7 (236)
июль 2026

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

БААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 7 (236)
июль 2026

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 7 (236)
июль 2026

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ISSN

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 31.07.2026
Объем 17,67 усл. печ. л. (13,82 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикаина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 7 (236)
July 2026

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAY — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 7 (236)
July 2026

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 7 (236)
July 2026

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

31.07.2026
Volume: 17,67 conventional printer's sheets (13,82 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / PROBLEMA PRINCIPALE

- Кабышев С. В.** Право как фактор технологического лидерства 9
- Синюков В. Н.** Нормативная правовая среда для достижения технологического лидерства России 17

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Сафин Л. Р.** Штраф в системе уголовных наказаний по УК РФ и особенности его применения 28
- Калюжный А. Н.** Неразглашение данных предварительного расследования:
правовое закрепление и практическая реализация 40
- Карабанова Е. Н.** Понятие, правовая основа, источники
и акты реализации уголовно-политической доктрины 52
- Шамардин А. А., Шмелева Е. С.** Пересмотр судебных решений по уголовным делам
в надзорной инстанции в контексте принципов *res judicata* и *non bis in idem* 63
- Килина И. В.** Правовое значение общественной опасности личности в уголовном праве и процессе 76

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Нигметзянов А. А.** Стимулирующие нормы в конституционном праве 90
- Шарипова А. Р.** Отечественные процессуальные кодексы:
своеобразие текстуального оформления правовых институтов 102

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Коваль В. Н., Годованик Е. В.** Морское судно как объект вещных прав
в российском и зарубежном законодательстве 113

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

- Налетов К. И., Баланюк Л. Л., Авилов Я. Д.** Правовое регулирование
использования полезных ископаемых в зарубежных странах 124

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

- Чувахин П. И.** Трансформация правотворческой функции международных организаций 138

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF LEGAL SCIENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

Kabyshev S. V. Law as a Driver of Technological Leadership	9
Sinyukov V. N. The Regulatory and Legal Framework for Achieving Russia's Technological Leadership	17

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Safin L. R. Fines in the Criminal Penalty System under the Criminal Code of the Russian Federation and the Specifics of Their Application	28
Kalyuzhny A. N. Non-Disclosure of Pre-Trial Investigation Data: Legal Framework and Practical Implementation	40
Karabanova E. N. The Concept, Legal Framework, Sources, and Instruments for Implementing Criminal Policy Doctrine	52
Shamardin A. A., Shmeleva E. S. Review of Criminal Case Judgments by a Supervisory Court in the Context of the Principles of Res Judicata and Non Bis in Idem	63
Kilina I. V. The Legal Significance of Public Danger Posed by an Individual in Criminal Law and Procedure	76

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Nigmatzyanov A. A. Incentive Norms in Constitutional Law	90
Sharipova A. R. Russian Procedural Codes: Textual Distinctiveness in Framing Legal Institutions	102

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Koval V. N., Godovanik E. V. A Marine Vessel as an Object of Property rights in Russian and Foreign Legislation	113
---	-----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

Naletov K. I., Balanyuk L. L., Avilov Ya. D. Legal Regulation of the Use of Minerals in Foreign Countries	124
--	-----

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

Chuvakhin P. I. Transformation of the Law-Making Function of International Organizations	138
---	-----

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Право как фактор технологического лидерства

Резюме. В статье анализируется роль права как системообразующего фактора технологического лидерства России. Автор критикует узкоинструментальный подход, сводящий право к «сервисному» обеспечению инноваций, и обосновывает необходимость перехода к новой парадигме, где право выступает не реактивным регулятором, а конституирующим началом научно-технологического развития. Ключевая идея — право должно формировать технологическую этику, базирующуюся на традиционных духовно-нравственных ценностях, и обеспечивать биосферно-техносферный баланс («регенеративная» модель вместо линейной индустриальной). Особое внимание уделяется антропологическим рискам технокapитализма и трансгуманизма: замещение личности «оператором» или потребителем, утрата свободы воли, достоинства и равенства. Право призвано удерживать научный поиск в нравственно-этических границах, реализуя задачи «антропологического фронта». Автор различает этатизм (подчинение науки политической конъюнктуре) и национальную ориентацию науки как служение общему благу. Фундаментальная наука трактуется как стратегический резерв нации, обеспечивающий автономное целеполагание и цивилизационную идентичность. Технологическое лидерство, по мнению автора, не сводится к установке «догнать и перегнать», а предполагает выработку собственных стандартов с учетом социокультурного кода России. Право должно перейти к опережающему, проективно-адаптивному регулированию, включая моделирование «регуляторных развилок» и создание правовых «предохранителей». Критикуется поверхностное понимание рамочного регулирования — закон должен задавать жесткий ценностный каркас, а не просто делегировать полномочия. Отдельно предложено усилить юридическую значимость рекомендательных норм Государственной Думы как инструмента индикативного планирования в правотворчестве.

Ключевые слова: научно-технологическое лидерство; национальная ориентация науки; фундаментальная наука; биосферно-техносферный баланс; опережающее правовое регулирование

Для цитирования: Кабышев С. В. Право как фактор технологического лидерства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 9–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

Law as a Driver of Technological Leadership

Sergei V. Kabyshev

The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the role of law as a system-forming factor in Russia's technological leadership. The author criticizes a narrowly instrumental approach that reduces law to a «service» function supporting innovation and argues for a shift to a new paradigm where law acts not as a reactive regulator but as a constitutive foundation of scientific and technological development. The key idea is that law should shape technological ethics grounded in traditional spiritual and moral values and ensure a balance between the biosphere and the technosphere — a «regenerative» model rather than a linear industrial one. Particular attention is paid to the anthropological risks

© Кабышев С. В., 2026

of techno capitalism and transhumanism: the replacement of the individual by an «operator» or consumer, and the loss of free will, dignity, and equality. Law is called upon to keep scientific inquiry within moral and ethical boundaries, fulfilling the tasks of the «anthropological frontier». The author distinguishes between *statism* — the subordination of science to political expediency — and the national orientation of science as service to the common good. Fundamental science is treated as a strategic reserve of the nation, ensuring autonomous goal-setting and civilizational identity. In the author's view, technological leadership is not reducible to the imperative to «catch up and overtake». On the contrary, it presupposes the development of Russia's own standards, taking into account its sociocultural code. Law must move toward anticipatory, projective-adaptive regulation, including the modeling of «regulatory forks» and the creation of legal «safeguards». The paper criticizes a superficial understanding of framework regulation: the law should establish a firm value-based framework, not merely delegate authority. Separately, the author proposes strengthening the legal significance of the State Duma's nonbinding recommendations as an instrument of indicative planning in lawmaking.

Keywords: scientific and technological leadership; national focus of science; fundamental science; biosphere-technosphere balance; proactive legal regulation

Cite as: Kabyshev SV. Law as a Driver of Technological Leadership. *Lex russica*. 2026;79(7):9-16. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

Обсуждение роли права как фактора технологического лидерства требует внимания не столько к нюансам совершенствования отдельных регулятивных механизмов в конкретных «наукоемких» отраслях (это, безусловно, важно, но не первостепенно), сколько к раскрытию системного, парадигмального и макро-социального влияния, которое право призвано оказывать на осуществление технологического прорыва и обеспечение реальной полноты суверенитета России в научно-технологической сфере. Подходя к этой теме, невозможно абстрагироваться от того, что сама «цивилизация права, которую так долго строило человечество ценой огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок, сейчас хрупка как никогда»¹, и потому технологические вызовы, стоящие перед правом, приобретают, без преувеличения, экзистенциальный характер.

Когда мы рассматриваем право в научно-технологическом контексте, важно избегать искушения позитивистской простотой, а также ограниченного взгляда, при котором праву отводится главным образом инструментально-обеспечительная роль по отношению к научно-техническому развитию. При всей при-

влекательности такого подхода, объясняемого целями повышения экономической результативности, происходит редукция права к средству ускорения и внедрения инноваций, несущая стратегические риски и последствия. Право не может быть сведено к «сервисному» функционалу, оно призвано выступать не просто сопровождающим регулятором, а источником и мерой научно-технологического развития, его живым и деятельным началом, обеспечивать устойчивость развития через восстановление и поддержание биосферно-техносферного баланса².

Эксперты констатируют исчерпанность индустриальной модели «добыча — производство — утилизация», что в теоретико-правовом измерении означает кризис линейной правовой регуляции, требует формирования новой правовой парадигмы, основанной на «регенеративной» модели: право должно обеспечивать встраивание техносферы в биосферные циклы без разрыва между ними, а эффективность правовой нормы требует измерения не по максимизации и скорости оборота благ, а исходя из способности обеспечивать и восстанавливать нарушенные экосистемные

¹ Зорькин В. Д. Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология (доклад на международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности», Санкт-Петербург, 20 мая 2026 г.) // URL: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).

² См. подробнее: экспертное заключение по итогам сессии Форума будущих технологий (2025) «Природоподобные технологии: восстановление баланса между биосферой и техносферой» // URL: https://roscongress.ru/materials/prirodopodobnye-tekhnologii-kak-strategicheskoe-napravlenie-vosstanovleniya-biosferno-tekhnosfernogo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Froscongress.ru%2Fsessions%2Ffbt-2025-de-lovaya-programma-prirodopodobnye-tekhnologii-vosstanovlenie-balansa-mezhdu-biosferoy-i-tekhnosferoy%2Fmaterials%2F (дата обращения: 20.05.2026).

связи. С этим связана и необходимость аксиологического смещения в понимании права от легитимации господства человека над природой к коадаптации — согласованному совместному («партнерскому») развитию, что служит контрапунктом укорененной доктрины субординации биосферы по отношению к технологическим благам и ценностям. Вопрос «как быстрее легализовать изобретение» не может являться самоценным и должен следовать за вопросом, соответствует ли это изобретение идее человека и общему благу. Само правовое понимание научно-технологического развития неверно сводить к определенным овеществленным (материальным) формам могущества, измерять его утилитарным, предметным изобилием «земных благ».

Развитие науки и техники исторически обосновывалось не только ростом комфорта, но и расширением горизонтов познания, самосозиданием, культурным (идейно-духовным) возвышением человека. Однако логика технокapитализма, спаянного с трансгуманизмом, предлагает оценивать прогресс как таковой сквозь призму прежде всего эффективности, производительности, потребительской полезности. Это угрожает фундаментальным антропологическим разрывом, при котором человек как личность и субъект права замещается той или иной моделью «оператора» или «потребителя благ», чья ценность приобретает экономически детерминированный характер. Выгоды, которые обещает трансгуманистический взгляд на прогресс, связаны с освобождением от «оков биологии» (страдания, старение, смерть). Но именно эти «оковы» в культуре, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, являются фундаментом, на котором построены наполненные социально-позитивным смыслом понятия свободы, вины, ответственности (в их сопряжении с понятиями добра, совести, любви, сострадания). Постантропологическая модель прогресса ведет к цивилизации, где не будет места не только современному человеку, воспринявшему традиционное наследие, но и самим представлениям о том, что считать человечностью, включая такие отправные юридические категории, как свобода воли (поскольку поведение подчиняется алгоритмам), равенства (сменяемого кибернетической кастовостью), достоинства (поскольку

имманентную ценность нельзя приписать технически сконструированному объекту).

Возьмем для примера нейроинтерфейсы и системы предиктивной аналитики поведения. Если алгоритм способен предсказать противоправное действие до его совершения, то юридическая конструкция вины как психического отношения к содеянному теряет смысл. Право оказывается перед выбором: либо признать человека кибернетическим объектом, управляемым внешними вычислениями, либо запретить использование таких систем в деликтных отношениях. Формально нейтральный подход здесь невозможен, и это образует один из экзистенциальных вызовов.

Поэтому право в контексте научно-технологического развития должно занять не обслуживающую, а конституирующую (учредительную, организующую и системообразующую) позицию, оно не может оставаться нейтральным инструментом, а призвано активно формировать новую технологическую этику, закрепляя мировоззренческий социогуманистический императив через принципиальные установки и целеполагание. Нельзя не согласиться с тем, что для создания эффективной законодательной базы необходим системный подход, определяющий векторы развития³. Речь идет о ценностной ориентации в условиях формирования техносоциальной реальности, об удержании научного поиска в нравственно-этических границах и достижении того, чтобы технологии развивались не ради технологий, а ради человека и общества. Технология, лишенная ценностного измерения, грозит в конечном счете не просто порабощением человека, но расчеловечиванием самой жизни. Миссия права может быть описана через категорию антропологического фронта, что предполагает регулирование, при котором технологии, умножая потенциал человека, не выхолащивают его духовную суть. В этом плане право должно действовать в качестве того мобилизующего и метанормативного фактора, который интегрирует и формализует (с приданием определенности, общеобязательности и публично-властного подкрепления) оценочные критерии социально полезного, необходимого и приемлемого, выработанные в рамках всех других наук.

Оно исконно предназначено для оправдания и утверждения добра (должного, правиль-

³ Подройкина И. А., Попова Л. А. Использование биотехнологий в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государство и право. 2026. № 2. С. 141.

ного, справедливого, минимального стандарта нравственности), а потому не может использоваться для легитимации любых технически осуществимых действий (решений). Следует поэтому с большим вниманием отнестись к осмыслению философско-правового, а не только юридика-нормативного содержания вновь закрепленной конституционной категории социально ориентированной государственной политики в области науки (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Это обязывает государство не просто сообразовать научно-технологическое развитие с установками национальной культуры и стратегическими приоритетами общего блага, но и тщательно взвешивать научно-технологическую политику на правовых весах прогресса, соизмеряя текущие и партикулярные выгоды с ответственностью перед наследием, воспринятым от предков, и будущими поколениями.

Здесь нельзя обойти вниманием обросший различными спекуляциями вопрос о национальной роли (в сущности, о патриотизме) науки, который не просто имеет юридическое измерение, но и непосредственно характеризует роль права в научно-технологической сфере. Никто не спорит с тем, что нет национально-специфической (т. е. географически особенной) физики или химии в том смысле, что законы окружающего мира едины для всех. Но это вовсе не означает, что наука, которая представляет собой не только систему знаний, но и социальный институт, как таковая является вне- и наднациональной. Наука в ее социальном значении должна служить общественным и государственным интересам и задачам, подчиняться установкам, ценностным императивам и морально-политическим предпочтениям, проистекающим из национальной культуры. Патриотизм науки — не идеологический ярлык, не административный окрик, не формальная рамка отчетности, а объективное призвание и долг. Наука должна давать человеку, обществу, государству в целом надежные, обоснованные возможности гармоничного («партнерского») использования сил природы. Поэтому подлежащее правовой формализации требование национальной ориентированности науки — не покушение на свободу познания, а установление юридической связи между публичным финансированием, социальным предназначением

и ответственностью научной деятельности. Игнорирование национального интереса в науке, институционально обусловленной использованием ресурсов общества, вступает в конфликт с принципом народного суверенитета, определяющего принадлежность всех источников власти народу.

Национально ориентированный характер науки неправильно отождествлять с этатизмом. Само представление о том, что этатистская модель науки означает придание государству роли единоличного собственника науки и, соответственно, определение государством в том числе направлений научной политики, средств и технологий ее реализации, целеполагания научных исследований, осуществление материально-технического обеспечения научной деятельности, формирование стимулов, ограничений и запретов, носит внутренне противоречивый характер⁴. Указанное отождествление проистекает из смешения двух принципиально разных оснований должностования. Этатизм, если говорить об этом в строгом смысле, предполагает подчинение науки **властной (политической) целесообразности**, т. е. конъюнктурным, административным или политическим интересам государственного аппарата как самодовлеющей силы. В этой логике наука ценна не своим содержанием, а лояльностью и инструментальной полезностью для текущей политической повестки, критерий истины подменяется критерием административно-бюрократического одобрения. Национальная же ориентация науки покоится на принципиально ином фундаменте — идее **служения общему благу** народа как источнику и носителю суверенитета.

Государство здесь выступает не «собственником науки», а представителем и гарантом всеобщего публичного интереса, действуя в рамках права, которое связывает и само государство. Право в этой модели играет ключевую опосредующую роль. Оно формализует национальные цели научно-технологического развития не через произвольные директивы, а через нормативно закрепленные приоритеты, прошедшие публичную легитимацию (законодательные акты, правовые стратегии, доктрины), а финансирование и контроль результативности применяются в качестве механизма подотчетности перед обществом, которому наука в конечном

⁴ Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т., Сафин З. Ф. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 209.

счете и обязана служить. Следовательно, в отличие от этатизма, национально ориентированная модель подразумевает не «растворение» науки в государственно-политических отношениях, а ее четкое правовое сопряжение с публичными интересами, где и государство, и научное сообщество равно связаны общей целью — социальным, культурным и духовным прогрессом нации. Именно эту связь наука не может игнорировать без риска утратить свое социальное основание (и оправдание).

В этом смысле право должно не только распределять ресурсы и расставлять «красные флажки», т.е. говорить «да» или «нет» конкретным технологиям, но и, прежде всего, формировать внутренние установки и побудительные мотивы ответственного служения каждого профессионала — ученого, инженера, программиста — своему Отечеству.

Но здесь требуется принципиальная оговорка, без которой мы можем вновь прийти к опасной утилитарной крайности. Когда мы говорим, что право должно стимулировать научный поиск, ориентированный на общественное благо, мы не можем сводить это благо к сиюминутной, обозримой практической отдаче, делая акцент на прикладной, технико-технологической стороне научной сферы. Фундаментальная наука — не абстрактное интеллектуально-мировоззренческое излишество, а стратегический резерв нации, который определяет для нее долгосрочный запас цивилизационной прочности. В этом плане вполне естественным и принципиально значимым является тот факт, что конституционное закрепление императива сохранения и развития научного потенциала Российской Федерации (п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ) состоялось в единой системной связи с утверждением цивилизационной идентичности российской государственности, основанной на тысячелетней истории, сохранении памяти предков и преемственности в развитии (ст. 67.1 Конституции РФ).

Системное восприятие данных конституционных положений — не умозрительное, а объективное, поскольку научный потенциал как основа будущего проистекает из вековых достижений. Сама наука в этом аспекте может быть представлена как институциональная форма, через которую память о прошлом переводится в проект будущего, не позволяя прерваться исторической преемственности. При этом конституционно-политическая ценность фундаментальной науки состоит в том, что именно

она определяет потенциал автономного целеполагания: государство, лишенное фундаментальной науки, обречено на заимствование не только конечных технологий, но и заложенных в них ценностно-культурных установок, образов мира, что является латентной (но от того не менее существенной) формой цивилизационной эрозии. Конституционный императив сохранения и развития научного потенциала, взятый в единстве со ст. 67.1 Конституции РФ, означает на принципиально-правовом уровне, что государство не может идти по пути утилитарной редукции, оно обязано обеспечивать науку как форму самопознания и самосозидания нации (что естественным образом обязывает к безусловному, непрерывному подкреплению фундаментальной составляющей).

Вместе с тем если смотреть на вопрос в собственно практическом, историко-ретроспективном аспекте, то нужно констатировать: исследования, казавшиеся современникам абсолютно отвлеченными и бесполезными, могут стать фундаментом для технологических революций. Квантовая механика в момент своего зарождения не обещала ни транзисторов, ни лазеров, ни вычислительных машин. А расшифровка структуры ДНК не имела немедленного фармацевтического применения, но открыла дорогу всей современной геномике и персонализированной медицине.

Право, если оно претендует на стратегическое мышление, обязано учитывать эту двойственную природу научного знания: оно должно защищать свободу и риск фундаментального поиска, исходя из понимания его долгосрочной, зачастую непредсказуемой результативности, и одновременно выстраивать жесткие критерии социальной отдачи для прикладных исследований и технологических разработок. Смешивать эти два режима, предъявлять к фундаментальной науке требования немедленного улучшения жизни — значит отказываться от собственного технологического будущего. Напротив, если в правовом стимулировании прикладных разработок мы не видим ясной социальной перспективы, реальных возможностей укрепления нашей способности отвечать на большие вызовы — тогда действительно такое стимулирование лишено смысла. Эта развилка — между защитой свободы фундаментального поиска и прагматичным нацеливанием прикладной науки на национальные задачи — и есть, возможно, одна из самых тонких настроек, которую предстоит найти законодателю.

Теперь следует непосредственно затронуть ключевой вызов, который стоит сегодня перед отечественным правом: обеспечение технологического лидерства. Здесь, на мой взгляд, принципиально важно избежать подмены понятий.

Технологическое лидерство не должно сводиться к примитивной логике «догнать и перегнать», к технологическому превосходству как абстрактной самоцели. Если ориентироваться исключительно на других, на чужие стандарты, рейтинги, критерии успеха, мы рискуем утратить понимание собственных реальных интересов, естественных ограничителей и уникального потенциала, равно как и своих слабостей, которые тоже надо знать и учитывать в стратегическом планировании.

Полагаю, что технологическое лидерство в том, чтобы уметь задавать собственные стандарты, быть лучшими в том, что нам действительно необходимо. Поэтому логика технологического лидерства должна быть выверена с учетом нашего уникального социокультурного и цивилизационного кода, географического размаха, плотности населения, климатических зон, структуры экономики, исторического опыта мобилизационных прорывов и эволюционных достижений. Задача законодателя — концептуально оформить и надлежаще нормативно подкрепить эти национальные принципы технологического развития, сделав их не просто ориентирами, а реально работающими юридическими механизмами.

Очевидно, что технологическое лидерство невозможно без лидерства правового. Это, если угодно, аксиома нашего времени. Право не может оставаться в традиционной роли реактивного, пассивно-реагирующего регулятора, который опирается на исторический опыт и предсказуемость изменений. Такой подход, к сожалению, до сих пор нередко доминирует, и право отвечает на случившиеся вызовы: возникла проблема — пишем нормативный акт, возникла новая технология — пытаемся «втиснуть» ее в существующие регулятивные схемы.

Но стремительность научно-технического прогресса, системная неопределенность его последствий, тем более если иметь в виду эффект взаимного наложения множества новых технологий, требуют перехода от реактивного к опережающему, проективно-адаптивному регулированию. Мы должны формировать гибкие регулятивные режимы, которые обеспечивают тонкий баланс между стимулами для иннова-

ций и необходимыми превентивными ограничениями. И вопрос, конечно, не сводится к уже привычным экспериментальным правовым режимам, так называемым регуляторным песочницам. Нужен принципиально новый взгляд на право научно-технологического развития, включая научное обоснование сценарного правотворчества (например, через разработку норм, которые активируются — вступают в силу — при достижении определенных пороговых знаний технологических параметров, автоматически или по решению уполномоченного органа; подобная конструкция «спящего режима» не тормозит развитие, но предотвращает нормативный вакуум).

Речь идет о том, что мы должны научиться моделировать регуляторные развилки на годы вперед, видеть не только желаемые, но и потенциально опасные траектории, и создавать правовые «предохранители», которые позволят предотвратить негативные сценарии еще до того, как те станут реальностью. Это высший пилотаж юридической техники на базе стратегического научного прогнозирования, и нам предстоит его освоить.

В этом контексте хотел бы отдельно отметить важность переосмысления так называемого рамочного регулирования.

Существует распространенное и, на мой взгляд, очень опасное заблуждение, что рамочный закон — это панацея. Причем нередко под «рамочностью» часто понимают просто распределение компетенции в пользу подзаконных регуляторов. Логика такая: законодатель дает полномочия, а уже исполнительная власть, которая расторопнее и «ближе» к отраслевым проблемам и потребностям, заполнит эти «рамки» необходимым содержанием. Считаю, что это вредная иллюзия. Закон должен четко задавать цели, задачи, принципы, ценностные ориентиры, которые реально дисциплинируют нижестоящие уровни регулятивной системы и выполнение которых может быть проверено. Это должен быть жесткий юридический каркас, внутри которого исполнительная власть получает оперативно-тактическую свободу маневра для реализации стратегического вектора. Именно такая конструкция обеспечивает надлежащую правовую субординацию, при которой первоисточником права является закон, выражающий волю общества.

В этой связи особое значение приобретает развитие инструментов парламентского права, тем более в контексте новой конституционной

модели взаимоотношений на федеральном уровне законодательной и исполнительной власти.

Имею в виду прежде всего так называемые рекомендательные нормы Государственной Думы, которые сегодня зачастую воспринимаются как факультативные, как некий политический ритуал, но они должны стать действенным и эффективным механизмом своеобразного «индикативного планирования» в правотворчестве.

Когда Государственная Дума принимает постановления по итогам «правительственных часов» или сопровождает принятие закона конкретными рекомендациями, это не просто «благопожелания» депутатов, которые можно вежливо выслушать и благополучно забыть. Это выверенные, закреплённые коллегиальным решением смысловые ориентиры для реализации законодательства, которые обладают высокой

степенью политико-юридической значимости. И если происходят необоснованные, немотивированные отступления от этих парламентских рекомендаций — это должно становиться прямым и неоспоримым поводом для депутатов вернуться к вопросу о работе закона, включая оценку необходимости его корректировки. Именно так выстраивается полноценная система обратной связи, превращающая право в живой, развивающийся «организм», способствующий суверенному технологическому лидерству.

Сегодня перед нами стоят колоссальные по масштабу, сложности и ответственности задачи. Но именно в такие моменты право раскрывает свой подлинный потенциал как фактор цивилизационного развития. Отечественная доктринальная юриспруденция должна работать так, чтобы позитивное право не догоняло реальность впопыхах, а уверенно шло впереди, освещая дорогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зорькин В. Д. Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология (доклад на международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности», Санкт-Петербург, 20 мая 2026 г.) // URL: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
- Подройкина И. А., Попова Л. А. Использование биотехнологий в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государство и право. 2026. № 2. С. 133–144.
- Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т., Сафин З. Ф. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 207–214.

REFERENCES

- Podroykina IA, Popova LA. The Use of Biotechnology in the Context of Russia's National Security. *The State and Law*. 2026;2:133-144. (In Russ.).
- Romashov RA, Romashova GT, Safin ZF. Public Law Foundations for Ensuring Scientific Sovereignty within the CIS Space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026;1:207-214. (In Russ.). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21.
- Zorkin VD. Constitutional Control in the face of Global Challenges. Doctrine and Methodology (report at the international conference «Constitutional control and global challenges of our time», St. Petersburg, 20 May 2026). Available at: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> [Accessed 20.05.2026]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, заслуженный юрист Российской Федерации д. 1, Охотный Ряд ул., г. Москва 103265, Российская Федерация
svkabyшев@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Municipal and Constitutional Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 28 мая 2026 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 28.05.2025.

Revised 28.05.2026.

Accepted 15.06.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

В. Н. Синюков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Нормативная правовая среда для достижения технологического лидерства России

Резюме. В статье рассмотрены концептуальные вопросы реализации стратегического технологического проекта (СТП) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по формированию инновационной правовой среды для достижения технологического лидерства России. Дается характеристика организационно-правовой ситуации в нормативном регулировании науки, которая сложилась в России в пореформенный период. Показано, что на начальном этапе правовых преобразований инновационная сфера не получила необходимых организационно-правовых, имущественных, финансовых, налоговых приоритетов и стимулов в целях опережающего развития исследований и разработок. Делается вывод, что для решения накопившихся вопросов должна быть создана надлежащая правовая среда, на формирование которой в исследовательском аспекте направлен стратегический технологический проект университета. Представлены направления развития проекта: исследование правовых инструментов обеспечения технологических задач экономики; правовая адаптация программ промышленного развития страны; правовое сопровождение и трансфер разработок и др. Обоснованы основные критерии оценки проекта: оригинальность, ориентация на потребителя, экономическая технологичность, соответствие мировому уровню, оценка рисков, определение рынков использования результатов, индикаторы эффективности проекта и др. Аргументируется новое позиционирование университета в юридической науке и образовании как интеллектуального центра инфраструктуры обеспечения правовой составляющей технологического лидерства, в рамках которой создается среда нормативного, этического и экономического проектирования технологий. Научная часть программы нацелена на создание модели правового регулирования, юридической ответственности, в целом архитектуры доверия в условиях технологической неопределенности. Предлагается новая трактовка традиционной иерархии инноваций: не только технологии реагируют на правовые требования, но и юристы встраиваются в саму логику проектирования, переформатируя определение «инновация» с технологического на институциональное и управленческое измерения. Обосновывается положение, что университет становится не только испытательной лабораторией нормативных инноваций, но и проектирует будущие режимы управления технологией до ее полного развертывания. Рассмотрены вопросы организационной структуры проекта, делается вывод о необходимости реструктуризации кластерных проектов под задачи социально-экономических, технологических, федеральных и региональных программ технологического лидерства. Рассматривается вопрос о создании школы правовых инноваций как формы кадрового резерва для молодых исследователей. Делается общий вывод, что университет выступает не только центром текущего правового инжиниринга, но и научным актором правовых решений как экосистема нормативного прогнозирования технологий.

Ключевые слова: Приоритет-2030; стратегический технологический проект в сфере права; нормативная правовая среда; правовой инжиниринг; правовые стимулы инноваций

Для цитирования: Синюков В. Н. Нормативная правовая среда для достижения технологического лидерства России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 17–27. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

The Regulatory and Legal Framework for Achieving Russia's Technological Leadership

Vladimir N. Sinyukov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines conceptual issues involved in implementing the strategic technology project (STP) of Kutafin University (MSAL) to create an innovative legal environment for achieving Russia's technological leadership. The author characterizes the organizational and legal situation in the regulatory framework governing science that emerged in Russia during the post-reform period. The paper shows that, at the initial stage of legal transformations, the innovation sector did not receive the necessary organizational, legal, property-related, financial, and tax priorities and incentives to ensure the accelerated development of research and development. The author concludes that, in order to address the accumulated issues, it is necessary to create an appropriate legal environment, and the university's strategic technology project is aimed at shaping such an environment from a research perspective. The paper describes the project's areas of development: the study of legal instruments for supporting the economy's technological objectives; the legal adaptation of the country's industrial development programs; legal support and transfer of developments, etc. The study substantiates the main criteria for evaluating the project: originality, consumer orientation, economic technological feasibility, compliance with international standards, risk assessment, identification of markets for applying the results, project performance indicators, and others. The paper argues for a new positioning of the university in legal science and education as an intellectual center within the infrastructure that supports the legal component of technological leadership, creating an environment for the regulatory, ethical, and economic design of technologies. The scientific component of the program is aimed at developing a model of legal regulation, legal liability, and, more broadly, an architecture of trust under conditions of technological uncertainty. The author proposes a new interpretation of the traditional hierarchy of innovation: not only do technologies respond to legal requirements, but lawyers become embedded in the very logic of design, reframing the definition of «innovation» from a technological dimension to institutional and managerial dimensions. The study substantiates the position that the university is becoming not only a testing ground for regulatory innovations, but also a designer of future technology governance regimes before technologies are fully deployed; examines issues related to the project's organizational structure and concludes that cluster projects must be restructured to meet the objectives of socioeconomic, technological, federal, and regional programs for technological leadership. It considers the creation of a school of legal innovation as a form of talent pipeline for young researchers. The paper's overall conclusion is that the university serves not only as a center of current legal engineering, but also as a scientific actor in legal decision-making — an ecosystem for the regulatory forecasting of technologies.

Keywords: Priority-2030; strategic technological project in the field of law; regulatory legal environment; legal engineering; legal incentives for innovation

Cite as: Sinyukov VN. The Regulatory and Legal Framework for Achieving Russia's Technological Leadership. *Lex russica*. 2026;79(7):17-27. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the work performed under the state assignment on the topic «Development of the Legal System in the Context of Ensuring the Technological Leadership of the Russian Federation: National Priorities and International Challenges (FSMW-2026-0005)». Registration number: 126022017763-1.

В 2025 г. программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» Минобрнауки России была ориентирована на достижение технологического лидерства Российской Федерации. Согласно решению Совета по реализации программ развития Минобрнауки России Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как ведущий юридический вуз страны

продолжит реализацию программы на основе стратегического технологического проекта (СТП) «Правовой инжиниринг для технологического лидерства»¹.

Социальный заказ на стратегический технологический проект в сфере права. Современная ситуация с правовым обеспечением научно-технологического развития характе-

¹ См.: URL: <https://msal.ru/content/prioritet-2030/>.

ризуется следующими чертами. На правовое регулирование технологического сектора значительный отпечаток наложило то обстоятельство, что многие современные технологии в последние 30–40 лет приходили в Россию из-за рубежа, что в значительной степени разладило технологические цепочки создания собственных технологических продуктов. Серьезно осложнил проблему и фундаментальный факт радикальной смены в начале 90-х гг. прошлого века институтов собственности и управления народным хозяйством, в целом правового статуса имущественных и хозяйственных отношений, в результате чего оказалась невостребованной прежняя административная система регулирования науки и технологий. Многие государственно-общественные институты — Академия наук, профильные ведомства, научные подразделения — подверглись хаотичному реформированию и не всегда продуманной оптимизации, что повлекло ухудшение экономических условий их деятельности, слом годами наработанной исследовательской инфраструктуры, массовый отток научных кадров, соединившийся с бесконечным реформированием высшего образования и системы научной аттестации². В итоге сложная, тонко настроенная и исторически преемственная инфраструктура воспроизводства науки в России оказалась серьезно дезинтегрированной и ослабленной.

Собственно, вопрос правового регулирования в сфере науки в постсоветской России в значительной мере оказался недооцененным. В самом начале реформ был допущен регуляторный перекосяк. При проведении базовых кодификаций, охвативших все регулятивное поле страны — ГК, НК, ТК, ЖК, КоАП и других, их создание шло таким образом, будто права науки как не было, так и не должно было быть в новых имущественных, личных неимущественных, информационных, внешнеэкономических, административно-управленческих и других отношениях. Науке отвели своеобразную нормативную резервацию в виде Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» 1996 г., который оказался по правовой силе вторичным и в известной мере беспредметным, ибо в этом законе невозможно было решить ни одного существенного вопроса организации науки, так как эти вопросы

были уже урегулированы в кодифицированных органических актах.

Очень специфичная сфера науки оказалась во власти так называемого общеэкономического подхода, что по сравнению с советским периодом не давало инновационной сфере организационно-правовых, имущественных, налоговых и финансовых приоритетов, преимуществ и стимулов в опережающем развитии исследований и разработок.

Нерешенность фундаментальных правовых проблем на пореформенном этапе развития научной отрасли в России оказала и оказывает до сих пор серьезное негативное влияние на развитие технологического сектора российской науки.

Для решения накопившихся вопросов должна быть создана актуальная правовая среда. В этих условиях задача правовой части технологической программы «Приоритет-2030» состоит в исправлении дисбалансов правового регулирования науки в России, которые возникли в предыдущие десятилетия и привели к утрате инновационности системой научного знания. Это произошло в том числе под влиянием дисбалансов компетенций, слабости правовых стимулов инноваций, избыточности регулирования, роста административных барьеров, ведомственного хаоса актов и правовых режимов, пробельности правовых инструментов.

Необходимо иметь в виду, что технологическое лидерство — самостоятельный правовой институт, который в настоящее время используется в нормативных и правоприменительных актах в весьма нестрогом значении. Этот институт в аспекте производственной деятельности имеет существенные отличия от института импортозамещения, который также связан с локализацией в стране современных технологий. На нынешнем этапе, когда в России фактически утрачены целые отрасли промышленности, сразу достичь технологического лидерства и даже технологического суверенитета очень трудно. Необходима подготовка юридически значимых дорожных карт индустриального движения к технологическому суверенитету и технологическому лидерству. Такие юридически значимые дорожные карты могут включать промежуточные этапы разработки технологий со специальными правовыми критериями финансирования, отчетности и ответственности исполнителей.

² См.: Мацкевич И. М., Пахомов С. И. Антиконтцепция подготовки научно-педагогических кадров. М. : Проспект, 2026.

Новый концепт правового проекта программы «Приоритет-2030» предполагает развитие в следующих направлениях:

— укрупнение задач программы; устранение избыточных акцентов на предоставление технологическим компаниям узкоспециализированных правовых услуг;

— расширение и конкретизация программы с учетом ключевых технологических задач экономики, в том числе в аспекте национальных проектов;

— адаптация инфраструктуры программы к задачам промышленного развития страны в отраслевом разрезе;

— стимулирование консалтингового аспекта программы на главным образом юридическую адаптацию и правовое сопровождение разработок;

— усиление экономической составляющей программы в аспекте создания комплексных экономико-правовых режимов в продвижении инновационных продуктов и внедрения новых технологий в промышленное производство.

В целом акцент СТП университета на развитии правового инжиниринга должен сопровождаться одновременным расширением концепта всей программы, преодолением традиционных взглядов на консалтинговый характер правового инжиниринга для тех или иных технологических проектов.

Правовой инжиниринг — это комплексный правовой подход к оптимизации правовых процессов, особый вид подрядных работ по структуризации сделок, созданию шаблонов договоров, контролю бизнес-процессов, снижению рисков для повышения скорости и предсказуемости правовых результатов (в том числе LegalTech). Данный институт, хорошо известный зарубежной и отечественной юридической практике, сам по себе входит в число ключевых задач российского права в инновационно-технологической сфере. В стратегическом технологическом проекте университета предпринимается попытка представить правовой инжиниринг шире по сравнению с его обычным значением, например в контексте оценки готовности правовой среды для технологий, развития правовой инфраструктуры и т.д. Преодоление общепринятого узкого понимания этого института будет работать в пользу пози-

ционирования правовых технологий в широком стратегическом значении формирования правовой среды инноваций.

Президент России В. В. Путин ставит задачу создания гибкой правовой среды для науки и инноваций, способствующей быстрому внедрению разработок при обеспечении безопасности. Ключевыми элементами этой среды являются экспериментальные правовые режимы в продвижении ИИ, биоэкономике, нацпроекты технологического лидерства, направленные на снятие барьеров для бизнеса и создание продуктов высокого технологического уровня³.

Введение критериев стратегического, технологического и рыночного проекта. Переформатирование стратегического технологического проекта университета в направлении правового обеспечения технологического лидерства реализуется в соответствии с критериями стратегического, технологического и рыночного проекта.

Таковыми критериями для СТП университета являются показатели и характеристики, позволяющие оценить качество, эффективность и соответствие проекта установленным требованиям, в частности: ориентация на потребителя; оригинальность; экономико-правовая и социальная технологичность; соответствие планам научно-технического развития; комплексная новизна, соответствие мировому уровню, возможность патентования; оценка рисков; анализ эффективности. СТП университета нацелен на критерии рыночного проекта: разработку его бизнес-модели; основные рынки использования; конкурентные преимущества; выявление потенциальных угроз; финансовые критерии эффективности проекта; уникальность (инновационность); управление рисками; анализ спроса на результаты проекта.

Структурирование технологического проекта университета под эти критерии происходит через уточнение тематики НИР, фундаментирование их целей, конкретизацию основных направлений и уточнение инфраструктуры проекта. В результате корректируется реализация проекта от правового сопровождения инновационного технологического бизнеса в направлении создания целостной экономико-правовой среды экономики, междисциплинарной разработки ключевых правовых инструментов,

³ См.: Пленарное заседание Форума будущих технологий // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> (дата обращения: 15.03.2026). См. также: Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : РАН, 2005. С. 9–13.

обеспечивающих технологический суверенитет России⁴. Такой подход полностью соответствует стратегической миссии университета как лидера в научных разработках комплексного правового характера в сфере новых, в том числе технологических, общественных отношений.

Стратегический концепт участия университета в программе «Приоритет-2030» в аспекте достижения технологического лидерства. Правовой инжиниринг есть составная часть более широкого концепта права — «**нормативной среды для технологического лидерства**» (В. В. Путин).

Современные технологические прорывы — ИИ, квантовые вычисления, метавселенные, нейроинтерфейсы — сталкиваются не только с инженерными, но и с правовыми вызовами. Технологии растут быстрее, чем их успевают осмыслить законодатели⁵. Университет выступает интеллектуальной инфраструктурой технологического лидерства, не сопровождая новые устройства, а создавая среду нормативного, этического и экономического проектирования технологий.

Главное отличие от правового инжиниринга в узком его смысле состоит в том, что университет становится механизмом «правовых и бизнес-инноваций» — не в аспекте правового сопровождения технологий, а в смысле создания новых форм правового регулирования, моделей ответственности, цифровых контрактов и архитектуры доверия в условиях технологической неопределенности.

Главная инновация в образовательном аспекте — формирование новой профессии «технологический юрист». Это не только специалист, который применяет закон к технологиям, но и соавтор цифрового будущего, разрабатывающий его правовую и ценностную структуру наравне с инженерами⁶.

Актуальная концепция СТП преодолевает ограничения:

— отличается от правового инжиниринга — это не о технической реализации законов в коде, а о встраивании правового мышления в процесс проектирования, где право становится языком ценностей;

— не сводится к подготовке юристов-консультантов — фокус на переопределение самой профессиональной идентичности, когда юристы становятся соавторами технологических решений, а не внешними менторами;

— предлагает инверсию традиционной иерархии — не технологи реагируют на правовые требования, а юристы встраиваются в саму логику проектирования, переформатируя определение «инновации» с технологического на институциональное и управленческое измерение.

От консультирования к интеграции: юристы не приходят консультировать инженеров, а встраиваются в команды разработки, переводя правовые требования в архитектурные модели технологий.

Новый подход к нормативности: от права к правовой среде.

Традиционно право выступает ретроспективно — правовые механизмы срабатывают после того, как технология уже существует. Правовая концепция технологического лидерства переворачивает эту логику: университет становится испытательной лабораторией нормативных инноваций, которые проектируют будущие режимы управления технологией до ее полного развертывания.

Это достигается через два взаимодополняющих механизма:

1) нормативное предвидение — создание «правовых сценариев» для технологий, которые еще не созданы; разработка дизайн-паттернов, встраивающих юридические требования в архитектуру систем на этапе проектирования. Речь идет о «правомерности по дизайну», где правовые ограничения имплементируются в саму логику системы, а не применяются впоследствии;

2) правовое проектирование как когнитивный инструмент — юристы участвуют в продуктовых командах не как консультанты по соответствию, а как дизайнеры ценностей. Правовые категории (ответственность, прозрачность, справедливость) становятся операционными критериями оценки технологических решений. Это похоже на роль дизайн-мышления, но с фокусом на нормативное измерение.

⁴ См.: Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., перераб. и доп. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2024. С. 28–43.

⁵ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

⁶ См.: Еремин С. Н., Семенов Е. В. Наука и образование в структуре НТР. Новосибирск, 1986.

Уточнение подхода к правовым инновациям: пересборка **институциональной архитектуры проекта**. Правовая инновация в контексте концепта — не столько создание новых законов, сколько переработка существующих правовых инструментов для новых целей и создание гибридных форм, сочетающих элементы разных правовых режимов. Правовая инновация — не новая норма, а новый формат взаимодействия между человеком, технологией и институтом. Например, введение категорий «цифровой субъект», «право на предсказуемость алгоритма», «молчаливое согласие искусственного агента».

Бизнес-инновация в праве — создание новых рынков правового смысла: моделей распределенной юридической экспертизы, контрактных экосистем для нейросетевых стартапов, правовых интерфейсов для метавселенных и автономных организаций.

Примеры реализации:

1) переформатирование доказывания: развитие новых форм «эпистемической ответственности» — интеграция статистического знания, экспертного суждения и местного опыта в процесс принятия решений о технологиях;

2) нестандартные правовые инструменты: «живые договоры», адаптирующиеся к изменяющимся условиям, режимы многоуровневого управления, где решения принимаются на разных уровнях в зависимости от типа затронутых интересов;

3) переквалификация профессиональных ролей: вместо подготовки юристов-консультантов — подготовка «интегральных проектировщиков», которые способны участвовать в дизайне продуктов, понимают архитектуру систем и используют правовое мышление как когнитивный инструмент.

Ориентация на потребителя: сфера разработки и продвижения технологий.

Не консультирование по уже созданным технологиям, а встраивание правовой логики в саму логику проектирования:

— исполнители стратегического технологического проекта участвуют в продуктовых командах не как комплаенс-специалисты, а как дизайнеры новых правовых инструментов;

— правовые категории (правонарушение, ответственность, эффективность, справедливость, права и обязанности) становятся опе-

рациональными — встраиваются в критерии оценки технологических решений;

— разработка «правового языка», на котором инженеры и бизнес-лидеры могут говорить об этико-правовых последствиях технологических решений;

— кейсы из юридической практики (судебные решения о дискриминации, приватности, ответственности платформ) анализируются как проектные решения, показывающие, как нормативные конфликты разрешаются через переструктурирование систем.

Технологический результат: правовое мышление становится компонентом инженерной культуры, а не препятствием для инноваций.

Экономико-правовая и социальная технологичность проекта университета.

Университет демонстрирует технологическое лидерство не через создание устройств, а через управление конфигурацией рисков, стимулов и доверия вокруг технологий, задавая модели:

— как устроены права на данные, алгоритмы и результаты работы ИИ;

— как распределена ответственность между разработчиком, оператором, государством и пользователем;

— как обеспечиваются справедливость, транспарентность и доступ к правосудию в цифровой среде.

В этом смысле правовая и бизнес-инновация становятся таким же важным ресурсом технологического лидерства, как код и «железо», а университет — местом, где этот ресурс системно производится и апробируется⁷.

Оригинальность позиционирования университета в стратегическом технологическом проекте.

Университет может лидировать в области развития традиционных и новых правовых институтов, а не только заниматься юридическим обслуживанием и правовой подготовкой производственных процессов (правовой инжиниринг). Такая деятельность разворачивается в следующих направлениях.

1. Создание инновационных моделей распределения благ и ответственности:

— новые формы контрактации (например, «неудачные контракты», где платеж зависит от достижения социальных целей, а не просто завершения работы);

⁷ См.: Дагаев А. А. Фактор НТР в современной рыночной экономике. М., 1994.

— переформлирование отношений собственности в цифровых экосистемах (право на данные, право на алгоритм, права работников в платформенной экономике);

— механизмы внешней верификации качества (третьи стороны, следящие за соответствием социальным стандартам).

2. Формирование инверсионных моделей лидерства:

— структуры, где власть и решения распределены не иерархически, а через специализированные роли (например, субъекты, ответственные за определенные социальные последствия, независимо от иерархического положения);

— механизмы для потребителей и пользователей влиять на развитие технологий (DAO-подобные структуры, но встроенные в юридическую логику с четкой ответственностью).

3. Разработка инноваций в финансировании и инвестировании:

— новые модели венчурного финансирования, которые встраивают социальные целевые показатели в алгоритмы успеха;

— «юридическое структурирование стартапов» — разработка новых организационных форм (между акционерным обществом и кооперативом), которые соответствуют особенностям цифровой экономики.

Комплексная новизна технологического проекта университета заключается в задаче моделирования новых правовых институтов и институциональных форм, примерами которых могут быть:

— институт «цифрового доверия» для децентрализованных автономных систем (DAO, смарт-контракты, цифровые города);

— правовая конструкция «алгоритмической лицензии» — права на использование, модификацию и ответственность за ИИ-агентов;

— модель «сети автономных юрисдикций» для метавселенных и цифровых государств;

— институт нормативных прототипов;

— создание моделей законов, кодификаций, в том числе этических, соглашений для гипотетических сообществ будущего.

Основные рынки использования результатов проекта характеризуются социальной и технологической широтой: государственные органы и регуляторы; технические вузы и инженеринговые центры; стартапы и инновационные компании; международные исследовательские сети.

Индикаторами эффективности проекта выступают следующие показатели: количество

разработанных нормативных прототипов и концептуальных моделей; сформированность системы проведенных кросс-дисциплинарных сессий с техническими и бизнес-партнерами; число публикаций и экспертных материалов, востребованных регуляторами; оценка активности студентов и молодых исследователей, вовлеченных в проекты.

Уточнение организационной инфраструктуры проекта. В предыдущий период реализации программы «Приоритет-2030» (2021–2025 гг.) конструирование модели Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как инновационного университета велось в программной логике кластерных проектов: киберправа, техноправа, экоправа, геоправа, права устойчивого развития, социоправа, бизнес-права и биоправа. В настоящее время в связи с новой целевой установкой программы «Приоритет-2030» на достижение технологического лидерства России имеющаяся организационная инфраструктура устаревает, так как носит слишком рамочный характер и не является информативной для партнеров и заказчиков, не позволяя фокусироваться на развитии приоритетных для России технологий.

Существующая система центров компетенций (ЦК) недостаточно эффективна с позиций управления новым технологическим проектом и для обеспечения реального участия специалистов университета в текущих изменениях экономических и технологических систем.

Возможно, потребуется рассмотреть вопрос о реструктуризации центров компетенций в правовые инженеринговые центры под задачи реализации социально-экономических, научно-технологических и общественно-гуманитарных федеральных и региональных программ технологического лидерства.

Такой подход позволит планировать конкретные задачи под наукоемкие отрасли промышленности, подготовку кадров, развитие территорий. Новая инфраструктура проекта позволит перейти от абстрактно-межотраслевых законодательных комплексов к такой архитектуре СТП, которая облегчит выработку правовых решений в конкретных областях научно-технологического развития.

Как уже говорилось, задача проекта университета — воссоздание на новом уровне отечественного высокотехнологичного научно-промышленного комплекса. Поэтому инфраструктура проекта должна обеспечить переход к функциям права как инженеринговой систе-

мы и составной части высоких технологий, где правовые кластеры не противопоставляются технологическим задачам. Новая инфраструктура проекта должна представлять университет на новом уровне позиционирования правовой науки как системообразующего института развития.

Система кластерных проектов (правовых инжиниринговых центров) опирается на задачи в целом стратегического технологического проекта и должна координироваться с конкретными технологическими проектами в экономике России. К таким задачам относятся:

- правовое обеспечение перехода к новому технологическому укладу (общие системные вопросы);
- повышение конкурентоспособности российской промышленности;
- снятие зависимости от импорта высоких технологий;
- ускорение и обновление производственной базы в российской промышленности;
- снятие административных барьеров в росте производительности труда;
- экономико-правовые решения проблемы нехватки трудовых ресурсов в промышленности;
- выработка цельных системных подходов к правовому регулированию развития высокотехнологического сектора в России;
- подготовка кадров для обеспечения правовой системы, системы национальной безопасности;
- подготовка кадров для высокотехнологичных отраслей экономики;
- создание эффективной инфраструктуры для поддержки инноваций;
- формирование моделей регионального развития.

В порядке обсуждения предлагается следующая система правовых инжиниринговых центров. 1. Развитие технологий искусственного интеллекта. 2. Производство электронных компонентов программно-аппаратных комплексов. 3. Кибербезопасность. 4. Правовые инструменты создания новых научно-технологических продуктов. 5. Интеллектуальные права и трансфер технологий. 6. Технологический суверенитет в области авиастроения и гражданской авиации. 7. Технологический суверенитет в области судостроения. 8. Технологический суверенитет в станкостроении. 9. Развитие отечественной промышленной робототехники. 10. Медицина и биоэкономика. 11. Продо-

вольственная безопасность в условиях современных вызовов. 12. Кадровое обеспечение высокотехнологичной экономики. 13. Научно-технологическое развитие территорий. 14. Научно-промышленные кластеры. 15. Привлечение инвестиций в сферу высоких технологий. 16. Нормативное обеспечение сферы науки и технологий. 17. Международное научно-технологическое сотрудничество. 18. Система управления научно-технологическим развитием Российской Федерации.

Механизм реализации кластерных проектов на базе правовых инжиниринговых центров образуется системой мероприятий и процессов:

1. Создание исследовательских групп, которые анализируют не только существующие, но и потенциальные технологические траектории (квантовые вычисления, нейрораспределенные системы, управление окружающей средой через сенсорные сети).
2. Разработка «правовых сценариев» — документов, которые описывают возможные нормативные режимы как для проблемных, так и для еще не созданных технологий.
3. Интеграция в процесс проектирования инженеров через совместное создание «дизайн-моделей» для правомерности, которые кодифицируют правовые требования в архитектуру систем до стадии их развертывания.

Новая система кластерных проектов более приближена к реальной проблематике научно-технологического развития и нацеливает центры компетенций на решение задач исследовательской политики в сфере решения технологических задач. Система кластерных проектов должна выполнять роль инфраструктуры, обеспечивающей разработку и внедрение комплексных экономико-правовых решений.

Предлагаемая реструктуризация центров компетенций опирается на существующий потенциал, наработанный в действующей инфраструктуре, и не требует дополнительных интеллектуальных ресурсов. В то же время новая система позволит пересмотреть и конкретизировать задачи, решаемые в рамках инновационных направлений научной и образовательной политики университета.

Школа правовых инноваций. В новой системе СТП должна быть предусмотрена постоянно действующая образовательная структура подготовки руководителей и исследователей междисциплинарного характера для обеспечения задач проекта университета.

Концепт школы основан на положении, что университет становится не поставщиком юристов-консультантов, юристов-инженеров, юристов-стратегов, а архитектором правовой, этической и бизнес-структуры прорывных технологий — через LegalTech, регулирование ИИ и данных, новые модели правового сервиса и правового дизайна.

Стратегическая задача школы состоит в переквалификации профессиональных ролей исполнителей СТП; подготовке нового поколения юристов-исследователей именно для разработки нормативных алгоритмов решения технологических задач.

Вместо подготовки юристов-консультантов необходимо планировать подготовку «интегральных проектировщиков» — специалистов, которые: способны участвовать в продуктивном дизайне; понимают архитектуру систем и могут предложить правовые решения, встроенные в код; используют правовое мышление не как санкционирующий механизм, а как когнитивный инструмент для преобразования проблем; вовлечены в проектирование механизмов принятия решений в технологических системах и заказных рабочих группах.

Цель школы — формирование методических подходов к развитию новых направлений юридической науки.

Учебно-научные задачи школы: обновление методологии юридических исследований на основе синтеза социогуманитарного и технического знания; инновационные способы анализа социально-правовых явлений; выявление аналитического потенциала новых технологических конструкций права; обоснование и продвижение в образовательной культуре технологического подхода к юридическим инновациям; всестороннее переосмысление правовой догмы под углом зрения актуальных задач развития правосознания и правовой культуры.

Структура программы школы (модули и треки) может включать следующие направления.

Академический трек состоит из базового курса «Право и цифровые технологии», который дополняют спецкурсы: «Управление ИИ и ответственность за решения ИИ»; «Право данных и конфиденциальность»; «LegalTech, автоматизация и дизайн юридических процессов»; «Правовой дизайн и коммуникация с пользователем цифровых сервисов».

Проектно-лабораторный трек: в лаборатории «Право и технологические инновации» студенты работают как R&D-консультанты для

внешних заказчиков (стартапов, госорганов, корпораций), моделируя правовую часть продуктов; в LegalTech-студии мини-командами создаются MVP юридико-технологических сервисов (документ-автоматизация, боты, панель комплаенса, дашборды рисков).

Внешний и предпринимательский трек включает акселератор юридических и регуляторных решений: короткие интенсивы, где команды доводят идеи до пилотов вместе с бизнес-структурами; конкурс «Право будущего»: кейс-чемпионаты по проектированию режимов регулирования для ИИ, финтеха, государственные технологии, хакатон по праву и политике.

Факультативная программа может включать курс «Проекты права будущего: от кода к норме»; лабораторию-«песочницу» по вопросам управления ИИ и цифрового права; программу акселерации LegalTech и платформ правового дизайна; международный консорциум «Этика и алгоритмы в правовом контексте».

Форматы участия слушателей могут быть вариативными, в частности могут включать динамические модули — гибрид исследовательского кластера, проектной школы и диспут-клуба:

1. «Право до технологии» — слушатели учатся выявлять зоны нормативной неопределенности, возникающие вокруг развивающихся технологий (например, как будет регулироваться «владение» генетическими профилями, созданными ИИ).

2. «Конструкторы институтов» — моделирование новых правовых институтов (например, «цифровое доверие», «алгоритмическая лицензия», «сеть автономных юрисдикций»).

3. «Иммерсивная юриспруденция» — разработка симуляций, где будущие технологии тестируются с правовой точки зрения: как ведет себя децентрализованный город; как работает алгоритм, если у него появляются правовые обязанности?

4. «Правовая культура технологий» — творческая лаборатория эссе, визуальных нарративов и концептуальных карт, где участники переводят сложные технологические явления в язык понятий, доступных законодательству.

5. «Институт нормативных прототипов» — коллективное написание «пробных» моделей законов, кодексов, этических деклараций, соглашений для гипотетических обществ будущего; «нормативные хакатоны» с участием юристов, инженеров, философов и предпринимателей.

Таким образом, инфраструктура проекта школы включает форму подготовки молодых ученых в целях трансформации образовательной роли университета: наряду с обучением юристов-консультантов-исполнителей — подготовка экспертов в области технико-юридического интегрального проектирования.

Закключение: концептуальные ориентиры стратегического технологического проекта университета. Университет, таким образом, не «помогает технологиям», а участвует в фундаментальной пересборке того, как общество организует производство и распределение благ в эпоху новых технологических систем. Это не консультирование (инжиниринг); это интеллектуальное лидерство, которое переформатирует саму природу правовой практики и юридического образования.

Проект университета исходит из разворачивающейся в настоящее время гуманитарно-технологической революции, суть которой — в синергетическом взаимодействии социальных и технических составляющих технологического суверенитета России.

Юристы, экономисты, программисты и предприниматели работают не над «регуляцией технологий», а над созданием моделей правовых экосистем технологий, в том числе правовой санацией проблемных и формированием

еще не существующих форм взаимодействия цифрового государства, нейрокоммуникаций, алгоритмических решений, больших данных, автономных отраслевых экономик.

Право встраивается в прорывные технологии не как «обслуживание» или «консультации», а как институциональная инфраструктура, создающая и готовые решения, и прототипы институтов, которые могут быть адаптированы под конкретные технологии (например, модель «цифрового доверия» для DAO или «алгоритмической лицензии» для ИИ-агентов).

Университет выступает не только как центр текущего правового инжиниринга, но и экосистема нормативного прогнозирования, выявляя зоны неопределенности и предлагая сценарии развития права для технологий, которые еще массово не внедрены.

СТП университета проектирует новые формы правовых отношений, которые не сводятся к традиционным контрактам, но могут быть основой для новых рынков и институтов (например, «сеть автономных юрисдикций» для метавселенных).

Технические вузы создают прототипы машин, а юридический университет — прототипы институтов. Именно в этом состоит технологическое лидерство университета в гуманитарно-правовом измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дагаев А. А. Фактор НТР в современной рыночной экономике. М., 1994.
- Еремин С. Н., Семенов Е. В. Наука и образование в структуре НТР. Новосибирск, 1986.
- Мацкевич И. М., Пахомов С. И. Антиконцепция подготовки научно-педагогических кадров. М. : Проспект, 2026.
- Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., перераб. и доп. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2024.
- Пленарное заседание Форума будущих технологий // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> (дата обращения: 15.03.2026).
- Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : РАН, 2005.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

REFERENCES

- Avkhadeev VR, Azarova EG, Andrichenko LV, et al. Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, (eds.). Scientific concepts for the development of Russian legislation. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Dagaev AA. The Scientific and Technical Revolution (STR) Factor in the Modern Market Economy. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Eremin SN, Semenov EV. Science and Education in the Structure of the Scientific and Technical Revolution (STR). Novosibirsk; 1986. (In Russ.).

- Khabrieva TYa, Chernogor NN. Law in Digital Reality. *Journal of Russian Law*. 2018;1. (In Russ.).
- Khabrieva TYa. Legal essays on the technological revolution. Moscow: Norma: Infra-M: RAS Publ.; 2005. (In Russ.).
- Matskevich IM, Pakhomov SI. Anti-concept of training scientific and pedagogical personnel. Moscow: Prospect Publ.; 2026. (In Russ.).
- Plenary meeting of the Future Technology Forum. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> [Accessed 15.03.2026]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vnsinyukov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 20 марта 2026 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 20.03.2025.
Revised 20.03.2026.
Accepted 15.06.2026.

Штраф в системе уголовных наказаний по УК РФ и особенности его применения

Резюме. Штраф в качестве вида уголовного наказания определяется в ч. 1 ст. 46 УК РФ как «денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом». Его относят обычно к подсистеме имущественных наказаний, отличая от судебного штрафа в рамках внешних связей системы наказаний. Внутренние связи этой подсистемы проявляются в наличии элемента удержаний из заработной платы (денежного довольствия) в содержании исправительных работ (ст. 50 УК РФ), ограничений по военной службе (ст. 51 УК РФ), принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ). Содержание любого наказания составляют не только заключенные в нем правоограничения, но и его пределы. В данном отношении штраф может оказаться более суровым наказанием, чем некоторые виды, расположенные в перечне (ст. 44) и в санкциях статей Особенной части УК РФ после штрафа. Предметом денежного взыскания может быть также иной доход осужденного. В совокупности с наличием иных предписаний это может ухудшать материальное положение семьи осужденного, вызывать случаи уклонения от уплаты штрафа, требующие его замены иным наказанием (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Акты вышестоящих инстанций содержат описание характерных ошибок, допускаемых при назначении штрафа.

Ключевые слова: уголовное право; наказание; штраф; система наказания; имущественные наказания; исполнение наказания; денежное взыскание; удержание; осужденный; УК РФ; судебный штраф

Для цитирования: Сафин Л. Р. Штраф в системе уголовных наказаний по УК РФ и особенности его применения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 28–39. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.028-039

Fines in the Criminal Penalty System under the Criminal Code of the Russian Federation and the Specifics of Their Application

Lenar R. Safin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. A fine as a form of criminal punishment is defined in the Criminal Code of the Russian Federation as «a monetary penalty imposed within the limits provided for by this Code» (Part 1 of Art. 46). It is generally classified within the subsystem of property-related punishments, while being distinguished from the judicial fine within the external relations of the system of punishments. The internal relations of this subsystem are reflected in the presence of wage or monetary-allowance deductions in the content of correctional labor (Art. 50 of the Criminal Code of the Russian Federation), restrictions on military service (Art. 51), and compulsory labor (Art. 53.1). The content of any punishment consists not only of the legal restrictions it entails but also of its limits. In this respect, a fine may prove to be a more severe punishment than certain types of punishment that appear after the fine in the list of punishments (Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation) and in the sanctions of the articles of the Special Part of the Code. Other income of the convicted person may also be subject to monetary recovery. Taken together with other statutory requirements, this may worsen the financial

situation of the convicted person's family and «give rise to cases of evasion of payment of the fine requiring its replacement with another punishment» (Part 5 of Art. 46 of the Criminal Code of the Russian Federation). Decisions of higher courts describe typical errors committed in imposing fines.

Keywords: criminal law; punishment; penalty; punishment system; property penalties; execution of punishment; monetary penalty; retention; convicted; Criminal Code of the Russian Federation; court fine

Cite as: Safin LR. Fines in the Criminal Penalty System under the Criminal Code of the Russian Federation and the Specifics of Their Application. *Lex russica*. 2026;79(7):28-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.028-039

Введение

Уголовное наказание в виде штрафа предусматривалось законодательством Древней Руси и было известно дореволюционному российскому законодательству как разновидность меры, лишавшей или ограничивающей право собственности лица, совершившего преступление. Профессор Казанского императорского университета Г. И. Солнцев выделял конфискацию имущества, штраф и пеню. Два последних вида рассматривались ученым как денежные взыскания, однако пени налагались «без производства суда палатами, легчайшие денежные взыскания и суть меры исправительные, а не наказательные»¹.

Штраф свойствен современному законодательству России и зарубежных стран, является традиционным видом уголовного наказания, хотя основания и порядок его назначения различаются в зависимости от социально-экономического уклада, особенностей самой правовой системы и доктринальных концепций, присущих данному юридическому сообществу. При этом штраф, наряду с лишением свободы, остается одним из основных и наиболее применяемых видов уголовного наказания.

В советский и последующий периоды жизнедеятельности российского общества и государства уголовно-правовое регулирование и применение штрафа подвергались существенным изменениям с учетом трансформации экономических, политических и социальных условий. Однако он обычно рассматривается как наиболее мягкий из предусмотренных законодательным перечнем видов наказания, составляя реальную альтернативу лишению свободы. Этот подход обосновывается нередко тем, что штраф затрагивает экономическую сферу деятельности человека и «может оказать воздей-

ствие лишь на тех лиц, для кого эта сторона жизни является важной, кто ценит свое имущество, дорожит своей материальной независимостью и репутацией. Для тех же, кто не видит для себя существенной ценности в материальных благах, штраф как вид наказания вряд ли станет средством позитивного воздействия на их дальнейшее поведение»². С категоричностью данного вывода трудно согласиться по ряду причин. Однако следует признать, что для определенной категории преступников штраф может действительно оказаться наиболее эффективной мерой уголовно-правового воздействия в случае совершения ими преступлений небольшой или средней тяжести, включая посяательства на собственность, преступления в сфере экономической деятельности или ряд иных видов преступных деяний, совершенных из корыстных побуждений. Вместе с тем УК РФ не предусматривает особых ограничений в применении штрафа при совершении лицом преступлений другой направленности. Об этом свидетельствует большинство санкций статей его Особенной части. В этом отношении штраф может рассматриваться как достаточно универсальный вид уголовного наказания, допускающий его применение к различным типам личности преступников. Это подтверждается также данными судебной практики применения ст. 46 УК РФ. Так, если в 1998 г. удельный вес осужденных к штрафу составлял 5,9 % от общего числа осужденных, то в последующие годы количество осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного вида наказания, существенно возросло и составило в 2008 г. 133 722 человека (15,5 %), в 2009 г. — 131 402 (14,8 %), в 2010 г. — 123 495 (15,9 %), в 2011 г. — 113 503 (14,6 %), в 2012 г. — 113 358 (15,4 %), в 2013 г. — 116 176 (15,9 %), в 2014 г. — 111 839 (15,7 %), в 2015 г. — 86 758 (13,5 %), в 2016 г. —

¹ Солнцев Г. И. Труды по праву / отв. ред. Л. Т. Бакулина. М. : Статут, 2023. С. 191.

² Баженов О. Н. Наказания в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 49.

100 055 (13,8 %), в 2017 г. — 90 289 (13,1 %), в 2018 г. — 85 353 (13,1 %), в 2019 г. — 74 752 (12,6 %), в 2020 г. — 61 706 (11,8 %), в 2021 г. — 68 232 (12,3 %). Общее число лиц, осужденных к штрафу как к основному наказанию, в 2023 и 2024 гг. возросло и составило соответственно 82 878 и 83 070 человек, а за первое полугодие 2025 г. — 39 758 человек³.

Основная часть

1. Действующий уголовный закон рассматривает штраф в качестве наиболее мягкого наказания. В перечне, предусмотренном статьей 44 УК РФ («Виды наказаний»), он занимает первую позицию (п. «а»). Известно, что в некоторых научных и учебных изданиях этот перечень нередко отождествляется с понятием системы наказаний, с чем нельзя согласиться. «Система наказаний, — пишет Н. Ф. Кузнецова, — это не простой перечень видов наказаний, который представлен статьей 44 УК РФ “Виды наказаний”»⁴. Ко мнению крупного ученого-криминалиста нельзя не присоединиться потому, что оно опирается на общенаучные представления о понятии системы как некоторого множества элементов, которые образуют целостное единство и взаимодействуют между собой. В философии обычно подчеркивается, что качество системы обуславливается количеством и природой элементов и характером связей между ними. При этом специалисты не исключают также наличие некоторых видов совокупностей суммативного типа, где также можно выделить некий системообразующий фактор, но при отсутствии признака целостности, единства элементов⁵. Следовательно, они не могут представлять собой систему.

Нельзя не признать, что в трудах ученых-криминалистов усматривается стремление наделять само понятие перечня наказаний рядом признаков, свойственных системе как объекту познания. Так, В. А. Якушин определяет систему наказаний как «социально обусловленную,

взаимосвязанную и строго обязательную для суда совокупность видов наказаний, установленную уголовным законом в виде целостного и исчерпывающего перечня, расположенного в определенной иерархической последовательности»⁶. В данном определении сосредоточены указания на социальные и собственно юридические признаки, характеризующие, по мнению автора, систему наказаний. Следует подчеркнуть, что некоторые из них отмечались ранее в определении такой системы известным советским ученым-криминалистом Н. А. Стручковым: «система складывается не из любой совокупности наказаний, а из их перечня...»⁷. Следовательно, элементами системы считались сами виды наказания, включенные законодателем в перечень. Этот подход поддерживается в доктрине, однако представляется не доведенным до логического завершения, поэтому несколько упрощенным.

Известно, что содержание каждого вида наказания имеет определенную элементную структуру. Первоначальные представления о ней излагает сам законодатель: согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ *наказание заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления*. Содержанием каждого вида наказания являются указанные обременения, однако оно различается в элементном плане. Так, штраф определяется в УК РФ как денежное взыскание (ч. 1 ст. 46), арест состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества (ч. 1 ст. 54), лишение свободы — в изоляции осужденного от общества (ч. 1 ст. 56). Таким образом, для названных видов наказаний с позиции уголовного закона характерна структура, где приоритетным признается соответствующий элемент, отражающий сущность конкретного вида наказания. Однако некоторые виды наказаний отличаются многоэлементной структурой, т.е. наличием совокупности элементов, причем один из них обозначается

³ Данные судебной статистики // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.12.2025).

⁴ Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 2 : Учение о наказании. С. 27.

⁵ Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.] ; под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2015. С. 348–349.

⁶ Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. С. 76.

⁷ Курс советского уголовного права. Часть общая : в 6 т. / А. Н. Игнатов, С. Г. Келина, М. И. Ковалев [и др.] ; редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. М. : Наука, 1970. Т. 3 : Наказание. С. 56.

в УК РФ как определяющий. К их числу следует отнести, например, исправительные работы (ст. 50), ограничения по военной службе (ст. 51), принудительные работы (ст. 53.1). Названные виды наказаний имеют собственные наименования, однако каждый из них содержит такой элемент, как удержание из заработной платы (денежного довольствия) осужденного в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах, предусмотренных уголовным законом (ч. 3 ст. 50, ч. 2 ст. 51, ч. 3 ст. 53.1 Кодекса).

Наличие такого элемента сближает их с уголовным наказанием в виде штрафа. Неслучайно некоторые советские ученые считали исправительные работы имущественным взысканием, замаскированным штрафом или штрафом, взимаемым в рассрочку⁸. Подобная оценка справедливо критиковалась. «Исправительные работы, — писал М. И. Ковалев, — характеризуются не только и не столько тем, что осужденный подвергается известным ограничениям материального порядка, а главным образом тем, что на него в процессе исполнения наказания оказывается исправительно-трудовое воздействие»⁹. Кроме того, в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством в период отбывания исправительных работ осужденным запрещается увольнение с работы по собственному желанию без разрешения уголовно-исполнительной инспекции (ч. 3 ст. 40 УИК РФ), а на администрацию организации возлагается не только производство удержаний из заработной платы осужденного, но также контроль за его поведением на производстве и содействие в проведении с ним воспитательной работы, другие обязанности (ч. 1 ст. 43 УИК РФ).

Наиболее значительной в количественном отношении структурой отличается наказание в

виде принудительных работ. В редакции Федерального закона от 23.07.2025 № 218-ФЗ они заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исправительной системы, привлечении его к труду в местах, определяемых этим органом (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ), а также удержании из заработной платы осужденного в доход государства «в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов» (ч. 3 ст. 53.1 УК РФ)¹⁰. Наличие последнего из перечисленных ранее элементов в структуре данного вида наказания сближает его со штрафом¹¹.

Проведенный анализ позволяет, на наш взгляд, получить представление о системе наказаний в несколько ином ракурсе, чем понимание ее только как совокупности *видов* наказаний, предусмотренных законодательным перечнем. Это дает основу для разграничения понятий «система наказаний» и «система видов наказаний», а также позволяет классифицировать последние по подсистемам и обособленным группам в рамках одной подсистемы.

Думается, что классификация наказаний не может рассматриваться как самостоятельный признак их системы, как иногда считается в специальной литературе. Понимаемая как деление целостного (единого) множества на отдельные составляющие по определенным критериям (основаниям) классификация уголовных наказаний представляет собой метод (способ) познания системы.

Как отмечалось ранее, первоначальное направление для классификации наказаний указывает сам законодатель, когда подчеркивает, что наказание «заключается в предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод» лица, признанного виновным в совершении преступления. В этом отношении штраф не лишает и не ограничива-

⁸ См.: *Меньшагин В. Д.* О принудительных работах по месту работы // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 25–26.

⁹ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 3. С. 20.

¹⁰ До вступления в силу Федерального закона от 23.07.2025 № 218-ФЗ такой элемент рассматриваемого наказания, как содержание осужденного в учреждении уголовной исправительной системы, регламентировался не в УК РФ, а в ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ, т.е. в норме иной отраслевой принадлежности. Такое законодательное решение противоречило части 1 ст. 43 УК РФ, в соответствии с которой лишение или ограничение прав и свобод осужденного лица должно быть предусмотрено Уголовным кодексом. Названным Федеральным законом в ст. 53.1 УК РФ были внесены соответствующие дополнения.

¹¹ Содержание наказания в виде принудительных работ представляется перенасыщенным репрессивными элементами. По этой и иным причинам, связанным с надлежащим исполнением принудительных работ с учетом их общей направленности, целесообразно исключить указание на необходимость удержания из заработной платы осужденного из содержания данного вида наказания.

ет свободы осужденного. В законодательстве (разд. II УИК РФ) и доктрине этот вид наказания относится к подсистеме наказаний, не связанных с изоляцией его от общества, т.е. не лишает лицо физической свободы и не ограничивает ее. В рамках иной группировки штраф обычно причисляют к наказаниям, ограничивающим право собственности осужденного¹². При этом важно, что такое право в полном объеме осужденным к штрафу не утрачивается. Он ограничен в праве распоряжаться принадлежащим ему имуществом (заработная плата или иной доход) по своему усмотрению, поскольку только его часть (в размере, установленном судом, и в законных пределах) поступает в доход государства¹³.

Следовательно, существуют определенные внутренние связи системы не только между отдельными элементами, составляющими содержание наказаний, предусмотренных в законодательном перечне. Они прослеживаются также между видами наказаний и санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ.

Система уголовных наказаний, как любая другая, располагает и некоторыми *внешними* связями с системами другого порядка (уровня). Это связанность проявляется и применительно к наказанию в виде штрафа. В этом отношении данное уголовное наказание реализуется в рамках более общей системы мер уголовно-правового характера, выступает ее фрагментом.

Действующее уголовное законодательство не исключает возможности назначения судом денежных взысканий вне пределов системы наказаний, поскольку к числу иных мер уголовно-правового характера относит *судебный штраф* (гл. 15.2 УК РФ). Согласно ст. 104.1 Кодекса, определяемый как денежное взыскание, он может быть назначен при освобождении лица от уголовной ответственности, следовательно, имеет правовую природу, отличную от штрафа как уголовного наказания и формы реализации уголовной ответственности.

Следует подчеркнуть, что присвоенное законодателем наименование «судебный штраф» само по себе не раскрывает правовой природы данной меры, поскольку уголовное наказание в виде штрафа также назначается судебным решением. Различие в его процессуальной

форме: штраф определяется обвинительным приговором суда, а судебный штраф — постановлением, выносимого при освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 5, 6 ст. 446.2 УПК РФ). Разная процессуальная форма судебных решений предопределена спецификой штрафа как меры наказания и судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера.

Вместе с тем их правовая природа обладает некоторым сходством. Согласно ст. 76.2 УК РФ судебный штраф назначается в случае, если лицо «возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред». Поэтому он не может рассматриваться как средство компенсации такого вреда. Следовательно, такой штраф также включает в себе момент осуждения деяния и лица, совершившего преступление, который свойствен наказанию как форме реализации уголовной ответственности. Кроме того, законодатель устанавливает порядок определения судебного штрафа с учетом содержания санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 104.5 Кодекса размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если такой штраф не предусмотрен санкцией, то размер судебного штрафа не может быть более 250 тыс. руб.

Размер штрафа как уголовного наказания и судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения виновного лица и его семьи, а также с учетом получения указанным лицом заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46, ч. 2 ст. 104.5 УК РФ). Однако закон не предусматривает при этом возможности наложения судебного штрафа с рассрочкой выплаты определенными частями, что допускается при назначении наказания в виде штрафа с учетом вышеназванных обстоятельств на срок до пяти лет (ч. 3 ст. 46 УК РФ).

2. Содержание штрафа, его место в перечне наказаний, внутренние и внешние связи структурных элементов всей системы и встроенных в нее видов наказаний во многом предопределяют основания, условия и порядок назначения и исполнения этого уголовного наказания.

¹² См., например: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 537.

¹³ Прямого указания на этот счет в УК РФ не содержится.

Поскольку штраф определяется в УК РФ как денежное взыскание, то в законе установлены три способа его исчисления:

1) в размере, соответствующем определенной денежной сумме¹⁴;

2) в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период¹⁵.

Так, по мнению Шестого кассационного суда общей юрисдикции, наличие у осужденного пенсии составляет постоянный доход, который позволяет достичь цели наказания при назначении ему штрафа. Важно подчеркнуть, что за точку отсчета судом должна быть взята либо заработная плата осужденного, либо иной его доход. Первым кассационным судом общей юрисдикции было передано на новое рассмотрение дело в связи с назначением штрафа и взысканием его одновременно с заработной платы и иных доходов осужденного (дивидендов). В постановлении было указано, что при таких обстоятельствах нарушены общие правила назначения наказания, а также статья 46 УК РФ, которая рассматривает данные способы исчисления штрафа как альтернативные¹⁶;

3) в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчиков в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд,

взятки или незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

Кратный штраф, как правило, назначается с рассрочкой выплаты, поэтому правовые последствия его применения в виде судимости распространяются на более длительное время, что обеспечивает продолжительный предупредительный эффект применения этого наказания.

Значительное увеличение размера штрафа, назначаемого при любом способе исчисления, позволяет ученым рассматривать это наказание в качестве реальной альтернативы лишению свободы¹⁷. В рамках начавшейся либерализации это получило подтверждение в содержании поправок, внесенных в УК РФ¹⁸. Особенно это коснулось преступлений в сфере экономики, где штраф предусмотрен в санкциях альтернативным наказанию в виде лишения свободы.

При любом способе его назначения штраф должен быть определен в виде конкретной денежной суммы. В резолютивной части приговора Пленум Верховного Суда РФ рекомендует указывать способ исчисления и сумму штрафов в денежном выражении¹⁹.

Законодатель в ч. 2 ст. 46 УК РФ установил нижнюю границу штрафа – 5 тыс. руб. Следовательно, в случаях, когда в конкретной статье Особенной части УК РФ не предусмотрен его минимальный размер, то для его определения следует руководствоваться частью 2 ст. 46 УК РФ (см., например, ч. 1 ст. 133). Рассматриваемый

¹⁴ В теории уголовного права предложено оставить только этот способ исчисления штрафа, поскольку «все иные способы в конечном счете определяют итоговую твердую сумму в рублях» (см.: Анисимов А. А., Буданов С. А., Григоренко И. И. К вопросу о развитии системы наказаний в Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23–24 января 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 445).

¹⁵ См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2021 № 77-3911/2021 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁶ См.: постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2022 № 77-1632 /2022.

¹⁷ См. об этом подробно: Бриллиантов А. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность. 2004. № 3. С. 11.

¹⁸ См.: федеральные законы от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714) ; от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362) ; от 28.07.2012 № 144-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4333).

¹⁹ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

аспект актуален также для назначения наказания в порядке ст. 64 УК РФ, замены неотбытой части наказания более мягким видом согласно ст. 80 УК РФ и других случаев замены наказания (ч. 3 ст. 81, ч. 3 ст. 82 Кодекса).

Штраф в размере от 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Данное правило *не распространяется* на случаи исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, подкупа арбитра (третейского судьи), взятки или незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Тогда штраф устанавливается в размере до стократной суммы таких подкупа, взятки или незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не менее 25 тыс. и не более 500 млн руб.

Некоторые ученые сомневаются в возможности уплаты подобных сумм штрафов. В этой связи закон требует, чтобы, назначая штраф, определяя его размер и решая вопрос о рассрочке его выплаты, суды учитывали тяжесть совершенного преступления, имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). В этих целях следует выяснять наличие или отсутствие места работы у осужденного, размер его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, наличие имущества, малолетних детей, нетрудоспособных родителей, иных иждивенцев и т.п. В связи с этим в приговоре важно отражать характеристику имущественного положения семьи осужденного и иные обстоятельства, имеющие значение для вынесения решения.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалобы о несоответствии ст. 46 УК РФ

Конституции РФ (поскольку данная статья допускает возможность ухудшения имущественного положения не только самого осужденного, но и членов его семьи), указал, что «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и с учетом положений его Общей части, а более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания; при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (часть первая и третья статьи 60 данного Кодекса).

Приведенные положения учитываются и при назначении штрафа, размер которого определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода; при этом с учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет...»²⁰.

Судебная практика опирается на данные положения закона. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции исключил из приговора и апелляционного определения дополнительное наказание в виде штрафа, поскольку при его назначении суд первой инстанции не выяснил у осужденных наличие или отсутствие у них места работы, размер заработной платы или иного дохода, а также доходов членов их семей, возможность трудоустройства, наличие имущества, иждивенцев и другие данные, необходимые для назначения наказания в виде штрафа²¹.

Согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ при назначении штрафа подлежит учету возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода. При этом отсутствие у осужденного работы и источника постоянного заработка на

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 46 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²¹ См.: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2022 № 77-475/2022.

момент вынесения приговора не препятствует назначению штрафа в качестве уголовного наказания или снижению его размера. Так, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции оставил приговор суда первой инстанции без изменений и указал, что «отсутствие у осужденного в настоящее время постоянного места работы не может бесспорно свидетельствовать о необходимости снижения назначенного наказания, поскольку, как следует из его пояснений в суде апелляционной инстанции, с предыдущего места работы он уволился по собственному желанию, в ближайшее время намерен трудоустроиться, имеет денежные сбережения, которыми готов частично оплатить штраф, каких-либо долговых обязательств не имеет. Таким образом, все заслуживающие внимания обстоятельства, известные суду на момент постановления приговора, были надлежащим образом учтены при решении вопроса о виде и размере наказания за совершенное преступление»²². Аналогичный подход применил и Девятый кассационный суд общей юрисдикции. В определении он отметил, что наличие или отсутствие работы и источника заработка лишь дифференцирует размер штрафа, но не обуславливает возможность его назначения. «Кроме того, мотивируя невозможность назначения Б. наказания в виде штрафа, суд в приговоре сослался на отсутствие у Б. работы и источника дохода. Вместе с тем согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода учитываются при определении размера штрафа и решении вопроса о рассрочке его выплаты»²³.

Суд может назначить выплату штрафа с рассрочкой до пяти лет, мотивировав в приговоре принятое решение и указав конкретные сроки выплат частями и суммы (размеры) выплат в пределах установленного периода рассрочки. Осужденный к штрафу с рассрочкой выплаты обязан в течение 30 дней со дня вступления

приговора или решения суда в законную силу уплатить первую часть штрафа. Оставшиеся части штрафа он должен уплачивать ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца (ч. 3 ст. 31 УИК РФ).

Штраф в качестве *дополнительного* вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ч. 4 ст. 46 УК РФ). Это положение реализуется в судебной практике²⁴. Если предусмотренное санкцией дополнительное наказание в виде штрафа не упомянуто как обязательное, суд в описательно-мотивировочной части приговора должен указать основание его назначения с приведением соответствующих мотивов²⁵.

В судебной практике применения ст. 64 УК РФ встречаются ошибки при назначении штрафа как дополнительного наказания, если он предусмотрен в качестве обязательного. В статье закреплены правила более мягкого основного наказания. Однако относительно дополнительного наказания допускается только его неприменение. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указано, что судом первой инстанции при обсуждении вопроса о назначении наказания по ч. 3 ст. 290 УК РФ был выявлен ряд обстоятельств (явка с повинной, наличие малолетнего ребенка, активное содействие раскрытию преступления), из-за чего суд пришел к выводу о применении ст. 64 Кодекса. Вместе с тем эти положения были применены и к дополнительному наказанию в виде штрафа, размер которого по приговору стал ниже минимального, предусмотренного санкцией нормы. Верховный Суд РФ посчитал назначение штрафа ошибкой, изменил приговор и последующие судебные решения и исключил дополнительное наказание²⁶.

Назначение штрафа в качестве дополнительного наказания по усмотрению суда требует подробной регламентации оснований принятия такого решения и аргументированной моти-

²² Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 23.12.2020 по делу № 55-744/2020.

²³ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2021 по делу № 77-465/2021.

²⁴ См.: определение № 56-ДП08-45 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2008 г. (утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2009, от 04.03.2009) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 5.

²⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 29-П19С // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.).

²⁶ См.: кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 17.11.2016 № 83-УД16-13.

вировки. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции указал, что, назначив осужденному дополнительное наказание в виде штрафа, суд в описательно-мотивировочной части приговора не мотивировал, а лишь формально, без приведения каких-либо фактических данных, сослался на сведения о личности осужденного, его поведение до и после совершения преступления. При этом установлено, что осужденный ранее судим не был, не состоит на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, положительно характеризуется. Исходя из указанных обстоятельств, суд кассационной инстанции пришел к выводу о необоснованности применения к осужденному дополнительного наказания в виде штрафа²⁷.

Конституционный Суд РФ указал, что назначение основного и дополнительного наказания не противоречит Конституции РФ, поскольку они определяются исходя из совокупности обстоятельств, характеризующих личность виновного и его поведение после совершения преступления. Так, за совершение преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ, Р. С. Пылаев был осужден к девяти годам лишения свободы со штрафом в размере 40 млн руб. (50-кратная сумма взятки), с лишением на три года права занимать должности на государственной и муниципальной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий, с лишением классного чина «младший советник юстиции». Осужденный обратился в Конституционный Суд РФ и указал, что пункт «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ и пункт 7 ст. 1 Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не соответствуют Конституции РФ, так как допускают возможность назначения штрафа в размере, кратном сумме взятки, с одновременным лишением свободы на срок до 10 лет, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишением специального звания или классного чина.

Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ отметил, что

согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. Ввиду тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет²⁸.

В УК РФ значительно расширены возможности наложения штрафа в качестве дополнительного наказания, особенно за преступление в сфере экономики. Однако нельзя согласиться с высказываемым иногда мнением о наделянии суда правом на усмотрение относительно применения штрафа в качестве дополнительного наказания, независимо от наличия его в санкции. Следует согласиться с Л. Л. Кругликовым, что в силу высокой репрессивности штрафа назначение его в качестве дополнительного наказания за любое преступление привело бы к ужесточению наказания при отсутствии достаточных к тому оснований²⁹.

Если за совершение преступления штраф назначен в качестве основного наказания, то его нельзя назначить в качестве дополнительного наказания за это же преступление.

При обращении взыскания на заработную плату и иные виды доходов осужденного у него не может быть удержано более 50 % заработной платы и приравненных к ней платежей и выдач. Если же у осужденного одновременно взыскиваются алименты на содержание несовершеннолетних детей, а также какие-либо суммы в возмещение вреда здоровью или вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца, или за ущерб, причиненный преступлением, то сумма удержаний не может быть более 70 % заработной платы или приравненных к ней платежей.

Согласно ст. 88 УК РФ штраф применим к *несовершеннолетним*. Согласно ч. 2 этой статьи он назначается как при наличии у этого лица самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей

²⁷ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2021 № 77-2115/2021.

²⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3252-О.

²⁹ См.: Уголовное право России. Часть общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд. М. : Проспект, 2012. С. 358.

с их согласия. В целом это не противоречит ч. 1 ст. 43 УК РФ, уголовное наказание может быть применено к лицу, признанному виновным в совершении преступления. При этом объективное вменение (ч. 2 ст. 5 УК РФ) недопустимо даже при наличии согласия заинтересованных представителей несовершеннолетнего. Субсидиарная ответственность также невозможна в уголовном праве, как и недопустимо то, чтобы штраф носил компенсационный характер³⁰.

Штраф, назначенный несовершеннолетнему, должен быть не выше 50 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

Выводы

Исследование научных публикаций по проблемам назначения штрафа³¹, материалов судебной практики и статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ показало:

1) в структуре осужденных 62,9 % (2018 г.) трудоспособных лиц не имели постоянного места работы, поэтому уплата штрафа для таких граждан проблематична;

2) назначение штрафа лицу, не имеющему места работы, постоянного источника дохода и злоупотребляющему спиртными напитками, как правило, ведет к тому, что штраф, назначенный в качестве уголовного наказания, не будет уплачен. В соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ и ч. 1 ст. 32 УИК РФ может иметь место злостное уклонение от уплаты штрафа, хотя на самом деле штраф не должен назначаться таким лицам изначально.

Часть 5 ст. 46 УК РФ предусматривает замену штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты иным наказанием. Следовательно, важно различать случаи неуплаты штрафа по объективным причинам (в том числе в связи с ошибочным решением суда) и злостное уклонение от уплаты штрафа как вид уголовного правонарушения.

Согласно ч. 2 ст. 31 УИК РФ в случае, если осужденный не имеет возможности одновременно уплатить штраф, суд по его ходатайству может рассрочить уплату штрафа на срок до пяти лет. В иной ситуации исполнение штрафа, назначенного в качестве основного наказания, может оказаться невозможным. Так, Б., осужденному по ч. 3 ст. 159, ст. 173.1 УК РФ, было назначено наказание в виде штрафа в размере 700 тыс. руб. В апелляционной жалобе осужденный указал, что установленные ранее ограничения в виде запрета на выезд за пределы района лишают его как таксиста возможности заработка. Он направил в суд ходатайство о замене штрафа обязательными работами для сохранения дохода семьи. Суд второй инстанции, после того как штраф в установленный срок не был уплачен, заменил его ограничением свободы³².

Законодательство предусматривает различный порядок возложения ответственности за злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного наказания, а также в зависимости от способа исчисления.

Согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания и исчисляемого в конкретной денежной сумме либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период, он заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы.

Если имеет место злостное уклонение от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, то штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом назначенное наказание (включая лишение свободы) не может быть условным.

В том случае, если осужденный злостно уклоняется от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, взыскание штрафа производится судебным приставом-исполнителем в принудительном порядке, предусмотренном частью 3 ст. 32 УИК РФ.

³⁰ См.: Чугаев А. П., Веселов Е. Г. Назначение наказания : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 262.

³¹ См.: Огорелков Д. А. Преодоление противоречий между исполнимостью и репрессивностью штрафа // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23–24 января 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 448–449.

³² См.: апелляционное постановление от 04.04.2019 по делу № 22-1942/2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А. А., Буданов С. А., Григоренко И. И. К вопросу о развитии системы наказаний в Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23–24 января 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 443–447.

Баженов О. Н. Наказания в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 200 с.

Бриллиантов А. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность. 2004. № 3. С. 10–13.

Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.] ; под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2015. С. 348–349.

Курс советского уголовного права. Часть общая : в 6 т. / А. Н. Игнатов, С. Г. Келина, М. И. Ковалев [и др.] ; редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чихиквадзе. Т. 3 : Наказание. М. : Наука, 1970. 350 с.

Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов. Т. 2 : Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. 464 с.

Меньшагин В. Д. О принудительных работах по месту работы // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 23–26.

Огорелков Д. А. Преодоление противоречий между исполнимостью и репрессивностью штрафа // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23–24 января 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 448–449.

Солнцев Г. И. Труды по праву / отв. ред. Л. Т. Бакулина. М. : Статут, 2023. 373 с.

Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 854 с.

Уголовное право России. Часть общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд. М. : Проспект, 2012. 612 с.

Чугаев А. П., Веселов Е. Г. Назначение наказания : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2008. 328 с.

Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. 337 с.

REFERENCES

Alekseev AP (ed.), Vasiliev GG, et al. Brief philosophical dictionary. 2nd ed. Moscow: RG-Press Publ.; 2015. (In Russ.).

Anisimov AA, Budanov SA, Grigorenko II. The development of the punishment system in the Russian Federation. In: *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2020. (In Russ.).

Bazhenov ON. Punishment in the form of a fine: problems of legislative consolidation, imposition, and execution. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2013. (In Russ.).

Brilliantov A. New legislative approaches to criminal punishment. *Zakonnost*. 2004;3:10-13. (In Russ.).

Chugaev AP, Veselov EG. Punishment Imposition. Moscow; 2008. (In Russ.).

Ignatov AN, Kelina SG, Kovalev MI, et al. Piontkovsky AA, Romashkin PS, Chkhikvadze VM (eds). Course of Soviet Criminal Law. In 6 Vols. General Part. Vol. 3: Punishment. Moscow: Nauka Publ.; 1970. (In Russ.).

Kruglikov LL (ed.). Criminal Law of Russia. General Part. Moscow; 2012. (In Russ.).

Kuznetsova NF, Tyazhkova IM (eds). Criminal Law Course. General Part. Vol. 2: The doctrine of punishment. Moscow: Zerkalo-M Publ.; 2002. (In Russ.).

Menshagin VD. On forced labor at the place of work. *Sotsialisticheskaya zakonnost [Socialist Legality]*. 1938;12:23-26. (In Russ.).

Ogorolkov DA. Overcoming the contradictions between the enforceability and repressiveness of the fine. In: *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2020. (In Russ.).

Solntsev GI, Bakulin LT (ed.). Works on Law. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).

Sundurov FR, Tarkhanov IA. Criminal Law of Russia. General Part. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).

Yakushin VA. Punishment and other measures of criminal law impact. Togliatti; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафин Ленар Ринатович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
lenar.safin@kpfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lenar R. Safin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Rector, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
lenar.safin@kpfu.ru

*Материал поступил в редакцию 12 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 12 мая 2026 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 12.04.2025.
Revised 12.05.2026.
Accepted 15.06.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.040-051

А. Н. Калюжный
Академия ФСО России
г. Орел, Российская Федерация

Неразглашение данных предварительного расследования: правовое закрепление и практическая реализация

Резюме. Констатируется предусмотренная уголовно-процессуальным законом возможность применения института неразглашения данных предварительного расследования на любой из досудебных стадий уголовного судопроизводства. Делается вывод о необходимости трактовки категории «предварительное расследование» в широком смысле — как деятельности уполномоченных субъектов по изобличению виновных и реализации назначения уголовного судопроизводства, что позволяет привлекать лиц к ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. Отмечается направленность рассматриваемого института не только на обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, но и на гарантированность интересов правосудия с момента поступления сообщения о преступлении. Аргументируется единство принципов уголовного судопроизводства и общих условий предварительного расследования для всех участников судопроизводства, подчеркивается возможность применения исследуемого института в отношении подозреваемых и обвиняемых без нарушения их права на защиту. Указывается на отсутствие в процессуальном статусе подозреваемого и обвиняемого обязанности дачи подписки о неразглашении данных предварительного расследования, что не запрещает ее получение органами предварительного расследования. Даются рекомендации лицам, осуществляющим предварительное расследование, об избрании мер пресечения, связанных с ограничением свободы подозреваемых, обвиняемых, при их отказе от дачи анализируемой подписки. Обосновывается зависимость содержания подписки о неразглашении данных предварительного расследования от обстоятельств конкретного уголовного дела, что подчеркивает отсутствие необходимости в законодательном закреплении императивного перечня не подлежащей разглашению информации.

Ключевые слова: тайна досудебного производства; предупреждение о неразглашении данных; предварительное расследование; подписка о неразглашении; ответственность; стадии; возбуждение уголовного дела; безопасность участников; интересы правосудия; объем ограничений

Для цитирования: Калюжный А. Н. Неразглашение данных предварительного расследования: правовое закрепление и практическая реализация. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 40–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.040-051

Non-Disclosure of Pre-Trial Investigation Data: Legal Framework and Practical Implementation

Alexander N. Kalyuzhny
Russian Federation Security Guard Service Federal Academy
(FSO Academy of Russia)
Oryol, Russian Federation

Abstract. The paper highlights that criminal procedure law permits the application of the institution of nondisclosure of preliminary investigation data at any pretrial stage of criminal proceedings. It concludes that the category of «preliminary investigation» should be interpreted broadly — as the activity of authorized actors aimed at exposing offenders and fulfilling the purposes of criminal proceedings — which makes it possible to

© Калюжный А. Н., 2026

hold persons liable for disclosing preliminary investigation data (Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation) at the stage of initiating a criminal case. The study notes that the implementation of this institution is directed not only toward safeguarding the rights and freedoms of participants in criminal proceedings but also toward ensuring the interests of justice from the moment a crime report is received. It argues for the unity of the principles of criminal proceedings and the general conditions of preliminary investigation for all participants involved in the proceedings, emphasizing that the institution under study may be applied to suspects and accused persons without violating their right to defense. The author points out that the procedural status of a suspect or an accused person does not include an obligation to sign an undertaking not to disclose preliminary investigation data, but that this does not prohibit preliminary investigation authorities from obtaining such an undertaking. Recommendations are offered to persons conducting preliminary investigations regarding the selection of preventive measures involving restrictions on the liberty of suspects and accused persons when they refuse to provide the undertaking at issue. The paper substantiates that the content of an undertaking not to disclose preliminary investigation data depends on the circumstances of the particular criminal case, thereby underscoring the absence of any need to establish by statute an imperative list of information not subject to disclosure.

Keywords: pre-trial secrecy; non-disclosure warning; preliminary investigation; non-disclosure statement; liability; stages; initiation of criminal proceedings; safety of participants; interests of justice; scope of restrictions

Cite as: Kalyuzhny AN. Non-Disclosure of Pre-Trial Investigation Data: Legal Framework and Practical Implementation. *Lex russica*. 2026;79(7):40-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.040-051

Введение

Достижение задач уголовного судопроизводства и реализация его принципов возможны при соблюдении общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства. Фактически они выступают правилами, отражающими специфические особенности реализации уголовного судопроизводства на досудебных и судебных стадиях, а также требованиями, в соответствии с которыми осуществляется уголовно-процессуальная деятельность. Соблюдение общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства обеспечивает единство положений закона для всех его участников, гарантируя возможность реализации предоставленных им прав и интересов.

Одним из важнейших условий предварительного расследования выступает недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), призванная обеспечить назначение уголовного судопроизводства, сохранить данные о ходе и результатах предварительного расследования, личную, семейную и иную, охраняемую законом тайну, предотвратить нанесение вреда репутации привлекаемого к ответственности лица и создание предпосылок для противодействия расследованию.

Несмотря на значительный срок существования института неразглашения данных пред-

варительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны, впервые закрепленного в ст. 115 УПК РСФСР 1923 г. и впоследствии неоднократно трансформируемого вносимыми изменениями, механизм его реализации так и не получил единой практики, а содержание норм — однозначной трактовки.

Тайна досудебного производства (предварительного расследования) выступает комплексным правовым институтом, механизм обеспечения которого образован частью 4 ст. 96 УПК РФ, предусматривающей особенности сохранения в интересах предварительного следствия в тайне факта задержания подозреваемого; частью 9 ст. 166 УПК РФ, определяющей процедуру сохранения в тайне данных о личности участников предварительного расследования; частью 8 ст. 193 УПК РФ, устанавливающей специфику обеспечения безопасности опознающего и проведения опознания в условиях, исключающих его визуальное наблюдение опознаваемым, и др.

Обеспечению тайны досудебного производства служит и статья 310 УК РФ, нормы которой, согласно данным судебной статистики, фактически не применяются. За последние 10 лет судом было рассмотрено лишь одно уголовное дело (в 2022 г.)¹, что не отражает важности и значимости института неразглашения данных

¹ См.: Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначении наказания по статьям УК РФ // URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 02.04.2025).

предварительного расследования, подчеркивая проблемность применения анализируемых норм.

Несмотря на то что отдельные вопросы механизма обеспечения тайны следствия и недопустимости разглашения его данных являлись предметом исследования Е. В. Блиновой², И. В. Кутазовой³, А. П. Липинского⁴, М. А. Новиковой⁵ и других авторов, утверждать о разрешении большинства из них преждевременно: они требуют дальнейшего обозначения и решения.

Имеющиеся в действующем уголовно-процессуальном законодательстве положения, устанавливающие специфику реализации анализируемого условия предварительного расследования, а также сформировавшаяся судебная практика их толкования лишены однозначной и четкой интерпретации, в результате чего остается неразрешенным ряд вопросов: а) допустимость применения положений ст. 161 УПК РФ в процессе доследственной проверки; б) возможность их реализации в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства, прежде всего подозреваемых или обвиняемых; в) имеется ли необходимость конкретизации законодателем перечня данных, разглашение которых недопустимо, либо лицо, осуществляющее расследование, должно в каждом конкретном случае такие сведения определять самостоятельно; г) перспективы наступления правовых последствий при нарушении предписаний, предусмотренных статьей 310 УК РФ на стадии возбуждения уголовного дела.

Противоречия в реализации института неразглашения данных предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела

Внесенные законодателем изменения стадии возбуждения уголовного дела⁶ повлекли трансформацию системы средств проверки сообщения о преступлении, а также закрепили возможность проведения на исследуемой стадии ряда организационно-процессуальных мероприятий⁷, в числе которых и предупреждение участников уголовного судопроизводства о неразглашении данных досудебного производства (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Расширение полномочий должностных лиц в ходе доследственной проверки, стремление законодателя к расширению гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства привели к смещению механизма неразглашения данных предварительного расследования на стадию возбуждения уголовного дела. Однако единых подходов к реализации нововведения не получили, вызвав значительное количество противоречивых дискуссий о возможности применения ст. 161 УПК РФ в ходе доследственной проверки⁸. Основное содержание высказанных авторами мнений сводилось к двум группам обстоятельств: а) положениям уголовно-процессуального законодательства, регламентирующим реализацию института неразглашения данных предварительного расследования; б) статье 310

² Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

³ Кутазова И. В. Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

⁴ Липинский А. П. Обеспечение недопустимости разглашения данных досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

⁵ Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия управления МВД России, 2009.

⁶ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁷ Шурухнов Н. Г., Пушкин А. В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 76.

⁸ См.: Евсеенко В. Е. Статья 161 УПК РФ как средство обеспечения охраны сведений, составляющих охраняемую законом тайну, на досудебных стадиях уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 81 ; Наумов А. М. Процессуальный статус участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 8. С. 10–11 ; Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография. М. : Юстицинформ, 2019. С. 126–128.

УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение исследуемых предписаний.

Трансформировав средства предварительной проверки сообщений о преступлениях (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), законодатель оставил без изменения основные нормы, учреждающие институт неразглашения данных предварительного расследования (ст. 161 Кодекса), оперирующие термином «предварительное расследование», срок производства которого начинается с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 156 УПК РФ). По мнению вышеуказанных исследователей, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве положения не позволяют использовать нормы ст. 161 УПК РФ в ходе доследственной проверки, выступая препятствием для реализации прав и законных интересов участников судопроизводства⁹.

Кроме того, положения ч. 1.1 ст. 144 и ст. 156 УПК РФ являются отправными, исходными для уголовно-правовых норм, а их бланкетный характер обуславливает возможность привлечения лица к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Сформированная законодателем несогласованность проанализированных положений уголовно-процессуального законодательства позволяет авторам ставить под сомнение возможность привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ в ходе доследственной проверки.

Позволим себе с приведенными позициями не согласиться. Анализ положений гл. 21 УПК РФ, устанавливающих общие условия производства предварительного расследования, в числе которых и ст. 161, позволяет расценивать закрепленные в ней нормы в качестве предпосылок осуществления принципов уголовного процесса, реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Введенная часть 1.1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающая возможность наложения запретов (отбирания подписки) о неразглашении данных предварительного расследования, направлена на охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11

УПК РФ), обеспечение условий сохранения личной, семейной, иной тайны, уважение чести и достоинства личности (ст. 9–10 УПК РФ) и др.

Таким образом, закрепленные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ положения направлены на реализацию прав и свобод участников уголовного судопроизводства и обеспечение объективного, независимого правосудия, осуществляемого без противодействия со стороны его участников, именно на стадии возбуждения уголовного дела. Более того, неразглашение данных предварительного расследования выступает одним из условий предварительного расследования и реализации прав как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Сходную позицию высказал в решении и Конституционный Суд РФ: органы предварительного расследования не должны руководствоваться лишь самим фактом разглашения данных досудебного производства, должностные лица правоохранительных органов обязаны выяснять сущность и содержание информации, преданной огласке, а также устанавливать возможность последующего причинения вреда охраняемым правам и законным интересам участников судопроизводства. Обратившись к принципам уголовного судопроизводства, Суд напомнил об их назначении и о необходимости соблюдения баланса интересов сторон защиты, обвинения, иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, а также обеспечения интересов правосудия¹⁰.

Высказанная позиция ориентирует правоприменителей на комплексное толкование института неразглашения данных предварительного расследования, системообразующие нормы которого расположены в различных правовых актах, обуславливая необходимость их реализации на любой стадии досудебного производства, поскольку иное не позволит гарантировать права и законные интересы участников судопроизводства.

Допуская определенное несовершенство юридической техники, отметим назначение изменений, внесенных законодателем в ст. 144 УПК РФ и закрепивших возможность реализа-

⁹ См.: Евсеенко В. Е. Указ. соч. С. 81 ; Наумов А. М. Указ. соч. С. 10–11 ; Румянцева М. О. Указ. соч. С. 126–128.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

ции ст. 161 УПК РФ в ходе доследственной проверки, — обеспечение законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, что еще раз подчеркивает возможность и необходимость осуществления исследуемого института на стадии возбуждения уголовного дела.

Остается дискуссионной и перспектива привлечения к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ лица, давшего подписку о неразглашении данных предварительного расследования в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях¹¹. Авторы, полагающие невозможным возбуждение уголовного дела по ст. 310 УК РФ в отношении лица, допустившего разглашение сведений, ставших ему известными в ходе проверки сообщения о преступлении, оперируют термином «предварительное расследование». Вместе с тем положения ст. 310 УК РФ являются бланкетными, содержат ссылку на нормы уголовно-процессуального законодательства, определяющего предмет анализируемого состава преступления, а также устанавливающего условия привлечения лица к уголовной ответственности (наличие предупреждения, отсутствие согласия на разглашение, отнесение сведений к данным предварительного расследования и др.).

Тем самым положения уголовно-процессуального законодательства предопределяют сущность уголовно-правовой конструкции ст. 310 УК РФ, а используемая категория «предварительное расследование» обусловлена содержанием уголовно-процессуальной доктрины.

Проведенный анализ имеющихся мнений процессуалистов свидетельствует о двух вариантах толкования категории «предварительное

расследование»: а) как стадии расследования; б) как деятельности уполномоченных субъектов по изобличению виновных и реализации назначения уголовного судопроизводства¹². Учитывая произведенные изменения средств предварительной проверки, формирование системы следственных и процессуальных действий, реализуемых в ходе рассмотрения сообщения о преступлении, дополнение ст. 144 УПК РФ анализируемым институтом, а также намерение законодателя защитить интересы участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений, необходимо понимать категорию «предварительное расследование» в широком смысле — как деятельность уполномоченных субъектов по изобличению виновных и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Указанная позиция находит подтверждение и в решении Конституционного Суда РФ, рассмотревшего комплекс взаимосвязанных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства (ст. 144, 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ и др.) и отметившего, что образуемые ими общественные отношения не противоречат принципу состязательности уголовного судопроизводства, способствуют реализации последнего, поскольку, накладывая определенные ограничения на отдельных участников предварительного расследования или судебного рассмотрения, обеспечивают интересы правосудия и соблюдение баланса прав сторон защиты и обвинения¹³.

Изложенное подчеркивает необходимость широкой трактовки категории «предварительное расследование», обуславливающей возможность реализации положений ст. 310 УК РФ на стадии возбуждения уголовного дела, на что указывает и ряд исследователей¹⁴.

¹¹ См.: Власова Н. А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2016. № 3. С. 149–150; Евсеев В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2016. С. 61.

¹² Маслов А. Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 39–40.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О «По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

¹⁴ См.: Ефремова М. А. К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 35–36; Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2020. № 3. С. 116.

Особенности реализации института неразглашения данных предварительного расследования в отношении отдельных категорий участников уголовного судопроизводства

Одним из проблемных вопросов института неразглашения данных предварительного расследования является категория участников уголовного судопроизводства, у которых может быть отобрана соответствующая подписка. Наибольшие дискуссии вызывает возможность предупреждения о неразглашении данных предварительного расследования защитников, подозреваемых и обвиняемых¹⁵.

Проведенный анализ судебно-следственной практики¹⁶ свидетельствует о неоднократных жалобах адвокатов-защитников на ущемления и ограничения прав их подзащитных, вызванные применением к защитникам анализируемой меры принуждения. Кроме того, по мнению ряда исследователей, предупреждение адвоката-защитника о недопустимости разглашения данных досудебного производства нарушает гарантированное Конституцией РФ право на защиту, не позволяя в полном объеме реализовывать стороне защите имеющиеся полномочия¹⁷.

Указанные проблемы становились предметом неоднократного рассмотрения судебных инстанций различного уровня. Например, рассматривая существо поданных стороной защиты жалоб, Конституционный Суд РФ не нашел оснований для признания отобранных у защитников подписок о недопустимости разглашения данных предварительного расследования нарушающими право подозреваемых, обвиняемых на защиту или какие-либо иные права участников уголовного судопроизводства¹⁸. В настоящее время на сайте Федеральной палаты адвокатов РФ опубликованы методические рекомендации по действиям защитников при отобрании у них подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке ст. 161 УПК РФ¹⁹.

Более того, рассматриваемые по аналогии уголовно-процессуальные механизмы в виде заключения под стражу, домашнего ареста и следующие за ними ограничение свободы, запрет общения с определенными лицами, отправки и получения почтово-телеграфных отправок и получения средств связи и др. признаны не нарушающими конституционные права и свободы человека²⁰.

Не будет нарушением прав и свобод участников уголовного судопроизводства и получение должностными лицами органов пред-

¹⁵ См.: Борисов А. С. К вопросу об отдельных проблемах обеспечения тайны предварительного расследования // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 1 (31). С. 105 ; Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2016. № 2. С. 9.

¹⁶ См., например: решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 23.12.2020 // URL: <https://www.advokatymoscow.ru/disciplinary-practice/2020/12/23.Реш.САМП.ЕКМН.прек.ДП.pdf> (дата обращения: 04.04.2025) ; постановление Верховного суда Республики Хакасия от 23.06.2016 по делу № 44у-46/2016 // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О.

¹⁷ См.: Бунин О. Ю., Чуркин А. В. О несправедливости в уголовно-правовой защите адвокатов и их уголовной ответственности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 119 ; Достовалов С. В нарушение подписки // Новая адвокатская газета. 2016. № 21 (230).

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 264-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гайдукова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

¹⁹ Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://fparf.ru/documents/papers-of-the-regional-ap/metodicheskie-rekomendatsii-pri-otobranii-u-advokata-podpiski-onerazglashenii-dannykh-predvaritelno/> (дата обращения: 06.04.2025).

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 1959-О «По жалобе гражданки Мариничевой Лилии Александровны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Пленума Верхов-

варительного расследования подписки о неразглашении данных предварительного расследования²¹. Хотя, рассматривая процессуальный статус подозреваемых и обвиняемых, Конституционный Суд РФ указал на отсутствие у них обязанности давать указанную подписку (п. 2 определения)²². В то же время высказанная Конституционным Судом РФ позиция не содержит запрета получения такой подписки должностными лицами, осуществляющими производство по делу.

Представляет интерес случай, когда подозреваемый или обвиняемый в ходе предварительного расследования отказывается от предлагаемой ему подписки. Полагаем, что при возникновении таких ситуаций лицо, осуществляющее расследование, должно зафиксировать факт доведения ее содержания до соответствующего участника (подозреваемого, обвиняемого), удостоверив факт отказа в подписании с помощью защитника, а если он не участвует в производстве по делу, то с помощью приглашенных понятых.

Лицам, осуществляющим расследование по делу, не следует пренебрегать поиском альтернатив возможным нарушениям охраняемой законом тайны со стороны подозреваемых и обвиняемых, что обуславливает исследование потенциала избрания одной из мер пресечения, гарантирующих реализацию условий предварительного расследования (заключения под стражу или домашнего ареста).

Анализируемое решение Конституционного Суда РФ обусловило еще одну взаимосвязанную проблему, поставив под сомнение

возможность последующего привлечения к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ подозреваемого или обвиняемого, давших подписку о неразглашении без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, и привело к формированию противоречивых точек зрения. При этом одни авторы исключали подозреваемого и обвиняемого из субъектов преступления²³, предусмотренного статьей 310 УК РФ, а другие допускали возможность привлечения рассматриваемых субъектов к уголовной ответственности по данной норме²⁴.

Решение поставленной проблемы должно быть ориентировано на реализацию положений Конституции РФ, принципов уголовного судопроизводства и общих условий предварительного расследования, а также на обеспечение прав и законных интересов его участников.

Полагаем неприемлемым рассмотрение факта получения подписки о неразглашении данных доследственной проверки или предварительного расследования как события, ущемляющего или нарушающего право подозреваемого, обвиняемого на защиту. Ведь основное назначение действий лица, осуществляющего расследование, заключается в сохранении в тайне полученной информации, обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства, предотвращении фактов противодействия расследованию преступлений, изменению, уничтожению доказательств. И это неоднократно подчеркивал в определениях Конституционный Суд РФ, в том числе указывая, что нормы ст. 161 УПК РФ не могут рассма-

ного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

²¹ См., например: постановление Верховного суда Республики Хакасия от 23.06.2016 по делу № 44у-46/2016 ; апелляционные постановления Московского городского суда от 11.05.2022 № 10-9480/2022, от 11.10.2021 № 10-20206/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черемных Евгения Кузьмича на нарушение его конституционных прав статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: *Жариков Ю. С.* Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: к вопросу о конституционности уголовно-процессуальной нормы // Современное право. 2019. № 9. С. 122–123 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / под ред. В. М. Лебедева. М. : Юрайт, 2020. Т. 4 : Особенная часть. Разделы X–XII. С. 102–103 ; *Чуркин А. В.* Еще раз к вопросу об объяснениях как новых доказательствах // Российский следователь. 2015. № 3. С. 23 и др.

²⁴ См.: *Багмет А. М., Османова Н. В.* Сохранение в тайне персональных данных участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2019. № 7. С. 31–32 ; *Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И.* Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Современное право. 2019. № 3. С. 43–44 и др.

триваться как нарушающие конституционные права подозреваемых, обвиняемых²⁵.

Предупреждение подозреваемого или обвиняемого об уголовной ответственности не влечет нарушение баланса интересов участников судопроизводства или ущемление объема их прав, а указывает на возможные последствия в случае невыполнения возложенных обязательств по сохранению в тайне информации.

Поскольку принципы уголовного судопроизводства и общие условия предварительного расследования едины для всех сторон и участников предварительного расследования, они должны выполняться всеми без каких-либо исключений. Распространение института предупреждения о неразглашении данных предварительного расследования на профессиональных адвокатов-защитников и выведение из сферы его действия (как правило, юридически необразованных) подозреваемых, обвиняемых нелогичны и ставят под угрозу конфиденциальные данные и права иных участников уголовного судопроизводства. Фактически создается предусмотренная законом возможность подозреваемых и обвиняемых нарушать семейную, банковскую, нотариальную, врачебную, коммерческую тайну, тайну досудебного производства и иные²⁶, поскольку указанные субъекты не несут ответственности за их разглашение.

Исходя из изложенного, полагаем необходимой реализацию подписки о неразглашении данных предварительного расследования в отношении подозреваемых и обвиняемых, предупреждение которых выступает основанием

привлечения их к уголовной ответственности в случае нарушения возложенных обязательств.

Специфика содержания подписки о неразглашении данных предварительного расследования

Последним вопросом, на котором нельзя не остановиться, является содержание подписки о неразглашении данных предварительного расследования. Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается неоднократными жалобами участников уголовного судопроизводства со стороны защиты о нарушении их конституционных прав²⁷.

Проанализированные мнения различных авторов свидетельствуют об отсутствии единого подхода к содержанию информации, разглашение которой недопустимо. Так, в содержание подписки о неразглашении данных предварительного расследования предлагается включать следующую информацию: об имеющихся доказательствах, о планировании мероприятий по делу, версиях²⁸, об участниках судопроизводства, о датах и времени производства следственных действий²⁹, тактике и условиях собирания доказательств³⁰, иные данные³¹.

Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит перечня данных (информации), разглашение которых может быть запрещено следователем, дознавателем, исследователи данной проблемы высказываются за нормативное закрепление понятия «тайна предварительного расследования», а

²⁵ Определения Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О, от 24.05.2005 № 218-О.

²⁶ Аюпджанова М. О. Транспарентность как важнейший принцип противодействия коррупционным преступлениям // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 29–30.

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Антонова Георгия Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 310 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 3 части второй статьи 38, частью третьей статьи 53 и статьями 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 264-О-О.

²⁸ Матвиенко И. В. Проблемы обеспечения тайны данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 131.

²⁹ Оношко О. А. Проблемы обеспечения тайны предварительного расследования в уголовном процессе // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 165.

³⁰ Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13.

³¹ Шурухов Н. Г., Пушкин А. В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 76.

также за четкое определение перечня сведений, разглашение которых может причинить вред уголовно-процессуальным интересам³².

В основу содержания (перечня) сведений, разглашение которых запрещено, должна быть положена информация, отражающая интересы предварительного расследования, служебная тайна, позволяющая эффективно и результативно осуществлять профессиональную деятельность должностных лиц правоохранительных органов (не только следователя или дознавателя). Не следует забывать и об интересах безопасности участников уголовного судопроизводства, данные о которых не потеряют значимости и актуальности даже после завершения предварительного расследования. На это справедливо указывает диспозиция ст. 311 УК РФ, предусматривающая ответственность за разглашение информации о мерах безопасности, принятых в отношении судьи или иных участников судопроизводства.

Исследование материалов судебно-следственной практики³³, а также изучение мнений различных авторов позволяют поддержать ученых, полагающих, что перечень сведений, включаемых в содержание подписки о неразглашении данных предварительного расследования, не должен быть ограничен законом и может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела³⁴. Данная точка зрения основана на ситуационном подходе к организации расследования преступлений, многогранности и вариативности складывающихся ситуаций в процессе расследования и указывает на то, что значимая для обеспечения тайны досудебного производства информация по одному делу (о версиях, планировании расследования и т.п.) может не иметь никакой ценности по другому.

В то же время полагаем невозможным отнести к информации, не подлежащей разглашению, данные о возбуждении уголовного дела; задержании подозреваемых; применении мер

пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых; направлении уголовного дела в суд или его прекращении; нарушении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Выводы

Рассмотрев институт неразглашения данных предварительного расследования, мы обратили внимание на ряд проблемных вопросов, не имеющих однозначного толкования, и предложили их разрешение. Основные результаты, к которым мы пришли в ходе исследования, заключаются в следующем:

а) неразглашение данных предварительного расследования выступает одним из важнейших общих условий предварительного расследования, реализация которого возможна и необходима на стадии возбуждения уголовного дела;

б) институт предупреждения о неразглашении данных предварительного расследования должен распространяться на всех участников уголовного судопроизводства (в том числе и на подозреваемых, обвиняемых), поскольку иное ставит под угрозу конфиденциальные данные и права иных участников уголовного судопроизводства, создавая правовые предпосылки для нарушения охраняемой законом тайны;

в) положения ст. 310 УК РФ являются бланкетными, а их содержание направлено на нормы уголовно-процессуального законодательства и интересы уголовного судопроизводства. Доктринальные положения уголовно-правовой, уголовно-процессуальной науки и позиция Конституционного Суда РФ ориентируют правоприменителя на обеспечение прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства, предопределяя возможность привлечения подозреваемых и обвиняемых к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования;

³² См.: Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; Шибанова Е. В. О тактике недопущения разглашения тайны предварительного расследования // Российский следователь. 2017. № 11. С. 5.

³³ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О, от 24.05.2005 № 218-О ; постановление Верховного суда Республики Хакасия от 23.06.2016 по делу № 44у-46/2016.

³⁴ Кутазова И. В. Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 11 ; Маслов А. Е. Тайна предварительного расследования в нормах УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 28–29.

г) содержание подписки о неразглашении данных предварительного расследования не требует законодательного закрепления императивного перечня такой информации, поскольку

ее значимость зависит от специфических обстоятельств конкретного уголовного дела, обуславливая ее определение лицом, производящим расследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопджанова М. О. Транспарентность как важнейший принцип противодействия коррупционным преступлениям // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 28–31.

Багмет А. М., Османова Н. В. Сохранение в тайне персональных данных участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2019. № 7. С. 27–33.

Борисов А. С. К вопросу об отдельных проблемах обеспечения тайны предварительного расследования // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 1 (31). С. 103–107.

Бунин О. Ю., Чуркин А. В. О несправедливости в уголовно-правовой защите адвокатов и их уголовной ответственности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 116–120.

Власова Н. А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2016. № 3. С. 147–150.

Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2016. № 2. С. 6–12.

Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Современное право. 2019. № 3. С. 42–46.

Достовалов С. В нарушение подписки // Новая адвокатская газета. 2016. № 21 (230).

Евсеев В. Е. Статья 161 УПК РФ как средство обеспечения охраны сведений, составляющих охраняемую законом тайну, на досудебных стадиях уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 80–82.

Евсеев В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 183 с.

Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского ордена Почета университета МВД России. 2020. № 3. С. 113–117.

Ефремова М. А. К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 34–38.

Жариков Ю. С. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: к вопросу о конституционности уголовно-процессуальной нормы // Современное право. 2019. № 9. С. 118–123.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Т. 4 : Особенная часть. Разделы X–XII / под ред. В. М. Лебедева. М. : Юрайт, 2020. 278 с.

Кутазова И. В. Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 24 с.

Маслов А. Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. 189 с.

Маслов А. Е. Тайна предварительного расследования в нормах УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 24–34.

Матвиенко И. В. Проблемы обеспечения тайны данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 130–133.

Наумов А. М. Процессуальный статус участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 8. С. 8–12.

Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

Онопко О. А. Проблемы обеспечения тайны предварительного расследования в уголовном процессе // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 163–166.

Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография. М. : Юстицинформ, 2019. 148 с.

Чуркин А. В. Еще раз к вопросу об объяснениях как новых доказательствах // Российский следователь. 2015. № 3. С. 21–25.

Шибанова Е. В. О тактике недопущения разглашения тайны предварительного расследования // Российский следователь. 2017. № 11. С. 3–7.

Шурухов Н. Г., Пушкин А. В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 75–78.

REFERENCES

Akopdzhanova MO. Transparency as the most important principle for countering corruption crimes. *Russian Justice*. 2015;2:28-31. (In Russ.).

Bagmet AM, Osmanova NV. Keeping the personal data of participants in criminal proceedings secret. *Russian Judge*. 2019;7:27-33. (In Russ.).

Borisov AS. On the issue of individual problems of ensuring the secrecy of the preliminary investigation. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2018;1(31):103-107. (In Russ.).

Bunin OYu, Churkin AV. On injustice in the criminal legal protection of lawyers and their criminal liability. *Law and State: The Theory and Practice*. 2019;1(169):116-120. (In Russ.).

Churkin AV. The Issue on Explanations as New Evidence Revisited. *Russian Investigator*. 2015;3:21-25. (In Russ.).

Dostovalov S. In violation of the subscription. *Novaya advokatskaya gazeta*. 2016;21(230). (In Russ.).

Efremova MA. On the issue of criminal liability for disclosing the data of the preliminary investigation. *The Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;4(22):34-38. (In Russ.).

Esina AS, Blinova EV. Non-disclosure of preliminary investigation data: problems of law enforcement and interpretation issues. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;3:113-117. (In Russ.).

Evseenko VE. Article 161 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a means of ensuring the protection of information constituting a secret protected by law at the pre-trial stages of the criminal procedure. *Theory and Practice of Social Development*. 2015;3:80-82. (In Russ.).

Evseenko VE. Secrecy in the pre-trial stages of the criminal trial. Cand. Sci. (Law) Diss. Krasnodar; 2016. (In Russ.).

Garmaev YuP. The principle of offensiveness in the identification and investigation of crimes. *Russian Investigator*. 2016;2:6-12. (In Russ.).

Golovinskaya IV, Krestinsky MV, Savelyev II. Separate problems of the implementation of constitutional and criminal procedural guarantees of the rights of persons in the course of criminal proceedings. *Modern Law*. 2019;3:42-46. (In Russ.).

Kutazova IV. The mechanism of criminal procedure to ensure the inadmissibility of disclosing data from criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Diss. Tyumen; 2011. (In Russ.).

Lebedev VM (ed.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 vols. Vol. 4: Special part. Sections X–XII. Moscow: Yurayt Publ.; 2020. (In Russ.).

Maslov AE. Investigative Secrecy as a Tool for Overcoming Resistance to an Investigation. Cand. Sci. (Law) Diss. Voronezh; 2001. (In Russ.).

Maslov AE. Preliminary Investigation Secrecy under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2019;2:24-34. (In Russ.).

Matvienko IV. Problems of ensuring the secrecy of the data of the preliminary investigation and information on security measures applied to participants in criminal proceedings. *Gaps in Russian Legislation*. 2016;1:130-133. (In Russ.).

Naumov AM. Procedural status of the participants in the pre-investigation. *Russian Investigator*. 2016;8:8-12. (In Russ.).

Novikova MA. Investigation of the disclosure of data from the preliminary investigation and information on security measures applied to participants in criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2009. (In Russ.).

Onopko OA. Problems of Secrecy Preservation in Preliminary Investigation Criminal Procedure. *Humanities and Law Research*. 2016;2:163-166. (In Russ.).

Rumyantseva MO. Initiation of a Criminal Case: Problems and Prospects. Moscow: Justitsinform Publ.; 2019. (In Russ.).

Shibanova EV. On Tactics of Prevention of Preliminary Investigation Secrecy Disclosure. *Russian Investigator*. 2017;11:3-7. (In Russ.).

Shurukhnov NG, Pushkin AV. Concretization of provisions on the inadmissibility of disclosing preliminary investigation data. *Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;1:75-78. (In Russ.).

Vlasova NA. Ensuring the secrecy of the preliminary investigation. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;3:147-150. (In Russ.).

Zharikov YuS. Inadmissibility of disclosing the data of the preliminary investigation: to the question of the constitutionality of the criminal procedure. *Modern Law*. 2019;9:118-123. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калюжный Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России д. 35, Приборостроительная ул., г. Орел 302015, Российская Федерация
kaluzniy-a-n@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Kalyuzhny, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Staff Member of Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Oryol, Russian Federation
kaluzniy-a-n@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 26 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 07.04.2025.

Revised 26.04.2025.

Accepted 15.06.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.052-062

Е. Н. КарабановаИнститут законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Понятие, правовая основа, источники и акты реализации уголовно-политической доктрины

Резюме. Стратегическое планирование — это важный этап российской государственной политики. В статье автор рассматривает организационные проблемы выстраивания современной уголовной политики, анализирует подходы к формированию ее нормативных и политико-правовых источников. Предпринимает попытку анализа некоторых проблем, связанных с определением понятия уголовно-политической доктрины, которое до сих пор является малоизученным в науке уголовного права. Работа содержит выводы о необходимости уточнения категориального аппарата стратегического планирования уголовной политики с разграничением понятий правовой основы, источников и актов реализации уголовно-политической доктрины. Предложены формулировки указанных понятий, проведена систематизация действующих нормативных и политико-правовых источников уголовной политики в зависимости от того, какую функцию они выполняют в процессе стратегического уголовно-политического планирования. Автор критически относится к отсутствию единой концепции уголовной политики России, на конкретных примерах оценивает обширный кластер документов программно-стратегического характера, выступающих источниками уголовно-политической доктрины, как негармоничный, бессистемный и фрагментарный. Призывает к поэтапному формированию системы правовых основ, источников и актов реализации уголовно-политической доктрины и предлагает конкретную методику проведения этой работы.

Ключевые слова: уголовная политика; стратегическое планирование уголовной политики; уголовно-политическая доктрина; уголовно-правовая политика; уголовно-процессуальная политика; уголовно-исполнительная политика; оперативно-разыскная политика; уголовно-превентивная политика; правовая основа уголовной политики; источники уголовной политики; акты реализации уголовной политики

Для цитирования: Карабанова Е. Н. Понятие, правовая основа, источники и акты реализации уголовно-политической доктрины. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.052-062

The Concept, Legal Framework, Sources, and Instruments for Implementing Criminal Policy Doctrine

Elena N. KarabanovaThe Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. Strategic planning is an important stage of Russian state policy. In this study, the author examines the organizational problems involved in constructing a modern criminal policy and analyzes approaches to the formation of its normative and political and legal sources. The author seeks to analyze certain issues related to defining the concept of a criminal law and political doctrine, which remains insufficiently studied in the science of criminal law. The paper concludes that it is necessary to clarify the conceptual and categorical apparatus of strategic planning in criminal policy by distinguishing among the concepts of the legal framework, the sources, and the acts implementing the criminal and political doctrine. The paper provides for the definitions of the concepts under study, systemizes the existing normative and political and legal sources of criminal policy according to the function they perform in the process of strategic criminal-policy planning. The author takes a critical view of the absence of a unified concept of Russian criminal policy and, through specific examples, assesses the extensive

© Карабанова Е. Н., 2026

cluster of programmatic and strategic documents serving as sources of the criminal and political doctrine as disharmonious, unsystematic, and fragmentary. The author calls for the phased development of a system of legal foundations, sources, and acts implementing the criminal-political doctrine and proposes a specific methodology for carrying out this work.

Keywords: criminal policy; strategic planning of criminal policy; criminal and political doctrine; criminal law policy; criminal procedure policy; penal policy; operational-search policy; crime-prevention policy; legal framework of criminal policy; sources of criminal policy; acts implementing criminal policy

Cite as: Karabanova EN. The Concept, Legal Framework, Sources, and Instruments for Implementing Criminal Policy Doctrine. *Lex russica*. 2026;79(7):52-62. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.052-062

Введение

Решение встающих сегодня перед государством новых задач в сфере борьбы с преступностью побуждает к развитию теоретического знания, методологическому осмыслению и расширению инструментального арсенала уголовной политики, чтобы удержать ее в русле общеполитических трендов и одновременно сохранить стабильность в обществе. Это подтверждает специфику уголовной политологии, обозначенную Ю. Е. Пудовочкиным и М. М. Бабаевым и проявляющуюся в том, что «стремление к порядку и исключению хаоса — едва ли не врожденное стремление человека. <...> Особое значение стабильность и прогнозируемость приобретают в сфере социального, политического и правового управления обществом»¹.

Анализ стратегического планирования как одной из главных характеристик современного политического контекста стал значимым элементом проводимых в настоящее время политических, экономических, правовых и социологических исследований. В частности, поисковый запрос на словосочетание «стратегическое планирование» в электронной библиотеке диссертаций disserCat выдал 10 тыс. работ по указанной проблематике.

Подобная концентрация научно-исследовательского интереса является свидетельством актуальности и значимости реализации парадигмы уголовно-политической стабильности, разрабатываемой Ю. Е. Пудовочкиным и М. М. Бабаевым. Неопределенность в изменяющемся мире, в котором существует правовое пространство, порождает исследовательские цели, связанные с формированием нового подхода к стратегическому планированию уголовной политики, а также с обогащением уго-

ловно-политического знания новой системой категорий. В частности, важным теоретическим и практическим результатом может стать понимание уголовно-политической доктрины, ее правовой основы, источников и актов реализации. Выделение этих категорий предполагается проводить с учетом современных достижений теоретико-правовых и публично-правовых (государственно-правовых) наук. Обращение к ним подразумевает, что для решения методологических вопросов стратегического планирования уголовной политики ученый должен рассматривать ее не как исключительный объект исследования уголовно-правовых наук, а как междисциплинарное явление политико-правовой действительности, развитие которого можно спрогнозировать и стабилизировать при помощи определенного нормативного и политико-правового инструментария, что требует уточнения понятийно-категориального аппарата уголовной политологии.

Понятие уголовно-политической доктрины

Дефиниция уголовно-политической доктрины семантически складывается из двух составляющих: доктрины и уголовной политики.

Первая имеет двойственное значение: это и учение, научная концепция, и система официальных государственных положений. В отрыве от приведенного дуалистического подхода, имеющего концептуальное значение, не должна интерпретироваться и категория уголовно-политической доктрины — это и специфическая область научного познания, сформированная в лоне социальных наук (юриспруденции, политологии, социологии), и *официальные взгляды на цели, задачи и основные направления уго-*

¹ Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Непредвиденные обстоятельства в уголовном праве, уголовной политике и криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 6. С. 567.

ловной политики. Объектом исследования в статье выступает уголовно-политическая доктрина как феномен правовой действительности, т.е. во втором значении.

Что касается трактовки понятия «уголовная политика», на сегодняшний день также сложились два подхода к ее сущности. В узком смысле авторские определения сводят уголовную политику к системе государственных мер, реализуемых посредством норм уголовного права, относя к основным направлениям уголовной политики России процессы криминализации, декриминализации, гуманизации². В широком понимании процитированная дефиниция релевантна лишь для понятия одного из направлений уголовной политики — уголовно-правовой политики, при этом сама уголовная политика рассматривается как более *сложная система мер, основанных на нормах права различной отраслевой принадлежности, направленных на борьбу с преступностью (отраслей права криминального цикла)*³. Мы придерживаемся именно такого понимания, поскольку сфера борьбы с преступностью не исчерпывается нормами уголовного права, а регулируется всеми отраслями, регламентирующими основание и порядок реализации уголовной ответственности, а также активно развивающимся в XXI в. криминологическим правом. Забегая вперед, отметим, что нормативные правовые акты, выступающие источниками отраслей права криминального цикла, равно как и принимаемые на их основе ненормативные правовые акты, составляют совокупность *актов реализации уголовной политики (уголовно-политической доктрины) России*.

На основании изложенного мы сформулировали понятие уголовно-политической доктрины как системы официально принятых в государстве взглядов на меры по борьбе с преступностью.

Дифференциация правовых актов, представляющих собой правовую основу, источники и акты реализации уголовно-политической доктрины, имеет большое теоретико- и уголовно-правовое значение, поскольку позволяет систематизировать нормативные правовые и

политико-правовые акты антикриминального направления, выявить проблемы и недостатки уголовно-политического волеизъявления, оптимально построить законотворчество на основе программно-стратегического планирования.

Правовая основа уголовно-политической доктрины

Правовую основу уголовно-политической доктрины (систему правовых актов, на которые она опирается) составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, а также его ежегодные послания Федеральному Собранию РФ. Между тем нормативные правовые акты Правительства РФ, иных федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления не входят в правовую основу уголовной политики России, что связано с отнесением организации публичной власти, установления основ федеральной политики к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ).

Конституция РФ — правовая основа уголовной политики общеправового характера, в которой закреплена аксиологическая концепция государственной политики в целом. Ценностная ориентация уголовной политики — это ее основной концепт, но далеко не константа. Она должна не просто учитывать, а полностью отражать все изменения аксиологической концепции государственной политики посредством формирования перечня социальных ценностей, защищаемых уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, оперативно-разыскным и криминологическим правом, их иерархизации и выбора уровня интенсивности защиты. В 2020 г. произошла существенная аксиологическая трансформация Конституции РФ, расставившая в современной государственной

² Зебницкая А. К. Уголовная политика современной России и международные стандарты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 29–32.

³ Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.

политике новые акценты⁴, что привело к значительным изменениям в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-разыскной и уголовно-превентивной политике нашей страны.

Поскольку Конституция РФ не только закрепляет систему охраняемых государством ценностей, но и содержит нормы прямого действия, непосредственно применяемые в сфере уголовно-правового регулирования, уголовного судопроизводства и исполнения наказания (нормы-принципы и иные нормы), ее также можно отнести и к источникам, и к актам реализации уголовно-политической доктрины.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как правовая основа отечественной уголовно-политической доктрины неоднородны по своей сути и выполняют в ней различные функции. Так, общепризнанные принципы и нормы международного права (например, принцип всеобщего уважения прав человека) определяют смысл, содержание и применение законов криминального цикла, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления по их реализации.

Что касается международных договоров, то они либо действуют в Российской Федерации непосредственно (как правило, те, что ограничивают произвол органов публичной власти в сфере уголовного судопроизводства и исполнения наказаний обязанностью соблюдать права и свободы человека), либо требуют от Российской Федерации внести изменения во внутреннее законодательство, т.е. *императивно устанавливают направления* уголовно-политической доктрины, исходя из

достигнутых договоренностей. Поскольку с 16 марта 2022 г. было прекращено действие ряда международных договоров⁵, в настоящий момент международные договоры представлены преимущественно документами Организации Объединенных Наций (ООН): Международным пактом о гражданских и политических правах от 16.12.1966⁶; Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984⁷; Конвенцией против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000⁸; Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15.11.2000⁹; Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15.11.2000¹⁰; Конвенцией против коррупции от 31.10.2003¹¹; Глобальной контртеррористической стратегией ООН от 08.09.2006¹² и др. Следует учитывать также многосторонние договоры, определяющие обращение с некоторыми категориями осужденных, например инвалидами, мигрантами и другими группами¹³.

Отдельно скажем о международно-правовых основах уголовно-политической доктрины, получивших закрепление в рекомендательных актах ООН: Минимальных стандартных правилах в отношении обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы); Минимальных стандартных правилах в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах); Правилах, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокских правилах), и т.д. Их положения выступают *ориентирами* для построения уголовно-политической док-

⁴ Подробнее об этом см.: Карабанова Е. Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 72–83.

⁵ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

⁶ Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁷ Ведомости ВС СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

⁸ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

⁹ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3883.

¹⁰ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3884.

¹¹ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹² Здесь и далее, если не указан источник опубликования, тексты нормативных и иных правовых актов, а также судебные решения приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Подробнее см.: Селиверстов В. И., Стародубцев Г. С. О проблеме соблюдения Россией международных стандартов обращения с осужденными в современных условиях // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 4. С. 2–4.

трины. Так, предварительное замечание 2 Правил Нельсона Манделы гласит: «Принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий в мире, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно. Они должны, однако, вызывать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению, поскольку в общем и целом они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

Согласно пп. «b» п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969¹⁴ при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Верховный Суд РФ отмечает, что при рассмотрении уголовных дел необходимо учитывать *правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека*¹⁵. В частности, большое значение для формирования правовых основ уголовно-политической доктрины имеет практика Комитета ООН по правам человека, которая регулярно обобщается высшей судебной инстанцией.

Наиболее широко правовые основы уголовно-политической доктрины представлены различными *федеральными конституционными и федеральными законами*. Первые приняты по вопросам, прямо предусмотренным Конституцией РФ. Их комплекс представляет собой инфраструктуру реализации уголовной политики, которую в зависимости от конкретного содержания можно подразделить на территориальную и институциональную. К *территориальной* группе таких федеральных конституционных законов относятся нормативные правовые акты о принятии в Российскую Федерацию новых территорий (Республики Крым, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей)¹⁶, в которых регламентируется порядок адаптации новых регионов к российскому законодательству криминального цикла. В *институциональную* группу федеральных конституционных законов мы включаем те, что закрепляют судоустройство в Российской Федерации¹⁷.

Институциональную инфраструктуру уголовно-политической доктрины составляют и некоторые федеральные законы¹⁸. Кроме того, в большом количестве федеральных законов содержится указание на привлечение к уголов-

¹⁴ Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

¹⁵ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2025), подготовленный Верховным Судом РФ.

¹⁶ Федеральные конституционные законы от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201), от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» (СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6930), № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики» (СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6931), № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области» (СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6932), № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области» (СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6933).

¹⁷ Федеральные конституционные законы от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447), от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1), от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011), от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170), от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898), от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548).

¹⁸ Например, федеральные законы от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177), от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102), от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (СЗ РФ. 2002. № 28.

ной ответственности лица, нарушившего права, предусмотренные данными законами¹⁹. Такого рода нормативные правовые акты также включены в инфраструктуру уголовно-политической доктрины, но уже в другую ее часть — *информационную*.

Президент РФ в рамках своих полномочий по определению основных направлений внутренней и внешней политики государства издает указы, формирующие аксиологическую концепцию государственной политики, конкретизируя конституционные предписания (например, Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁰ относит к традиционным ценностям жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России). Расстановка аксиологических акцентов крайне важна для криминализации и пенализации деяний, установления принципов уголовного судопроизводства, оперативно-разыскной деятельности и исполнения наказания.

Кроме того, многие указы Президента РФ создают институциональную инфраструктуру реализации уголовно-политической доктрины (в частности, Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму»²¹).

Отметим особую роль в формировании политико-правовой доктрины ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ, в которых он сообщает о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (п. «е» ст. 84 Конституции РФ). Установки и поручения, содержащиеся в посланиях, носят обязательный характер, вместе с тем в литературе подчеркивается, что «послания не являются нормативными актами, не могут противоречить законам, принимаемым Федеральным Собранием РФ, и каким-либо образом ограничивать его правотворческую деятельность»²², их относят к категории политико-правовых актов²³.

В правовых основах уголовно-политической доктрины послания Президента РФ выполняют ту же функцию, что и Конституция РФ, а именно аксиологическую, однако делают это в более гибком и динамичном формате. Мы провели контент-анализ текстов всех без исключения посланий Президента РФ (с 1994 по 2024 г.) и выявили следующую аксиологическую тенденцию. По числу упоминаний в посланиях лидируют следующие объекты уголовно-правовой охраны: жизнь и здоровье, семья, несовершеннолетние, экономика, предпринимательская деятельность, государственная власть, компьютерная информация. При этом расстановка акцентов является исторически изменчивой. Например, во второй половине 1990-х гг. абсолютным лидером в аксиологической концепции государственной политики с большим отрывом выступала экономика. В начале XXI в., оставаясь на лидирующих позициях, экономика утратила экстремальность частоты упоминаний в посланиях Президента РФ, а в 2010 г. и вовсе уступила пальму первенства, причем с боль-

Ст. 2790), от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851), от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Российская газета. 2025. № 75).

¹⁹ Например, в ст. 31 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556) подчеркивается, что лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации об экологической экспертизе или в нарушении, повлекшем за собой тяжкие прямые или косвенные экологические и иные последствия, несут уголовную ответственность в соответствии с УК РФ.

²⁰ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

²¹ СЗ РФ. 2015. № 52 (ч. I). Ст. 7591.

²² Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М. : Юрист, 1999.

²³ Тихон Е. А. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 34–36.

шим перевесом, интересам несовершеннолетних. С тех пор установилась переменчивость лидеров в пределах вышеуказанной группы социальных ценностей, что вовсе не означает нестабильность государственной политики, а, напротив, свидетельствует о ее гармонизации и сбалансированности.

Послания Президента РФ Федеральному Собранию, помимо аксиологических основ, зачастую содержат *направления* формирования уголовно-политической доктрины. Так, в 2023 г. В. В. Путин подчеркнул: «Кто встал на путь прямого предательства, совершая террористические и иные преступления, направленные против безопасности нашего общества, территориальной целостности страны, понесет ответственность по закону. Но мы никогда не будем уподобляться киевскому режиму и западным элитам, которые занимаются и занимались раньше “охотой на ведьм”, не будем сводить счеты с теми, кто сделал шаг в сторону, отступился от Родины. Пусть это останется на их совести, пусть они с этим живут — им с этим жить. Главное, что люди, граждане России дали им моральную оценку»²⁴. Тем самым, прочерчивая границу между преступным и не преступным, Президент РФ обозначил важный в современных реалиях вектор уголовной политики, исключая уголовные преследования по политическим мотивам.

Источники уголовно-политической доктрины

Наконец, мы подошли к ключевому вопросу настоящего исследования — к источникам уголовно-политической доктрины, т.е. официально-документальным формам выражения и закрепления ее положений. Следует отметить, что на сегодняшний день какой-либо единый специальный источник отсутствует, при этом

осуществление всех вышеуказанных направлений уголовной политики, ее цели, задачи, приоритеты, принципы, механизмы и прогнозируемые результаты в настоящее время закреплены в актах программно-стратегического характера (общеотраслевых, межотраслевых и отраслевых) различного уровня. В их числе доктрины, стратегии, концепции, программы и планы реализации, перечни поручений, утверждаемые акторами государственной политики федерального уровня. Еще раз подчеркнем, что нормативные правовые акты, принимаемые в рамках реализации актов программно-стратегического характера, не относятся к источникам уголовно-политической доктрины, а являются непосредственно актами реализации уголовной политики.

Действующими источниками уголовно-политической доктрины, принятыми Президентом РФ, являются следующие акты программно-стратегического характера:

— программы²⁵ (Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом)²⁶;

— концепции²⁷ (Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 05.10.2009²⁸; Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685²⁹; Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденная Президентом РФ 30.05.2018³⁰, и др.);

²⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023.

²⁵ Программа носит разовый стратегический характер, является способом воплощения главой государства государственно-правовой стратегии. Адресатами программ выступают органы исполнительной власти (см.: Гайдарбекова А. М. Место и роль посланий Президента Российской Федерации в политико-правовой жизни общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 35–37).

²⁶ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

²⁷ Концепция имеет разовый нормативный характер и отражает систему взглядов по тому или иному вопросу, является политическим ориентиром для законодательных органов власти (см.: Гайдарбекова А. М. Указ. соч.).

²⁸ Российская газета. 2009. № 198.

²⁹ URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document117> (дата обращения: 11.04.2025).

³⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 11.04.2025).

— стратегии³¹ (указы Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»³², от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»³³, от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»³⁴ и др.);

— доктрины³⁵ (Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976³⁶; указы Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»³⁷, от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации»³⁸);

— перечни поручений³⁹ (по итогам встречи с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» от 29.06.2023 № Пр-1293⁴⁰; по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума от 16.08.2023 № Пр-1619⁴¹; по итогам заседания

Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 14.01.2024 № Пр-64⁴² и др.).

Большой массив актов программно-стратегического характера, выступающих источниками уголовно-политической доктрины, принят Правительством РФ:

— программы (постановления Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”»⁴³, от 06.04.2018 № 420 «О федеральной целевой программе “Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)”»⁴⁴, от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы”»⁴⁵; распоряжение Правительства РФ от 05.03.2024 № 512-р «Об утверждении Межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024–2028 годы»⁴⁶ и др.);

³¹ Под сущностью государственной стратегии в литературе предлагается понимать систему норм, охватывающих, в соответствии с установками Конституции РФ, механизмы целеполагания, мониторинга и анализа, прогнозирования и планирования развития законодательства в определенной сфере общественных отношений (в зависимости от объекта и субъектов стратегического планирования) (Маланыч И. Н. Институт государственной стратегии в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 8–12).

³² СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

³³ СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

³⁴ СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

³⁵ Анализ содержания действующих доктрин, принятых указами Президента РФ, показал, что доктрина как правовой акт представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации единой государственной политики Российской Федерации по тем или иным вопросам (согласно позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в постановлении от 31.07.1995 № 10-П, доктрина не является нормативным актом).

³⁶ Российская газета. 2014. № 298.

³⁷ СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

³⁸ СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

³⁹ Подробнее о юридическом статусе поручений Президента РФ см.: Безруков А. В., Крысанов А. В. Конституирование поручений Президента Российской Федерации и первый опыт их оформления в сфере миграции // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 3–7.

⁴⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71562> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72060> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴³ СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.

⁴⁴ СЗ РФ. 2018. № 16 (ч. II). Ст. 2374.

⁴⁵ СЗ РФ. 2023. № 38. Ст. 6901.

⁴⁶ СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1636.

— концепции (распоряжения Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса “Безопасный город”»⁴⁷, от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»⁴⁸, от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий»⁴⁹ и др.);

— стратегии (распоряжения Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года»⁵⁰, от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года»⁵¹ и др.);

— планы мероприятий по реализации программно-стратегических актов Президента РФ (распоряжение Правительства РФ от 17.11.2023 № 3233-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»⁵² и др.).

На ведомственном уровне принимаются:

— программы (например, приказ МВД России от 19.11.2013 № 919 «Об утверждении ведомственной целевой программы “Сельский участковый”» и др.);

— концепции (приказ Генерального прокурора РФ от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»⁵³; «Концепция № СК-13/07вн развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года» и План мероприятий № СК-13/07вн на 2024–2030 гг. по реализации

данной Концепции, утвержденные Минпросвещения России 18.06.2024⁵⁴, и др.);

— планы реализации программно-стратегических актов Правительства РФ (например, приказ Минфина России от 12.02.2021 № 68 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года» и др.).

Анализ приведенных источников уголовно-политической доктрины показывает, что из всех разделов уголовной политики наиболее проработанным на документальном уровне, систематизированным и комплексным является уголовно-исполнительная политика. Достаточно обширны, но при этом бессистемны источники уголовно-превентивной политической доктрины. Источники уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной политической доктрины и вовсе содержат лишь нормы точечного регулирования отдельных актуальных проблем. Между тем назрела объективная потребность в создании единой концепции уголовной политики России, которая послужила бы камертоном развития законодательства криминального цикла и практики его применения, а также иных актов программно-стратегического характера, выступающих источниками уголовно-политической доктрины Российской Федерации. Следующим уровнем уголовно-политической доктрины и этапом ее формирования должна стать рубрикация по отмеченным пяти разделам уголовной политики.

Этой масштабной работе должны предшествовать не менее обширная ревизия правовых основ уголовной политики, их систематизация по отраслям применения и иерархизация по юридической силе, что позволит учесть все необходимые направления уголовной политики при формировании ее доктрины, а также выявить и устранить возможные слабые места в ее реализации.

⁴⁷ СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

⁴⁸ СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

⁴⁹ СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 76.

⁵⁰ СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.

⁵¹ СЗ РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.

⁵² СЗ РФ. 2023. № 49 (ч. IV). Ст. 8803.

⁵³ Законность. 2020. № 1.

⁵⁴ Официальные документы в образовании. 2024. № 21.

Заключение

1. Уголовно-политическая доктрина представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на меры по борьбе с преступностью.

2. Необходимо различать правовую основу, источники и акты реализации уголовно-политической доктрины, при этом Конституция РФ имеет комбинированный характер и совмещает все эти функции.

3. Правовая основа уголовно-политической доктрины — это разнородная как по форме, так и по содержанию система правовых принципов и актов, на которые опирается уголовно-политическая доктрина. По форме ее составляют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, практика Комитета ООН по правам человека; нормативные правовые (Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, указы Президента РФ) и политико-правовые акты Российской Федерации (ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ). По содержанию правовая основа уголовно-политической доктрины представлена аксиологической базой, императивными направлениями, ориентирами и инфраструктурой (территориальной, институциональной и информационной).

4. Источники уголовно-политической доктрины — это официально-документальные формы выражения и закрепления положений о целях, задачах, приоритетах, принципах, механизмах и прогнозируемых результатах применения мер, направленных на борьбу с пре-

ступностью. На сегодняшний день в отсутствие единого концептуального документа отдельные положения уголовно-политической доктрины фрагментарно и бессистемно закреплены в многочисленных актах программно-стратегического характера, издаваемых Президентом РФ, Правительством РФ, различными федеральными ведомствами. Предварительным этапом формирования уголовно-политической доктрины должны выступать ревизия и систематизация ее правовых основ.

5. Необходимо сформировать иерархию (содержательную и темпоральную) источников уголовно-политической доктрины с концепцией уголовной политики на первом уровне / этапе; концепциями уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-разыскной и уголовно-превентивной политики — на втором; иными документами программно-стратегического характера — на третьем.

6. Нормативные правовые акты, выступающие источниками отраслей права криминального цикла (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-разыскного и криминологического), а также принимаемые на их основе ненормативные правовые акты составляют совокупность актов реализации уголовно-политической доктрины. Формирование их системы на основе результатов, достигнутых на предыдущих двух этапах, позволит гармонизировать законодательство и практику его применения как в сфере борьбы с преступностью, так и в масштабах государственной политики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безруков А. В., Крысанов А. В. Конституирование поручений Президента Российской Федерации и первый опыт их оформления в сфере миграции // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 3–7.

Гайдарбекова А. М. Место и роль посланий Президента Российской Федерации в политико-правовой жизни общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 35–37.

Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.

Зебницкая А. К. Уголовная политика современной России и международные стандарты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 29–32.

Карабанова Е. Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 72–83.

Маланыч И. Н. Институт государственной стратегии в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 8–12.

Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М. : Юрист, 1999. 392 с.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Непредвиденные обстоятельства в уголовном праве, уголовной политике и криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 6. С. 566–578.

Селиверстов В. И., Стародубцев Г. С. О проблеме соблюдения Россией международных стандартов обращения с осужденными в современных условиях // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 4. С. 2–4.

Тихон Е. А. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 34–36.

REFERENCES

Bezrukov AV, Krysanov AV. Institutionalization of the Instructions of the President of the Russian Federation and the First Experience of Documentation thereof in the Migration Sphere. *State Power and Local Self-Government*. 2021;5:3-7. (In Russ.).

Endoltseva AV, Endoltseva YuV, Platonova NI. Basic principles of criminal policy: from theoretical reasoning to de lege ferenda. *Russian Journal of Criminology*. 2019;13:641-650. (In Russ.).

Gaidarbekova AM. Place and role of the messages of the President of the Russian Federation in the political and legal life of society. *Constitutional and Municipal Law*. 2011;6:35-37. (In Russ.).

Karabanova EN. Axiological foundations of criminal law prohibitions. *Journal of Russian Law*. 2023;4:72-83. (In Russ.).

Malanych IN. Institute of State Strategy in Constitutional Law. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;13:8-12. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Babaev MM. Unforeseen circumstances in criminal law, criminal policy and criminology: posing a problem. *Russian Journal of Criminology*. 2024;18(6):566-578.

Seliverstov VI, Starodubtsev GS. On the problem of Russia's compliance with international standards for the treatment of convicts in modern conditions. *International Criminal Law and International Justice*. 2024;4:2-4. (In Russ.).

Stepanov IM, Khabrieva TYa (eds.). Parliamentary Law of Russia. Moscow: Jurist Publ.; 1999. (In Russ.).

Tikhon EA. Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a political and legal act that determines Russia's strategy in the field of human rights. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;16:34-36. (In Russ.).

Zebnitskaya AK. Criminal policy of modern Russia and international standards. *International Criminal Law and International Justice*. 2014;4:29-32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карабанова Елена Николаевна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 34, Б. Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
karabanova.agprf@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Karabanova, Dr. Sci. (Law), Chief Research Fellow, Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
karabanova.agprf@gmail.com

Материал поступил в редакцию 14 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 13 мая 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 14.04.2025.
Revised 13.05.2025.
Accepted 15.06.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

А. А. Шамардин

Е. С. Шмелева

Оренбургский институт (филиал)

Московского государственного юридического

университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Оренбург, Российская Федерация

Пересмотр судебных решений по уголовным делам в надзорной инстанции в контексте принципов *res judicata* и *non bis in idem*

Резюме. В статье анализируется современное состояние института надзорного пересмотра в российском уголовном процессе. Особое внимание уделено его соотношению с принципами *res judicata* и *non bis in idem*. Рассматриваются проблемы действующего законодательства: чрезмерная широта ревизионного начала и абстрактность формулировок оснований для пересмотра, неопределенность процедуры самопересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ. Проведен сравнительный анализ надзора и возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, выявлены противоречия и дублирование функций. В работе дан критический анализ постановления Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П. Обоснована необходимость ограничения действия ревизионного начала при рассмотрении дел в надзорной инстанции, и предложено внести соответствующие изменения в ст. 412.12 УПК РФ. Сделан вывод о целесообразности сокращения срока для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. На основании исследования сформулировано предложение о реформировании пирамиды проверочных стадий путем преобразования надзорной инстанции в кассационную при одновременном уменьшении числа уровней пересмотра.

Ключевые слова: надзорная инстанция; кассация; возобновление производства; правовая определенность; стабильность судебных решений; судебные ошибки; *res judicata*; *non bis in idem*

Для цитирования: Шамардин А. А., Шмелева Е. С. Пересмотр судебных решений по уголовным делам в надзорной инстанции в контексте принципов *res judicata* и *non bis in idem*. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 63–75. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

Review of Criminal Case Judgments by a Supervisory Court in the Context of the Principles of *Res Judicata* and *Non Bis in Idem*

Artem A. Shamardin

Elena S. Shmeleva

Orenburg Institute (Branch)

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the current state of the supervisory review institution in Russian criminal procedure. Particular attention is paid to its relationship with the principles of *res judicata* and *non bis in idem*. The study examines the shortcomings of the existing legislation, including the excessive breadth of the «revisionary principle» and the abstract nature of the statutory grounds for review, as well as the procedural uncertainty surrounding the «self-review» of decisions rendered by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. The author carries out a comparative analysis of supervisory review and the reopening of criminal proceedings based on new or newly discovered circumstances, revealing inconsistencies and overlapping functions between

© Шамардин А. А., Шмелева Е. С., 2026

these mechanisms. The study also provides a critical analysis of Ruling No. 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11 May 2005. At the same time, it substantiates the need to limit the application of the «revisionary principle» in proceedings before the supervisory review court and proposes corresponding amendments to Art. 412.12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author concludes that the time limit for reopening criminal proceedings on the basis of new or newly discovered circumstances should be reduced. Based on the findings of the study, the author proposes reforming the «pyramid» of review stages by transforming the supervisory review instance into a cassation instance while simultaneously reducing the number of levels of judicial review.

Keywords: supervisory authority; cassation; resumption of production; legal certainty; stability of court decisions; miscarriages of justice; *res judicata*; *non bis in idem*

Cite as: Shamardin AA, Shmeleva ES. Review of Criminal Case Judgments by a Supervisory Court in the Context of the Principles of *Res Judicata* and *Non Bis in Idem*. *Lex russica*. 2026;79(7):63-75. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

Введение

Надзорная стадия уголовного процесса в России формировалась как прямое наследие советской модели, где ключевым элементом был контроль со стороны вышестоящих судебных органов и прокуратуры, а не инициатива сторон. В советский период надзор воспринимался скорее как продолжение административного контроля за судами, нежели как подлинная гарантия правосудности приговора.

Реформы начала XXI в. изменили правовую природу надзора: он стал возможен по жалобам участников процесса, что сблизило его с кассацией. Однако название и часть прежних элементов регулирования остались, что породило внутреннюю противоречивость института: с одной стороны, расширение возможностей сторон, с другой — сохранение экстраординарного характера пересмотра.

Вопрос о соотношении надзорной стадии с фундаментальными принципами уголовного процесса остается открытым. Речь идет прежде всего о принципе правовой определенности (*res judicata*), который предполагает окончательность судебного решения, и о принципе *non bis in idem*, запрещающем повторное привлечение лица к ответственности за одно и то же деяние. Последний должен пониматься не только как запрет на повторное осуждение, но и как гарантия неизменности правового положения лица, окончательно осужденного или

оправданного вступившим в законную силу решением суда¹.

Таким образом, вырисовывается ключевая проблема: надзор должен проявлять уважение к окончательности судебных актов и одновременно предоставлять правоприменителю эффективный инструмент для исправления фундаментальных судебных ошибок.

Актуальность темы подтверждается также исключительным характером надзорной инстанции. Согласно официальным статистическим отчетам, доля уголовных дел, пересмотренных в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ, в последние годы крайне мала — на уровне тысячных долей процента. Так, в течение 2023 г. Президиум пересмотрел по надзорным жалобам лишь 58 уголовных дел². Для сравнения: в том же году судами было окончено производством 727,2 тыс. уголовных дел, решения по которым вступили в законную силу³. Таким образом, в 2023 г. на надзорный пересмотр в Президиуме Верховного Суда РФ приходилось лишь около 0,008 % от общего числа окончательных судебных решений по уголовным делам.

Аналогичная картина наблюдалась и в 2024 г. Надзорная инстанция рассмотрела лишь 17 уголовных дел за весь год в отношении 20 лиц, удовлетворив жалобы и представления для 19 человек. Обвинительный приговор с направлением дела на новое судебное рассмотрение был отменен в отношении лишь одного осужденного⁴. В то же время судами первой

¹ Дикарев И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 101–104.

² URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/statistics/32115> (дата обращения: 17.10.2025).

³ URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 17.10.2025).

⁴ URL: <https://pravo.ru/story/257368/#:~:text=,95> (дата обращения: 17.10.2025).

инстанции были вынесены окончательные решения по 659,8 тыс. уголовных дел⁵: доля надзорных пересмотров снизилась примерно до 0,003 % от общего числа вступивших в силу решений. Таким образом, рассмотрение дела в порядке надзора является экстраординарным не только теоретически, но и практически, что подчеркивает важность проблемы определения легальных оснований для столь редкого и исключительного пересмотра.

В настоящем исследовании использован комплексный методологический подход, включающий формально-юридический метод для анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, сравнительно-правовой метод для сопоставления российской модели надзорного производства с зарубежными формами пересмотра судебных решений, а также логико-правовой и системный методы, позволившие выявить внутренние противоречия нормативной конструкции и сформулировать предложения *de lege ferenda* в контексте принципов правовой определенности и *non bis in idem*.

Правовая природа надзорной инстанции и ее место в системе проверочных производств

Несмотря на в целом удовлетворительную доктринальную разработанность темы исследования, в российской юридической литературе последних лет высказываются различные, порой противоположные позиции относительно правовой природы надзорного производства по уголовным делам. Одни авторы рассматривают надзор как самостоятельную стадию уголовного процесса, служащую дополнительной

гарантийной ступенью для исправления судебных ошибок после исчерпания обычных инстанций⁶. С этой точки зрения надзор представляет собой самостоятельный процессуальный механизм, направленный на защиту прав участников процесса и устранение судебных ошибок, не исправленных ранее.

Противоположная точка зрения акцентирует внимание на публично-правовой функции Президиума Верховного Суда РФ. Согласно этой концепции основная цель надзорного производства заключается в обеспечении единства судебной практики и единообразного толкования и применения правовых норм на всей территории страны⁷. В этом контексте надзор рассматривается как инструмент управления правоприменительной деятельностью судов высшей инстанцией, а исправление ошибок становится вторичной задачей.

В то же время ряд процессуалистов ставят под сомнение особый характер надзорной инстанции, указывая на ее сходство с кассацией. По мнению ряда современных исследователей, после реформ 2010–2013 гг. надзорная проверка, по сути, принципиально не отличается от кассационного пересмотра: фундаментальных различий между кассационной и надзорной формами пересмотра нет⁸. Такой подход фактически трактует надзор как вторую кассацию — еще одну ступень проверки судебного решения, а не как особую стадию с иной природой. Одновременно подчеркивается исключительный характер надзорного пересмотра: он осуществляется лишь Президиумом Верховного Суда РФ после прохождения нижестоящих инстанций и направлен на устранение существенных судебных ошибок в порядке исключения⁹.

⁵ URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/34221/> (дата обращения: 17.10.2025).

⁶ См.: Харченко И. Р. К вопросу о производстве в суде надзорной инстанции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 92–94 ; Нажипова Е. Н. Надзорное производство по уголовным делам: проблемные вопросы теории и практики // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 13 (368). С. 107–111.

⁷ Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство как средство обеспечения единообразного толкования и применения норм права // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 27–41.

⁸ См.: Ковтун Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской традиции, актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 75–83 ; Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Неопределенность правового регулирования истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации (ст. 412.5 УПК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 105–111 ; Борисевич Г. Я. О системе межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных решений в процессуальном праве Российской Федерации // Ex iure. 2023. № 11. С. 34–36.

⁹ Морозова И. Е. Проблемы законодательного регулирования надзорного производства в уголовном процессе России // Аллея науки. 2019. № 6 (33). С. 425–429.

В целом научная дискуссия сводится к дилемме: сохраняет ли надзорное производство статус самостоятельной исключительной стадии уголовного процесса или трансформировалось в дополнительную кассационную процедуру, встроенную в общую систему пересмотра судебных решений¹⁰.

Позиция авторов статьи сводится к признанию *надзорного производства исключительной стадией процесса, главной целью которой является исправление фундаментальных судебных ошибок, допущенных на предыдущих этапах судопроизводства, и которая направлена на восстановление справедливости для конкретного лица, пострадавшего от неправоудного решения, уже вступившего в законную силу и приобретшего статус окончательного*.

Правильное понимание природы надзорной инстанции и ее места в системе уголовного судопроизводства имеет принципиальное значение для оценки допустимых оснований пересмотра судебных решений.

Возможно, осведомленным читателям эти сведения покажутся очевидными, на деле же единства по этим вопросам в доктрине нет, и важно в самом начале изложить некоторые общие представления, от которых отталкиваются авторы данного исследования.

Международные стандарты закрепляют право на пересмотр приговора именно за осужденным. Так, часть 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах прямо указывает: «Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону»¹¹.

Очевидно, что речь идет именно об осужденном, а не о потерпевшем, и именно *возможность обжалования со стороны осужденного можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных прав личности, не экстраполируя его на остальных участников процесса*. Расширительное же толкование, при котором подобное право предоставлялось бы стороне обвинения, включая потерпевшего,

не соответствует исходной логике этого документа.

Состязательность как один из ключевых принципов уголовного процесса требует, чтобы пересмотр судебного решения происходил только по инициативе сторон, а суд не выходил за пределы доводов жалобы. Именно это отражает принцип *tantum devolutum quantum appellatum*. Вмешательство суда сверх доводов нарушает баланс, так как превращает его из арбитра в активного участника процесса.

Для того чтобы пересмотр надлежащим образом выполнял свою функцию, судьи вышестоящей инстанции должны обладать большими квалификацией и опытом по сравнению с судьями нижестоящих судов. Кроме того, коллегиальное рассмотрение является гарантией большей объективности и профессиональной беспристрастности. При этом, как верно отмечает Л. В. Головки, «в идеале каждая последующая инстанция должна функционально отличаться от предыдущей — они не должны дублировать друг друга с точки зрения возложенных на них функций (задач)»¹².

В европейских правовых порядках (так называемая континентальная модель) исторически сложилась трехзвенная модель пересмотра: апелляция, кассация и производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Апелляция предполагает повторное рассмотрение дела по существу, кассация — проверку правильности применения права, а производство ввиду новых обстоятельств — устранение ошибок, вызванных объективно неизвестными ранее факторами. Такая система обеспечивает оптимальное сочетание доступа к правосудию и стабильности судебных актов. Однако в нашей стране созданная в 1864 г. стройная трехступенчатая система дифференциации проверочных производств оказалась в последующем деформированной.

Надзор возник как элемент советской конструкции процесса: приговор мог быть пересмотрен только по протесту определенных должностных лиц. Обращения участников сами по себе процессуального значения не имели и не могли породить обязанность пересмотра.

¹⁰ Кривенко С. А., Поляков Р. А., Пенкин С. С. Проблемы производства по уголовным делам в суде надзорной инстанции // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 268–277.

¹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

¹² Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1058.

Такой механизм со всей очевидностью, с одной стороны, соответствовал модели ведомственного надзора, а с другой — противоречил принципу состязательности.

С принятием УПК РФ 2001 г. и в результате позднее проведенных реформ ситуация изменилась: надзор стал возможен по жалобам сторон, что сблизило его с кассацией и, как следствие, породило дублирование функций. Вместе с тем он утратил соответствие собственному наименованию: когда начало производства обусловлено инициативой сторон, речь идет уже не о надзоре, а о форме процессуального *контроля* вышестоящих судов за решениями нижестоящих инстанций.

Правовое регулирование оснований для пересмотра судебных решений в надзорной инстанции

Вопрос о правовых основаниях надзорного пересмотра является ключевым в понимании всей системы проверочных стадий. Согласно ст. 412.9 УПК РФ пересмотр допускается при наличии «существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела». На первый взгляд, такая формулировка близка к положениям о кассации (ст. 401.15 УПК РФ). Однако при более внимательном анализе становится очевидным, что законодатель не дал ни четкого определения понятию «существенность», ни перечня тех нарушений, которые можно считать основанием для надзорного вмешательства.

В судебной практике Президиума Верховного Суда РФ можно обнаружить примеры нарушений, которые он квалифицировал как существенные. В постановлении от 07.04.2021 № 168-П20 Президиум указал, что нижестоящие суды не применили акт амнистии, под который подпадал осужденный: вопреки постановлению Государственной Думы ФС РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД, Р., будучи условно осужденным, не был освобожден от наказания по предыдущему приговору. Президиум отметил, что препятствий для амнистии не было и осужденный подлежал освобождению от наказания по приговору 2011 г.; следовательно, из приговора 2015 г. надлежит исключить ука-

зания о его судимости по тому приговору и об отмене условного осуждения. Это существенное нарушение уголовного закона повлияло на исход дела, поскольку неправомерно усилило наказание¹³.

Другой пример также демонстрирует квалификацию допущенного нарушения как существенного, но на этот раз речь идет о нарушении процессуальном. Постановлением Президиума от 08.07.2020 № 6-П20 признано, что апелляционный суд нарушил уголовно-процессуальный закон при разрешении гражданского иска, что повлияло на исход дела. Суд второй инстанции частично отменил приговор (исключив осуждение по ч. 2 ст. 167 УК РФ) и прекратил производство по эпизоду уничтожения имущества за отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) с правом на реабилитацию для осужденных А. и К. При этом апелляция не отменила решение о взыскании с них материального ущерба, причиненного именно этим деянием. Президиум Верховного Суда РФ указал, что невключение судом апелляционной инстанции соответствующих изменений — существенное нарушение закона, и изменил судебные решения: исключил из приговора и апелляционного определения указание о взыскании данной суммы с А. и К.¹⁴ Это гарантировало соблюдение принципа, согласно которому при оправдании (реабилитации) лица по определенному эпизоду связанные с ним гражданско-правовые последствия подлежат устранению.

Таким образом, Президиум Верховного Суда РФ при рассмотрении дел в порядке надзора активно использует квалификацию судебных ошибок как существенных, что, однако, на наш взгляд, не отменяет необходимости более точного нормативного определения такого понятия, как «существенность».

Более ясная формулировка содержится в статье 389.17 УПК РФ, регулирующей апелляцию. Там под существенными процессуальными нарушениями понимаются те, которые ограничили гарантированные права участников процесса или иным образом повлияли (или могли повлиять) на законность и обоснованность решения. Кроме того, в ч. 2 ст. 389.17 приведен закрытый перечень безусловных оснований отмены, например рассмотрение дела

¹³ URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-07042021-n-168-p20/> (дата обращения: 17.10.2025).

¹⁴ URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/29424/> (дата обращения: 17.10.2025).

незаконным составом суда или при отсутствии защитника в случаях, когда его участие обязательно.

Данный подход можно рассматривать как наиболее универсальное выражение позиции законодателя относительно оснований для отмены решений судов нижестоящих инстанций. По аналогии закона он может применяться и к надзорному производству, если речь идет о пересмотре в пользу осужденного. Именно эта направленность определяет общий характер указанной процедуры: так же, как и в кассации, ухудшение положения осужденного или оправданного (*reformatio in peius*) допустимо лишь в исключительных ситуациях.

Очевидно, что законодатель подошел к регулированию апелляции более тщательно, чем к надзору. В надзорном производстве, которое по своей природе должно быть еще более «узким», наоборот, оставлены самые расплывчатые формулировки. Это создает риск чрезмерного расширения пределов надзорной проверки.

Не меньше вопросов вызывает регулирование материально-правовых оснований. Согласно ст. 389.18 УПК РФ, к таковым относятся нарушение требований Общей части УК РФ, применение не той статьи или части статьи Особенной части УК РФ, а также несправедливость приговора. Но термин «существенность» здесь не используется, а между тем экстраординарная природа надзора предполагает, что исправлению подлежат только фундаментальные дефекты, ставящие под сомнение справедливость судебного акта в целом, а пересмотр окончательных решений допустим только при наличии серьезных оснований, затрагивающих саму справедливость процесса.

Примерами фундаментальной ошибки могут быть осуждение за деяние, не являющееся преступлением (не запрещенное уголовным законом), или назначение наказания в виде смертной казни при действии запрета на ее применение. Такие ошибки затрагивают основы правосудия и всегда требуют вмешательства¹⁵.

Напротив, ошибки в применении норм Особенной части УК РФ при сохранении правильной квалификации преступления едва ли могут служить основанием для надзорного пересмотра, если речь идет об ухудшении положения осужденного.

В апелляционной инстанции основаниями для отмены приговора выступают существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые *повлияли либо могли повлиять* на принятие законного и обоснованного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ). В то же время часть 1 ст. 401.15 и часть 1 ст. 412.9 УПК РФ формулируют основания для пересмотра в кассации и надзоре иначе — как существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, *повлиявшие* на исход дела. Таким образом, законодатель применяет различную терминологию для обозначения сходных, по сути, оснований. Эта разница в формулировках вносит дополнительную неопределенность и осложняет понимание того, как разграничиваются основания отмены судебных решений в разных инстанциях. На наш взгляд, необходима более глубокая дифференциация оснований пересмотра судебных решений в контексте принципа правовой определенности. Здесь же можно упомянуть и нуждающиеся в устранении пробелы в основаниях для истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда РФ, на которые указывают Н. Е. Яременко и А. Б. Сергеев¹⁶.

Первоначальный вариант УПК РФ 2001 г. закреплял абсолютный запрет на пересмотр вступивших в силу приговоров в сторону ухудшения положения осужденного. Это было прямым выражением принципа *non bis in idem*. Однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 11.05.2005 № 5-П признал данную норму неконституционной и допустил возможность пересмотра в течение года по инициативе стороны обвинения¹⁷. Таким образом, фактически государство получило дополнительный годичный срок для исправления ошибок обвинения.

¹⁵ Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Указ. соч.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

В дальнейшем Конституционный Суд РФ последовательно развивал эту позицию. В ряде его решений: определениях от 20.04.2017 № 776-О, от 23.11.2017 № 2744-О, от 27.09.2018 № 2190-О, от 26.11.2018 № 2826-О, от 18.07.2019 № 1851-О, от 26.03.2020 № 772-О, от 07.04.2022 № 824-О и постановлении от 17.12.2024 № 58-П¹⁸ — сформулирован подход, согласно которому пересмотр вступившего в силу приговора в сторону ухудшения положения осужденного не расценивается как нарушение принципа *non bis in idem*, если направлен на исправление судебной ошибки, затрагивающей законные интересы потерпевшего или подрывающей справедливость правосудия. Конституционный Суд РФ подчеркивает, что судебное решение, принятое с фундаментальным нарушением закона, не может сохранять силу лишь во имя правовой определенности (см., например, определение от 23.11.2017 № 2744-О).

Справедливо отметить, что такой подход подвергся серьезной критике в науке. Как уже упоминалось, закрепленный международными актами принцип предоставления права на обжалование приговора адресован именно осужденному. Для него возможность добиваться пересмотра судебного решения с целью улучшения своего положения фактически не ограничена какими-либо временными рамками. Кроме того, в состязательном процессе бремя доказывания лежит на обвинении, а потому все последствия неудачи в судебном споре должны возлагаться на него, а не на защиту¹⁹.

Попытка же сопоставления в этом контексте возможностей для обжалования приговора осужденным (оправданным) и потерпевшим, т.е. *частными лицами*, на наш взгляд, совершенно некорректна, ибо потерпевший выступает в публичном уголовном процессе на стороне обвинения, где доказывание осуществляется органами государственной власти и должностными лицами, возможности которых несопоставимы с возможностями защиты. Отсюда ограничения на обжалование приговора со стороны обвинения также отвечают одному из требований состязательной конструкции процесса — *favor*

defensionis (благоприятствование защите как стороне изначально более слабой).

Тем не менее, поскольку правового механизма пересмотра решений Конституционного Суда РФ не существует, мы будем отталкиваться от указанных его позиций как от данности, которую изменить на настоящий момент нельзя, однако это не означает невозможности критической оценки этих позиций.

Что касается закона, то действующая редакция УПК РФ частично ограничивает возможность «ухудшающего пересмотра». В соответствии со ст. 401.6 УПК РФ он допускается только при наличии нарушений, искажающих саму суть правосудия, либо при нарушении условий досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом сохраняется годичный срок для такого пересмотра. Несмотря на формальную жесткость конструкции, на практике понятие «искажение сути правосудия» может получать разное толкование в силу неопределенности.

Еще одна проблема — так называемое ревизионное начало. Часть 1 ст. 412.12 УПК РФ позволяет Президиуму Верховного Суда РФ выйти за пределы доводов жалобы и проверить дело в полном объеме в интересах законности. В результате возможна ситуация, когда пересматриваются решения в отношении лиц, которые жалобу вовсе не подавали, что, несомненно, нарушает принцип правовой определенности.

Таким образом, действующее регулирование оснований для надзорного пересмотра остается чрезмерно размытым и не обеспечивает должной степени определенности. Действие данной нормы, на наш взгляд, должно быть (по аналогии с соответствующими положениями, регулирующими пределы прав апелляционной (ст. 389.24) и кассационной (ч. 5 ст. 401.16) инстанций) ограничено лишь ситуациями пересмотра судебных решений в пользу осужденного. Авторы настоящего исследования отдают себе отчет в том, что это предложение вступает в определенное противоречие с проанализированными выше позициями Конституционного Суда РФ, однако у Суда нет препятствий скорректировать их в будущем.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Золотаревой» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493399/ (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁹ Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 662.

Соответствующие изменения необходимо внести в ст. 412.12, дополнив ч. 1 абзацем следующего содержания: *«В случае, когда по уголовному делу осуждено или оправдано несколько лиц, Президиум Верховного Суда Российской Федерации не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых надзорные жалоба или представление не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение»*.

Широкое ревизионное начало, допускающее проверку за пределами доводов жалобы, должно быть ограничено пересмотром исключительно в пользу осужденного. Лишь при таких условиях надзор сможет соответствовать своей природе исключительной гарантии защиты прав личности, а не дублировать кассацию и не подрывать принцип правовой определенности.

Итак, мы уяснили, что УПК РФ закрепляет возможность пересмотра судебных актов в надзорной инстанции не только в пользу осужденного, но и в целях ухудшения его положения либо положения оправданного. Такое вмешательство допустимо, если в ходе разбирательства имели место нарушения закона, затрагивающие сущность правосудия и искажающие смысл судебного решения как акта правоприменения. При этом законодатель установил ограничение: пересмотр в сторону ухудшения возможен лишь в пределах одного года со дня вступления акта в законную силу. Вместе с тем сроки пересмотра в интересах осужденного не лимитированы.

Из этого следует, что *основания и правовая природа надзорного производства различаются в зависимости от его направленности*. Когда речь идет о защите прав лица, достаточно констатации *существенных* нарушений, и надзор фактически выполняет функцию дополнительного средства проверки по отношению к кассации. Если же пересмотр связан с ухудшением правового положения осужденного или оправданного, требуется наличие *фундаментальных* нарушений, что придает надзору черты исключительного механизма исправления судебных ошибок.

При этом основания надзорного пересмотра всегда должны касаться *исключительно юридических ошибок*. Такое понимание вытекает из ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, согласно которой при проверке дела в порядке надзора

Президиум Верховного Суда РФ оценивает правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального права судами нижестоящих инстанций. Иными словами, предмет проверки здесь выступают законность и справедливость (в легальном значении соответствия наказания принципу соразмерности), но не фактическая обоснованность обвинительного приговора.

Возможность пересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ

Особое место в надзорном производстве занимает проблема пересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ. На сегодняшний день именно этот орган выполняет функции единственной надзорной инстанции, и собственно через него реализуется окончательный контроль за вступившими в силу приговорами и иными судебными решениями. Однако нормативное регулирование в данной части построено таким образом, что окончательность актов Президиума оказывается поставленной под сомнение.

В новой редакции гл. 48.1 УПК РФ исчезло положение, ранее закреплявшее окончательный характер решений Президиума. Более того, пункт 5 ч. 4 ст. 412.1 УПК РФ прямо предусматривает возможность пересмотра уже вынесенного решения самим же Президиумом. Подобная конструкция разрушает всю логику инстанционной системы, так как делает теоретически возможным многократное обращение к одному и тому же делу в рамках высшей судебной инстанции. Это означает, что правовое положение лица не приобретает стабильности даже после прохождения всех проверочных стадий.

Такой подход противоречит принципу *res judicata*, предполагающему окончательность вступившего в силу судебного решения. Если даже высшая судебная инстанция не ставит точку в деле, то окончательность утрачивает смысл.

Не менее острой является проблема беспристрастности. Пересмотр дел тем же составом судей, которые принимали первоначальное решение, вызывает объективные сомнения в их нейтралитете. Конституционный Суд РФ в определении от 18.10.2012 № 1898-О указывал, что повторное участие судьи в рассмотрении вопросов, по которым он уже высказывался,

может восприниматься сторонами как проявление предвзятости²⁰.

Представляется, что единственным оправданием пересмотра решений Президиума самим же органом может быть исправление судебных ошибок в пользу осужденного (*in favorem*). В таких случаях логика системы не нарушается, поскольку пересмотр направлен на восстановление нарушенных прав и не подрывает принцип *non bis in idem*. Для всех иных ситуаций сохранение подобной возможности избыточно и даже опасно.

Таким образом, целесообразно *нормативно закрепить, что пересмотр решений Президиума Верховного Суда РФ допускается исключительно в интересах лица, в отношении которого вынесено судебное решение*. Подобная оговорка позволила бы устранить неопределенность, сохранить баланс между необходимостью исправления ошибок и требованием правовой определенности, а также привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами.

С этой целью пункт 5 ч. 4 ст. 412.1 УПК РФ необходимо дополнить следующим текстом: «если это не связано с ухудшением положения осужденного или оправданного».

В противном случае сохраняется угроза бесконечного пересмотра дел, что подрывает доверие к суду и нарушает принцип справедливого судебного разбирательства, а надзорная стадия, изначально задуманная как исключительная гарантия защиты прав личности, рискует превратиться в механизм произвольного контроля, что несовместимо с задачами современного правосудия.

Соотношение надзорной инстанции и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в контексте принципа *non bis in idem*

В российской системе уголовного судопроизводства наряду с надзорной стадией действует институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся

обстоятельств. Оба механизма направлены на устранение судебных ошибок, но различаются по природе и целям. Надзор служит для исправления юридических ошибок — неправильного применения норм материального или процессуального права, в то время как возобновление ориентировано на фактические обстоятельства, объективно неизвестные суду в момент рассмотрения дела. При этом согласно ч. 2 ст. 401.6 и ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ ухудшение положения осужденного или оправданного в кассации и надзоре допускается лишь в течение одного года с момента вступления решения в законную силу. Но в соответствии со ст. 414 УПК РФ возобновление возможно в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности, причем отсчет годовичного срока идет с момента открытия обстоятельств. Таким образом, даже спустя годы после вступления решения в силу лицо может вновь оказаться объектом уголовного преследования.

С точки зрения принципа *non bis in idem* такая конструкция уязвима, ведь повторное рассмотрение дела допустимо лишь при наличии веских оснований и в разумные сроки, поскольку неопределенность правового положения лица противоречит требованиям справедливого судебного разбирательства.

Необходимо установление более жестких сроков для возобновления производства в сторону ухудшения положения лица. Логично исчислять годовичный срок не с момента открытия обстоятельств, а с момента вступления приговора в законную силу. Полагаем, что формулировка ч. 3 ст. 414 УПК РФ («не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств») должна быть изменена следующим образом: «не позднее одного года со дня вступления приговора, определения или постановления о прекращении уголовного дела в законную силу».

Это обеспечит стабильность правового положения и исключит ситуацию, при которой человек остается под угрозой пересмотра на протяжении десятилетий. Для пересмотра же *pro reo*, напротив, временных ограничений быть не должно, поскольку исправление судебной ошибки в пользу лица соответствует гуманистическим началам правосудия.

²⁰ См.: определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1898-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ресина Андрея Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (документ официально опубликован не был).

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что в надзорной процедуре подлежат устранению исключительно ошибки юридического характера. Фундаментальные же отступления от требования правосудности, связанные с фактическими обстоятельствами и допущенные при вынесении окончательных судебных актов, по смыслу закона могут быть исправлены только посредством возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Впрочем, всё не так просто. Здесь необходимо учитывать постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П, в котором Суд отметил, что новые обстоятельства не могут сводиться исключительно к фактам, неизвестным суду при вынесении приговора; сюда должны относиться и такие ситуации, когда в дальнейшем выявляется неправосудность вынесенного решения²¹. Следует отметить, что указанное решение до настоящего времени так и не нашло отражения в действующем УПК РФ: часть 2 ст. 413 воспроизводит по своей сути положение, ранее закрепленное в ст. 384 УПК РСФСР и признанное Конституционным Судом РФ не соответствующим Основному закону.

Позднее в определении от 10.07.2003 № 290-О Конституционный Суд РФ вновь подтвердил и даже развил свою позицию, указав, что возобновление допустимо и при обнаружении дополнительных доказательств, их неправильной оценки или неправильного применения закона.

Впрочем, столь широкое понимание приводит к фактическому размыванию границ между надзором и возобновлением производства. Такой подход вряд ли оправдан, поскольку он искажает изначальное назначение института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В отличие от других стадий пересмотра здесь речь идет не о судебных ошибках в традиционном понимании, т.е. не о нарушениях закона или процессуальных упущениях суда, а об обстоятельствах, которые по своей природе существуют вне рамок деятельности

нижестоящих инстанций и *объективно* превращают вынесенное решение в незаконное или несправедливое.

Следует учитывать, что вышеобозначенные правовые позиции Конституционного Суда РФ, по сути, являлись попыткой разрешить ситуацию, при которой надзорный пересмотр был недоступен из-за действовавшего тогда запрета на пересмотр решений Президиума Верховного Суда РФ. На практике же сохранялась объективная потребность в исправлении фундаментальных судебных ошибок, и именно поэтому возобновление производства по делу рассматривалось как единственный возможный механизм их устранения.

Тем не менее после принятия 29 декабря 2010 г. и вступления в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона № 433-ФЗ²², предоставившего Президиуму Верховного Суда РФ полномочие пересматривать собственные акты, необходимость компенсировать отсутствие надзорной процедуры за счет возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств фактически отпала.

Таким образом, несмотря на выводы, сформулированные в упомянутых решениях Конституционного Суда РФ, действующая модель уголовно-процессуального регулирования не дает оснований утверждать, что надзор и возобновление производства полностью дублируют друг друга. Законодатель продолжает разграничивать основания для пересмотра в надзорной инстанции и основания для возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, сохраняя различие в их назначении и сфере применения.

Прежде всего в п. 1 и 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ в качестве оснований для возобновления производства по делу закреплены обстоятельства, которые *не были известны* суду при вынесении судебного решения. Кроме того, глава 49 УПК РФ регулирует именно процедуру возобновления производства, а не обжалование в собственном значении этого термина, т.е. не проверку законности, обоснованности или справедливости уже принятых судебных актов.

²¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

²² Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

Вывод о частичном совпадении оснований и процедур возможен при сопоставлении кассационного и надзорного пересмотра. Надзорная инстанция, как уже отмечалось, утратила черты, присущие ей изначально, и сегодня не демонстрирует признаков подлинно экстраординарного производства. На практике она функционирует преимущественно как дополнительный канал обжалования в высший судебный орган в ситуациях, когда стороны не согласны с окончательными судебными решениями. «Законодатель при всех вариантах реформ остается склонен к эклектике, пытаясь совместить, в частности, подобие классической кассации с советским надзором, остаются непонятными не только соотношение кассации и надзора, но и смысл этого дуализма»²³.

Наиболее рациональным решением представляется *преобразование надзорной инстанции в кассационную*, что позволило бы выстроить систему проверочных стадий по классическому континентальному образцу: апелляция, кассация и производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такой подход одновременно предполагает сокращение количества уровней пересмотра и устранение дублирования процедур. При этом Верховный Суд РФ должен выполнять функции *единой кассационной инстанции*, а все окружные суды — функции апелляционных.

Столь масштабное обновление системы судебных инстанций должно непременно сопровождаться нормативным закреплением принципа, согласно которому пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в сторону ухудшения положения осужденного или оправданного допускается лишь в исключительных случаях и только один раз — при рассмотрении жалобы потерпевшего либо представления прокурора. Причем в отношении приговоров, основанных на вердикте присяжных заседателей, ухудшение положения может быть признано допустимым лишь по одному основанию — если решение вынесено незаконным составом суда или коллегии присяжных.

Заключение

Итак, позвольте сделать следующие выводы по итогам исследования.

Проведенный анализ показал, что институт надзорного пересмотра в современном виде

остается внутренне противоречивым. С одной стороны, он формально закреплен как исключительная стадия, призванная устранять наиболее серьезные ошибки правосудия. С другой — действующее законодательство и практика применения превращают его в дополнительный уровень кассационного контроля. Такое «двойное лицо» надзора не соответствует ни требованиям правовой определенности, ни принципу *non bis in idem*.

Современные формулировки ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ не содержат четких критериев существенности нарушений, что позволяет слишком широко применять надзорные возможности пересмотра. В результате эта стадия используется не только для исправления фундаментальных ошибок, но и для решения вопросов, которые должны рассматриваться на уровне апелляции или кассации. Отсутствие разграничения между существенными и фундаментальными нарушениями приводит к дублированию функций и снижает эффективность процесса.

Не менее проблемным остается институт ревизионного начала (ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ), допускающий проверку дела в полном объеме за пределами доводов жалобы. Такой подход вступает в противоречие с принципом состязательности и нарушает баланс интересов сторон.

Особое внимание следует уделить пересмотру решений Президиума Верховного Суда РФ. Возможность их неоднократного пересмотра самим же Президиумом разрушает идею окончательности судебных актов и создает сомнения в беспристрастности судей.

В этой связи действие ревизионного начала в надзорном производстве, равно как и полномочия Президиума Верховного Суда РФ по пересмотру собственных актов, следует ограничить исключительно случаями пересмотра в интересах осужденного.

Не менее значимым остается соотношение надзора и возобновления производства по делу. Сегодня оба института частично дублируют друг друга, что снижает предсказуемость уголовного процесса. Для устранения этой проблемы необходимо четко развести их функции: надзор — средство исправления юридических ошибок, возобновление — средство учета фактических обстоятельств. При этом для пересмотра в сторону ухудшения положения лица должен устанавливаться годичный срок, исчис-

²³ Курс уголовного процесса. С. 1080.

ляемый с момента вступления решения в силу, тогда как для пересмотра pro geo временные ограничения недопустимы.

В конечном счете назрела необходимость более глубокого реформирования всей системы проверочных стадий по классическому образцу для укрепления принципа *res judicata* и создания ясности в системе процессуальных гарантий.

Итак, перспективное развитие российского уголовного процесса видится в отказе от дуб-

лирования проверочных стадий и в более четком разграничении их функций. Это позволит, с одной стороны, обеспечить защиту прав личности от судебных ошибок, а с другой — сохранить стабильность и окончательность судебных актов как фундаментальное условие правовой определенности. Такое реформирование позволило бы согласовать национальную систему с международными стандартами, укрепить принципы *res judicata* и *non bis in idem* и повысить доверие к уголовному судопроизводству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисевич Г. Я. О системе межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных решений в процессуальном праве Российской Федерации // *Ex jure*. 2023. № 11. С. 34–36.

Дикарев И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. 2013. № 1 (18). С. 101–104.

Ковтун Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской традиции, актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // *Уголовная юстиция*. 2016. № 1 (7). С. 75–83.

Кривенок С. А., Поляков Р. А., Пенкин С. С. Проблемы производства по уголовным делам в суде надзорной инстанции // *Столыпинский вестник*. 2020. № 2. С. 268–277.

Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

Морозова И. Е. Проблемы законодательного регулирования надзорного производства в уголовном процессе России // *Аллея науки*. 2019. № 6 (33). С. 425–429.

Нажипова Е. Н. Надзорное производство по уголовным делам: проблемные вопросы теории и практики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 13 (368). С. 107–111.

Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство как средство обеспечения единообразного толкования и применения норм права // *Вестник гражданского процесса*. 2018. № 1. С. 27–41.

Смирнов В. А. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор // СПС «КонсультантПлюс».

Смирнов В. А., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 768 с.

Харченко И. Р. К вопросу о производстве в суде надзорной инстанции // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2014. № 4 (26). С. 92–94.

Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Неопределенность правового регулирования истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации (ст. 412.5 УПК РФ) // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 1 (40). С. 105–111.

REFERENCES

Borisevich GYa. On the system of intersectoral institutions governing the revision of court decisions in the procedural law of the Russian Federation. *Ex jure*. 2023;11:34-36. (In Russ.).

Dikarev IS. Implementation of the generally recognized principle of *non bis in idem* in Russian criminal proceedings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Jurisprudentsiya*. 2013;1(18):101-104. (In Russ.).

Golovko LV (ed.). Criminal Procedure Course. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Kharchenko IR. On the issue of proceedings in a supervisory court. *The Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;4(26):92-94. (In Russ.).

Kovtun NN. Supervisory and cassation form of verification of court decisions in the context of the Russian tradition, acts of the ECHR and acts of constitutional justice. *Russian Journal of Criminal Law*. 2016;1(7):75-83. (In Russ.).

Krivenok SA, Polyakov RA, Penkin SS. Problems of criminal proceedings in a supervisory court. *Stolypin Bulletin*. 2020;2:268-277. (In Russ.).

Morozova IE. Problems of legislative regulation of supervisory proceedings in the criminal process of Russia. *Alley of Science*. 2019;6(33):425-429. (In Russ.).

Nazhipova EN. Supervisory proceedings in criminal cases: problematic issues of theory and practice. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;13(368):107-111. (In Russ.).

Novik-Kachan MYu. Supervisory proceedings as a means of ensuring uniform interpretation and application of law. *Herald of Civil Procedure*. 2018;1:27-41. (In Russ.).

Smirnov VA. Reform of the procedure for revising court decisions in criminal cases: supervision. Available at: <http://buisky.kst.sudrf.ru> [Accessed 17.07.2025]. (In Russ.).

Smirnov VA, Kalinovskiy KB, Smirnov AV (ed.). Criminal process. 5th ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).

Yaremenko NE, Sergeev AB. Uncertainty of the legal regulation of the request for materials of the criminal case when deciding on the transfer of a supervisory complaint to the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (Article 412.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2024;1(40):105-111. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шамардин Артем Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 50, Комсомольская ул., г. Оренбург 460000, Российская Федерация
aashamardin@msal.ru

Шмелева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 50, Комсомольская ул., г. Оренбург 460000, Российская Федерация
esshmeleva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem A. Shamardin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russian Federation
aashamardin@msal.ru

Elena S. Shmeleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russian Federation
esshmeleva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2025 г.

Статья получена после рецензирования 15 октября 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 07.09.2025.

Revised 15.10.2025.

Accepted 15.06.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

И. В. Килина

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация

Правовое значение общественной опасности личности в уголовном праве и процессе

Резюме. Общественная опасность личности имеет самостоятельное правовое значение. Изучение исторических и современных нормативных актов, доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о необходимости более точного определения правовой природы, критериев общественной опасности личности, ее соотношения с общественной опасностью деяния. Общественная опасность личности, несмотря на генетическую институциональную привязку к теории опасного состояния личности, разрабатываемой антропологической и социологической криминологическими школами, выступает важным правовым средством индивидуализации уголовной ответственности. Приводятся аргументы в обоснование следующих тезисов: 1) общественная опасность личности в отрыве от совершенного ею деяния не может использоваться в качестве критерия криминализации и основания уголовной ответственности; 2) правовое значение общественной опасности личности заключается в ее влиянии на индивидуализацию уголовной ответственности; 3) к критериям общественной опасности личности, имеющим самостоятельное правовое значение, относятся характеристика совершенного преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, поведение лица после совершения преступления; 4) представляется вполне оправданным законодательное отражение утраты общественной опасности личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по субъективным дискреционным основаниям.

Ключевые слова: общественная опасность деяния; общественная опасность личности; криминализация деяний; административная преюдиция; освобождение от уголовной ответственности; прекращение уголовного дела; прекращение уголовного преследования; индивидуализация ответственности; позитивное постпреступное поведение; критерии общественной опасности личности

Для цитирования: Килина И. В. Правовое значение общественной опасности личности в уголовном праве и процессе. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 76–89. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

The Legal Significance of Public Danger Posed by an Individual in Criminal Law and Procedure

Irina V. Kilina

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Abstract. The public danger posed by an individual has an independent legal significance. The study of historical and current regulatory acts, doctrinal sources and law enforcement practice allows us to conclude that there is a need for a more precise definition of the legal and criteria of the public danger posed by an individual, as well as its relationship to the public danger of an act. Despite its genetic and institutional connection to the theory of the dangerous state of a person, which was developed within the anthropological and sociological schools of criminology, the public danger posed by an individual serves as an important legal means of individualizing criminal liability. The paper presents arguments in support of the following theses: 1) the public danger posed by an individual, in isolation from the act committed by him, cannot be used as a criterion for criminalization and grounds for criminal liability; 2) the legal significance of the public danger posed by an individual lies in its influence on the individualization of criminal liability; 3) criteria of public danger posed by an individual that have

© Килина И. В., 2026

independent legal significance include: characteristics of the crime committed; circumstances, characterizing the personality of the accused; the behavior of the person after the commission of the crime; 4) there are sufficient reasons for legislatively recognizing the loss of public danger posed by an individual as a ground for exemption from criminal liability, in relation to subjective discretionary grounds.

Keywords: public danger of an act; public danger of an individual; criminalization of acts; administrative prejudice; exemption from criminal liability; dismissal of a criminal case; cessation of criminal prosecution; individualization of responsibility; positive post-criminal behavior; criteria of public danger posed by an individual

Cite as: Kilina IV. The Legal Significance of Public Danger Posed by an Individual in Criminal Law and Procedure. *Lex russica*. 2026;79(7):76-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

Введение

Определение в ст. 14 УК РФ преступления как общественно опасного деяния предопределяет публичность уголовного судопроизводства, т.е. такое его построение, которое предполагает наделение дознавателя, следователя, прокурора, суда полномочиями *ex officio* по возбуждению, расследованию, разрешению уголовных дел публичного обвинения и исполнению судебных решений в целях обеспечения назначения уголовного процесса независимо от мнения лица, пострадавшего от преступления.

Категория общественной опасности деяния, будучи многоаспектной и оценочной, является одной из наиболее дискутируемых в уголовном праве. Ни индивидуальные доктринальные разработки правоведов, ни публичные научные конференции, специально посвященные определению содержания общественной опасности деяния, не позволяют тем не менее прийти к выводу о завершенности дискуссии по данному вопросу.

Представляется, что в качестве относительно устоявшихся суждений можно выделить следующие. Общественная опасность деяния рассматривается как критерий криминализации противоправных деяний (включения их в текст Особенной части УК РФ); обладает характером (качественная характеристика) и степенью (количественная характеристика); является обязательным признаком преступления и, как следствие, влияет на решение вопроса о наличии или об отсутствии основания уголовной ответственности.

Именно общественная опасность выделяет преступления и потенциально уголовные проступки среди иных правонарушений, подчеркивает их качественное своеобразие и придает самостоятельность уголовному праву как отрас-

ли права¹. При этом общественная опасность деяний, перечисленных в уголовном законе, презюмируется (критерии и суждения, которыми руководствуется условный законодатель при формировании перечня преступлений, остаются за скобками).

В процессуальном преломлении на стадии возбуждения уголовного дела общественная опасность деяния, наряду с иными признаками преступления, подлежит проверке для решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела. При этом умозрительность общественной опасности предопределяет тот факт, что лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, констатирует признак общественной опасности на основе того, что такое деяние запрещено уголовным законом под угрозой наказания (противоправно). Дальнейшее доказывание правоприменителем общественной опасности конкретного совершенного преступления не требуется, а в предмет доказывания включены уже обстоятельства, характеризующие признаки состава преступления. Исключением выступают лишь случаи, когда правоприменитель усматривает основания для опровержения презумпции общественной опасности деяния, мотивируя констатацию малозначительности деяния и прекращение в связи с этим уголовного дела (уголовного преследования).

Вместе с тем уголовному праву известна и такая категория, как «общественная опасность личности». Недостаточная нормативная и доктринальная разработанность института актуализирует целый ряд практически и теоретически значимых вопросов. Необходимо определиться с правовой природой, критериями, юридическим значением общественной опасности личности, ее соотношением с общественной опасностью деяния. Настоящее исследование

¹ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // *Правоприменение*. 2020. № 4. С. 134.

посвящено обозначенным аспектам. Мы ставим задачу рассмотреть как материальную составляющую общественной опасности личности, так и процессуальные аспекты, связанные с обоснованием решений, в основе которых лежит оценка общественной опасности лица, совершившего преступление.

Исторический аспект

Характерное для любых территорий движение от частно-искового процесса к публичному (где под публичным интересом в большей или меньшей степени в зависимости от исторического периода понимался интерес государственной власти, а также общества), а равно движение от понимания преступления как обиды к современному определению его сущности в качестве общественно опасного деяния привели к укоренению категории общественной опасности деяния.

Вместе с тем в конце XIX в. феномен общественной опасности личности приобретает научное обоснование в контексте разработки института опасного состояния личности. Указанной теории уделялось большое внимание представителями социологической и антропологической криминологических школ, известными родоначальниками которых стали Ч. Ломброзо и Э. Ферри. Авторство теории опасного состояния личности приписывается итальянскому барону Р. Гарофало². Указанное учение развивалось Международным союзом криминалистов, первое заседание которого состоялось в 1889 г. В частности, А. Принс полагал, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»³.

Вместе с тем идеи уголовного воздействия на отдельных представителей общества так и не нашли воплощения в законе буржуазных западных стран.

С развитием общественных отношений и права выявилась необходимость поиска в современном уголовном судопроизводстве ответа на три вопроса: имело ли место преступ-

ление, совершено ли оно обвиняемым и виновен ли он в его совершении? Постановка этих вопросов дала стимул к развитию доказательственного права — поиску правовых рамок в установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела и мотивирования юрисдикционных решений.

В России императорского периода основанием для уголовной ответственности признавались преступления или проступки (а не опасное состояние личности). Так, в Уставе о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были отражены понятия преступления и проступка и, соответственно, перечень наказаний уголовных или исправительных, назначаемых за их совершение. Общественная опасность деяния и отдельные характеристики личности, в свою очередь, упоминались в качестве обстоятельств, влияющих на степень вины и индивидуализацию ответственности (ст. 135 Устава). В процессуальном преломлении следует отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. окончательно оформил публичное построение уголовного процесса, предусматривающее необходимость доказывания виновности или невиновности лица в строго предусмотренной законом процедуре. Глава 4 Устава уголовного судопроизводства именовалась «Об исследовании события преступления». Вместе с тем общественная опасность личности никогда не выходила из фокуса внимания, с той лишь оговоркой, что она рассматривалась в неразрывной связи с совершенным деянием и необходимостью определения справедливой меры ответственности.

Так, в ходе производства по конкретному делу у судебного следователя был в распоряжении любопытный институт, позволяющий подробнее ознакомиться с личностью преследуемого лица, — дознание через оковых людей (ст. 454 Устава). В рамках данной процедуры судебный следователь собирал сведения о занятиях, связях и образе жизни обвиняемого. В этом случае составлялся протокол, где излагались показания лиц, среди которых живет подсудимый, о его образе жизни, занятиях, нравах и т.д.⁴

Революционный слом государственного и правового строя в 1917 г. привел, помимо прочего, и к тому обстоятельству, что в уголовном

² Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 12.

³ Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 91.

⁴ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912.

праве нашла применение вышеупомянутая теория опасного состояния личности. Как отмечают Е. В. Сафронова, В. Е. Лоба, «в этот период для советской доктрины уголовного права, решительно отвергавшей представление о наказании как о возмездии и рассматривавшей преступника как продукт социальной среды, теория “опасного состояния личности” пришлась как нельзя кстати»⁵.

Применение «мер социальной защиты» к общественно опасным элементам прямо декларировалось в УК РСФСР 1922 г., Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и далее в УК РСФСР 1926 г.

С принятием Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. теория мер социальной защиты и теория опасного состояния личности были отвергнуты законодателем. Вместе с тем категория общественной опасности личности в совершенно ином сущностном многоаспектном звучании была отражена в новом Кодексе. Период до принятия следующего Кодекса характеризовался беспрецедентной вариативностью способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. В силу ст. 50 УК РСФСР 1960 г. утрата лицом общественной опасности могла влечь освобождение от уголовной ответственности. Кроме того, по приговору суда подсудимый мог быть освобожден от наказания, если в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду он ко времени рассмотрения дела в суде не мог быть сочтен общественно опасным. Наконец, при сочетании небольшой общественной опасности преступления и вывода о том, что исправление и перевоспитание лица возможны без применения уголовного наказания, лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности по широкому кругу оснований.

Таким образом, в истории отечественного уголовного права общественная опасность

личности имела разные проявления: от реакционного преследования лиц, находящихся в опасном состоянии, до поощрения в различных формах лиц, общественную опасность утративших. Ученые обоснованно обращают внимание на то, что из теории опасного состояния личности выросли, например, такие известные доктрине и закону институты, как рецидив преступлений, судимость, принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия⁶. Справедливы и замечания А. Ю. Родина, который отсутствие нормативного отражения общественной опасности личности характеризует в качестве несовершенства современного уголовного законодательства⁷.

На сегодняшний день не утрачивает актуальности и вывод советского ученого В. Д. Филимонова, который настаивал на большом криминологическом и уголовно-правовом значении общественной опасности личности преступника⁸.

Широкий взгляд на общественную опасность личности позволил советским ученым сформулировать первые фундаментальные позиции о сущности и правовом значении анализируемого института.

Исторический доктринальный аспект

Работы советского периода, специально посвященные общественной опасности личности, принадлежат перу Б. В. Волженкина и В. Д. Филимонова. Б. В. Волженкин в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общественная опасность личности преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания»⁹. Ученый сформулировал отправной тезис о том, что общественная опасность лица, совершившего преступление, заключается в возможности совершения нового преступления¹⁰. Более точного определения общественной опасности личности по сей день, как представляется,

⁵ Сафронова Е. В., Лоба В. Е. Указ. соч. С. 14.

⁶ Сафронова Е. В., Лоба В. Е. Указ. соч. С. 15.

⁷ Родин А. Ю. Общественная опасность в составах преступлений с административной преюдицией // Обращение и право. 2021. № 12. С. 243.

⁸ См.: Карпец И. И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 100–101.

⁹ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964.

¹⁰ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90.

не предложено отечественной доктриной уголовного права. Б. В. Волженкин подчеркивал связь деяния и деятеля, отражаемую в признаке виновности¹¹.

Выступая против разрыва категорий общественной опасности деяния и личности, В. Д. Филимонов в качестве уголовно-правовых критериев опасности личности преступника называл как совершенное преступление, так и степень опасности и вероятности совершения нового преступления в будущем¹².

Отдельно следует отметить: уже советские ученые совершенно справедливо рассуждали о том, что действия лица после совершения преступления не могут привести к снижению или утрате общественной опасности преступления¹³. Так, В. Д. Филимонов писал, что «только с течением времени может создаться положение, при котором преступление как определенная совокупность конкретных признаков будет, как и раньше, рассматриваться в качестве общественно опасного деяния, а лицо, вследствие тех или других причин, свою опасность утратит»¹⁴.

На правовое значение оценки личности обвиняемого обращал внимание и П. М. Давыдов, отмечавший, что при формировании обвинения обращается внимание не только на то, каким он был в момент совершения преступления, но и на то, каким стал после, к моменту рассмотрения дела в суде¹⁵.

Современный доктринальный аспект

В современной уголовно-правовой доктрине намечается консолидация вокруг позиции,

в силу которой общественная опасность личности имеет самостоятельное правовое значение. При этом опасность личности определяется применительно к случаям совершения лицом конкретного преступления, а значит, напрямую коррелирует с общественной опасностью совершенного деяния, но не сливается с ней.

А. Г. Антонов отмечает, что личность преступника не должна оцениваться изолированно от совершенного преступления¹⁶. Л. М. Прокуменков обращает внимание на то, что общественная опасность личности имеет значение для криминализации, лишь поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями¹⁷. У. М. Аббасов уточняет, что общественная опасность личности не всегда адекватно отражается в учиненном ею преступном деянии, т.е. может быть больше или меньше общественной опасности этого деяния¹⁸.

Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов высказывают принципиальную позицию, согласно которой общественная опасность личности деятеля влияет только на индивидуальную степень опасности совершенного преступления¹⁹.

Переходя к обоснованию собственной позиции относительно правового значения института общественной опасности личности, сформулируем ряд отправных тезисов: 1) общественная опасность личности в отрыве от совершенного ею деяния не может использоваться в качестве самостоятельного критерия криминализации и основания уголовной ответственности; 2) правовое значение общественной опасности личности заключается в ее влиянии на индивидуализацию уголовной ответствен-

¹¹ Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 201.

¹² Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск : Издательство Томского университета, 1970. С. 9.

¹³ Полянский Н. Н. Процессуальные права потерпевшего // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 61.

¹⁴ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 63.

¹⁵ Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 14.

¹⁶ Антонов А. Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. 2019. № 11. С. 128. DOI: 10.31857/S013207690007479-8.

¹⁷ Прокуменков Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 86–87.

¹⁸ Аббасов У. М. Об общественной опасности личности преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 239.

¹⁹ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Указ. соч. С. 134.

ности; 3) в качестве критериев общественной опасности выступают характеристика конкретного совершенного преступления, характеризующие личность обстоятельства, поведение лица после совершения преступления; 4) представляется вполне оправданным законодательное отражение утраты общественной опасности личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по субъективным дискреционным основаниям. Перечисленные тезисы требуют аргументации.

Недопустимость использования общественной опасности личности в отрыве от совершенного ею деяния в качестве критерия криминализации и основания уголовной ответственности

Криминализация отдельных лиц в духе теории опасного состояния личности, привлечение к уголовной ответственности в зависимости от национальности, расы, социального положения, религиозных или политических взглядов, образа жизни и иных признаков размывают границы уголовного права и подрывают формирувавшуюся на протяжении столетий теорию доказательственного права, закрепляющую в качестве цели доказывания установление события, виновности и иных перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств. При этом указанный тезис, несмотря на всю очевидность, требует тем не менее более подробного анализа, обусловленного современными тенденциями реформирования уголовного закона.

Введенная в 2019 г. ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) является напоминанием об архаичном подходе к уголовной репрессии²⁰: лицо привлекается к уголовной ответственности в условиях отсутствия необходимости установления факта совершения им каких-либо общественно опасных действий²¹. Указанная норма

вызывает справедливую критику в доктрине уголовного права. А. В. Бриллиантов, А. Д. Щербаков называют появление ст. 210.1 в структуре УК РФ «опасным прецедентом по возрождению идеи об опасном состоянии личности или же опасной личности в известном извращении указанной категории»²².

Попытки формирования судебной практики, предполагающей, несмотря на прямоту законодателя, необходимость мотивирования в приговорах совершения опасных действий для квалификации преступления по ст. 210.1 УК РФ, также потерпели неудачу. В решениях по конкретным делам Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивает: «Содержащиеся в кассационной жалобе доводы о том, что за занятие высшего положения в преступной иерархии может быть осуждено лишь лицо, совершившее конкретные противоправные действия, являются несостоятельными»²³.

Полностью разделяя критику использования общественной опасности личности в качестве самостоятельного критерия криминализации, отметим, что в иных проявлениях общественная опасность личности играет важную роль в вопросе привлечения к уголовной ответственности.

В этой связи представляются небесспорными высказывания ученых о неоправданности возвращения в 2011 г. в УК РФ преступлений с административной преюдицией и их оценка данного события в качестве еще одного проявления негативной коннотации теории опасного состояния лица. Так, ряд авторов принципиально отвергают возможность учета повторности совершения правонарушения в качестве критерия межотраслевой дифференциации ответственности, поскольку она характеризует деятеля, а не деяние²⁴.

Комментируя постановление Конституционного Суда РФ, не усмотревшего неконституционности в нормах, закрепляющих админи-

²⁰ Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201904010013?index=1> (дата обращения: 27.03.2025).

²¹ Антонова Е. Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законодательство: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 353.

²² Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Указ. соч. С. 94.

²³ Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2023 № 5-УД23-5-А1, от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1.

²⁴ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Указ. соч. С. 135.

стративную преюдицию, С. А. Пашин полагает: «Речь идет об объявлении человека преступником, “уголовником”, о его стигматизации судимостью»²⁵. Г. М. Резник указывает, что «административная преюдиция изменяет основание уголовной ответственности: им становится не деяние... а личность нарушителя, ее “опасное состояние”»²⁶.

Авторы, не высказывающие принципиальных возражений против административной преюдиции в уголовном праве, в качестве аргументов указывают на общую природу административного и уголовного права, которая характеризуется «концептуальным единством (возложение государством публично-правовых санкций за неправомерное поведение)»²⁷. Г. А. Есаков отмечает: «если право административных правонарушений признать “малым” уголовным правом, то она может существовать; если сохранять между двумя отраслями права непреодолимую стену, то нет»²⁸.

Ряд авторов рассматривают этот вопрос под несколько иным углом — можно ли оценивать административно наказанное лицо или лицо, имеющее судимость за аналогичное преступление, в качестве специального субъекта²⁹. Такие рассуждения резонны в свете того, что, очевидно, законодатель административную наказанность включает в признаки состава преступления и, как представляется, относит ее к признаку субъекта, а не объективной стороны.

Полагаем принципиально важным то, что юридическая оценка преступлений с административной преюдицией напрямую связана с оценкой общественной опасности личности, однако криминализации подлежит не личность как таковая, а совершенное ею деяние. Иными словами, основанием уголовной ответственности по-прежнему выступают действия лица. При этом систематичность совершения лицом запрещенных законом деяний, несмотря на применение к нему мер юридической

ответственности, правомерно может оцениваться как обстоятельство, увеличивающее общественную опасность личности. Такой подход вполне согласуется с устоявшимся мнением о тесной взаимосвязи общественной опасности преступления и совершившего его лица.

В этой связи сложно отрицать, что в возвращении законодателем преюдициальных составов преступления просматривается теория опасного состояния личности, но не в том негативном проявлении, в котором исторически она была представлена социологической криминалистической школой. Придание правового значения оценке личности, на которую не имеет положительного воздействия привлечение ее ранее к юридической ответственности, лишь одно из таких проявлений.

Сложно найти принципиальные возражения против позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)»³⁰.

Важно обратиться к вопросу о правовых гарантиях соблюдения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений с административной преюдицией, поскольку, в отличие от оценки повторности преступлений в качестве рецидива в уголовном праве, речь идет об учете иного вида ответственности.

Конституционный Суд РФ выдвигает принципиально значимые тезисы о том, что обусловленные общественной опасностью лица (вытекающей из наличия судимости) дополнительные обременения должны быть адекватны

²⁵ Головки Л. и др. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

²⁶ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 27.

²⁷ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 21.

²⁸ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 29.

²⁹ См.: Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 263–271; Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 81–91.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Российская газета. 28.02.2017. № 41.

и связаны исключительно с обязанностью нести ответственность за виновное поведение³¹.

В качестве важнейшей процессуальной гарантии, обеспечивающей надлежащий стандарт доказывания в уголовных делах о преступлениях с административной преюдицией, выступает обоснованная Конституционным Судом РФ возможность оспаривания законности и обоснованности привлечения к административной ответственности³².

Указанные рассуждения позволяют прийти к выводу о том, что в ряде случаев на пределы уголовной ответственности влияет повышенная общественная опасность личности. При этом стандарт доказывания этого юридически значимого обстоятельства (признака специального субъекта преступления) не может быть ниже, чем для иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. При этом во всяком случае общественная опасность личности не должна выступать самостоятельным основанием для криминализации.

Критерии общественной опасности лица, привлекаемого к уголовной ответственности

В основе определения признаков преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), признания деяния малозначительным (ч. 2 ст. 14), категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ) лежит общественная опасность деяния. Однако самостоятельное значение законодатель оставляет и за оценкой личности совершившего преступление. Определение критериев (признаков, лежащих в основе оценки) общественной опасности лица имеет большое практическое значение. Отталкиваясь от влияния личности и ее качеств на разрешение тех или иных правовых вопросов, можно выделить следующие критерии: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность; 3) общественно полезное поведение лица после совершения преступления.

Первый критерий является основополагающим: без преступления нет и общественно

опасного лица. Правовая категория общественной опасности личности не существует вне преступления. Так, признание деяния малозначительным автоматически влечет и констатацию отсутствия общественной опасности личности. Этому утверждению уделено достаточное внимание в первой части исследования.

Что касается второго критерия, то отражение в предмете доказывания среди прочего обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (ст. 74 УПК РФ), служит предпосылкой для правильного определения вида и меры наказания. К таким обстоятельствам относятся, например, положительная или отрицательная оценка лица в бытовой или иной характеристике, наличие неснятой, непогашенной судимости лица, наличие государственных наград, почетных званий и др. Закрепляя в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, законодатель указывает, что мера ответственности должна соотноситься в том числе с личностью виновного. На необходимость учета наряду с характером и степенью общественной опасности преступления и личности виновного законодатель обращает внимание и в ст. 47, 48, ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Положительное посткриминальное поведение лица в качестве следующего самостоятельного критерия общественной опасности лица делает возможным при определенных в законе условиях постановку вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с утратой им общественной опасности. Несмотря на то что поведение лица имеет место после совершения преступления, такое поведение находится в неразрывной связи с совершенным преступлением. Подозреваемый, обвиняемый проявляет волевые качества, совершает благие дела и предъявляет их для оценки субъекту принятия решений. В отличие от статичных обстоятельств, характеризующих личность (они формировались в прошлом и на момент разрешения уголовного дела чаще всего неизменны), обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения преступления, динамичны. Именно оценка такого поведения по прямому (в ряде случаев) указанию законо-

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П.

дателя способна привести к выводу об утрате общественной опасности личности, а значит, делает возможной постановку вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

В материальном уголовном законе можно встретить ограниченное и точечное упоминание утраты общественной опасности лицом в одном случае в качестве основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в другом в качестве основания освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1).

Как представляется, отсутствие четкого разделения правовых категорий утраты общественной опасности деяния и деятеля оказывает крайне отрицательное влияние на правоприменительную практику, на что ярко указывает ее анализ.

Утрата общественной опасности личности — основание освобождения от уголовной ответственности

Вопрос о правильном разграничении оснований для применения тех или иных институтов, влияющих на решение вопроса об уголовной ответственности, имеет колоссальное значение. Несистемный подход к определению сущности таких институтов в материальном праве крайне негативно отражается на процессуальном применении соответствующих норм. Правоприменитель связан принципом законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), важной составляющей которого является обеспечение законности, обоснованности и мотивированности определений и постановлений.

Мотивирование в решениях наличия основания для признания деяния малозначительным, применения льготных норм при назначении наказания, изменения категории совершенного преступления, освобождения от уголовной ответственности и наказания требует ясного разграничения общественной опасности деяния и общественной опасности личности.

Сосредоточившись в данной статье на правовом значении общественной опасности дея-

теля, а не деяния, лишь тезисно отметим, что, по нашему мнению, общественная опасность преступления (не в качестве общего критерия криминализации, а с точки зрения ее количественных показателей (степени)) оценивается при решении вопроса о малозначительности деяния. В судебной практике немало примеров, когда постановления о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ в связи с малозначительностью деяния подлежали отмене по причине неверного понимания основания для признания деяния малозначительным. Например, суд кассационной инстанции не согласился с признанием деяния малозначительным по причине 82-летнего возраста подсудимого³³. Такие обстоятельства, как представляется, могут учитываться лишь в дополнение к надлежащему мотивированию отсутствия общественной опасности в деянии.

Перейдем к вопросу о мотивированности постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с освобождением от уголовной ответственности. Будучи неспособен изменить факт совершения преступления в прошлом, подозреваемый, обвиняемый тем не менее не лишен возможности приложить усилие для того, чтобы убедить правоприменителя в том, что он не заслуживает полной реализации уголовной ответственности и что сам факт уголовного преследования привел к осознанию недопустимости совершения преступлений, к возможности исправления без осуждения и наказания. Для этого лицо предпринимает волевые действия, направленные на максимально возможное устранение последствий содеянного в виде заглаживания вреда, демонстрирует иное общественно полезное поведение.

Пленум Верховного Суда РФ акцентирует внимание на том, что «разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности»³⁴.

Зачастую суды проверочных инстанций отменяют не мотивированные должным образом

³³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 51-УД23-8-К8.

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8350/> (дата обращения: 27.03.2025).

решения нижестоящих судов об освобождении от уголовной ответственности³⁵.

Следует иметь в виду, что положительная характеристика личности (как и индивидуальная общественная опасность деяния) подлежит учету дополнительно, но самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности не является. Такой подход разделяется и судебной практикой³⁶.

Законодательный пробел в регулировании оснований (причин) освобождения от уголовной ответственности по иным (кроме деятельного раскаяния) дискреционным основаниям, связанным с позитивным посткриминальным поведением, на протяжении многих лет затрудняет мотивирование принимаемых решений. Стихийным образом сложилась практика, когда суды анализируют не утрату общественной опасности личности, а утрату или снижение общественной опасности совершенного лицом деяния.

Такой подход, как представляется, влечет полную невозможность эффективного функционирования института освобождения от уголовной ответственности. Это находит отражение в судебной практике, когда, отказывая в освобождении от уголовной ответственности, суды мотивируют свое решение тем, что совершенное преступление не утратило общественной опасности, а зачастую прямо указывают и на невозможность снижения или утраты опасности деяния в связи с невозможностью (незаглаживаемостью) причиненного вреда.

Наиболее отчетливо такая тенденция проявляется в уголовных делах о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего³⁷. В ряде случаев суды полагают, что для освобождения от уголовной ответственности необходима одновременная утрата обще-

ственной опасности и личности, и деяния³⁸. Можно встретить и решения, когда суды оценивают именно общественную опасность личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности³⁹. Но, как показывает анализ судебных решений, такая практика не является общераспространенной.

Нормативное определение утраты лицом общественной опасности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности позволит выявить сущность классификационной группы оснований освобождения от уголовной ответственности, обладающих единой природой. Так, примирение сторон, деятельное раскаяние, заглаживание вреда и выражение готовности к уплате судебного штрафа или исполнению принудительных мер воспитательного воздействия — всё это формы позитивного посткриминального поведения, которые способны убедить правоприменителя в нецелесообразности осуждения и наказания впервые оступившегося лица.

В этой связи поддерживаем позицию ученых, согласно которой причиной освобождения от уголовной ответственности по перечисленным основаниям выступает, так же как и для деятельного раскаяния, утрата общественной опасности лица, а не совершенного им деяния⁴⁰. Законодательное закрепление этого тезиса в соответствующих статьях кодексов обеспечит ясность закона и, как следствие, возможность надлежащего мотивирования принимаемых решений. Обратное противоречит природе и назначению оснований, призванных дать шанс избежать криминальной стигматизации именно тем, кто оступился впервые и убеждает лицо, разрешающее уголовное дело, в своем исправлении без полной реализации уголовной ответственности. Для совершивших

³⁵ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу № 77-555/2023.

³⁶ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77-84/2023 ; кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2023 № 77-2391/2023.

³⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ.

³⁸ Постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 № 77-1752/2024, от 28.08.2024 № 77-2795/2024, от 09.02.2024 № 77-223/2024.

³⁹ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2022 № 77-5401/2022.

⁴⁰ См.: Благов Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161–168 ; Ендольцева А. В. Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юристь-Правоведъ. 2016. № 6 (79). С. 73–78.

тяжкие и особо тяжкие преступления законодатель предусмотрел иные институты, позволяющие индивидуализировать их ответственность: смягчающие наказания обстоятельства, изменение категории преступления и т.д.

Наглядно демонстрирует преимущества обоснованного в статье подхода к определению основания освобождения от уголовной ответственности следующий пример. Прокурор внес представление на постановление о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа в отношении А., обвиняемого в незаконной добыче водных биологических ресурсов, совершенной группой лиц по предварительному сговору и с применением самоходного транспортного плавающего средства. В представлении апеллянт указал, что суд формально сослался на утрату общественной опасности А., который ранее шесть раз (!) освобождался от уголовной ответственности за аналогичное преступление.

Соглашаясь с выводами нижестоящих судов о законности и обоснованности освобождения А. от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, суд, в частности, указал, что преступление, предусмотренное частью 3 ст. 256 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести и, как следствие, большой общественной опасности не представляет⁴¹.

Думается, мотивировка суда могла бы быть иной в том случае, если бы им анализировалась общественная опасность А., понимаемая как риск совершения им в будущем аналогичных преступлений. В этой связи справедливым видится нормативное отражение возможности учета предыдущих (в пределах сроков давности) случаев освобождения лица от уголовной ответственности при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

Далее, необходимо сделать оговорку о том, что в случаях, когда законодатель использует конструкцию императивного, а не дискреционного учета позитивного поведения, вопрос об оценке общественной опасности лица мотивированию не подлежит: в данной ситуации ряд совершаемых лицом действий законодатель еще на законотворческом этапе определяет в качестве безусловно влекущих освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела (уголовного преследования). При этом мотивы такого решения остаются за

скобками и необязательно связываются с утратой лицом общественной опасности.

В качестве вывода в этой части следует отметить: отсутствие законодательного закрепления основания освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям делает невозможным надлежащее мотивирование принимаемых решений, когда суд должен принимать решение на основе внутреннего убеждения, но в отсутствие законодательного ориентира в вопросе о том, что именно нужно оценивать. Утрата лицом общественной опасности выступает подходящим основанием для отражения его в законе.

Выводы

Криминологические теории, связывающие возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся в опасном состоянии, с развитием науки и права подтвердили свою несостоятельность. В этой связи следует признать необоснованным включение в перечень преступлений статьи 210.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Критерием криминализации — неидеальным, но прочно укоренившимся в отечественном праве — выступает общественная опасность деяния. Она (точнее, количественные ее показатели) консервируется в момент совершения преступления и не может увеличиться, уменьшиться или исчезнуть в зависимости от поведения лица после совершения преступления. В этой связи общественная опасность деяния подлежит правовой оценке в целях решения вопроса о признании деяния малозначительным. В остальных случаях она не требует доказывания в рамках конкретного уголовного дела.

Иное правовое значение имеет общественная опасность личности, под которой следует понимать обоснованную вероятность совершения лицом нового преступления. Правовое значение общественной опасности многоаспектно и вытекает из трех критериев: 1) общественная опасность конкретного совершенного преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого; 3) поведение лица после совершения преступления.

⁴¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 № 77-1699/2024.

Первый критерий подчеркивает неразделимость конкретного преступления и лица, его совершившего: правовая категория общественной опасности личности не существует вне преступления.

Характеризующие личность обстоятельства как второй критерий самостоятельное значение приобретают при определении вида и меры наказания, факультативно учитываются при индивидуализации ответственности в иных формах. При этом формируются такие обстоятельства независимо от преступной деятельности и до ее осуществления и к моменту разрешения уголовного дела, как правило, статичны.

Третий критерий, поведение лица после совершения преступления, в отличие от вто-

рого находится в полной власти лица, подвергнутого уголовному преследованию, — это волевое поведение, способное в ряде случаев (при соблюдении условий, описанных в законе) убедить правоприменителя в утрате лицом общественной опасности, в его исправлении без полной реализации уголовной ответственности в форме осуждения по приговору суда. Четкое нормативное закрепление утраты лицом общественной опасности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям позволит обеспечить надлежащий уровень мотивирования принимаемых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аббасов У. М. Об общественной опасности личности преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 238–239.

Антонов А. Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. 2019. № 11. С. 125–129.

Антонова Е. Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законодательство: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 352–360.

Благов Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161–168.

Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 90–98.

Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 438 с.

Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 199–207.

Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90–98.

Волженкин Б. В. Российская наука уголовного права и ее развитие // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 801–950.

Головки Л. и др. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. 136 с.

Ендольцева А. В. Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6 (79). С. 73–78.

Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 263–271.

Карпец И. И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Советское государство и право. 1964. № 4.

Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124–140.

Полянский Н. Н. Процессуальные права потерпевшего // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 54–59.

Прозументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.

Родин А. Ю. Общественная опасность в составах преступлений с административной преюдицией // *Образование и право*. 2021. № 12. С. 242–246.

Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Всероссийский криминологический журнал*. 2014. № 3. С. 10–17.

Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск : Издательство Томского университета, 1970. 277 с.

REFERENCES

Abbasov UMO. On the public danger related to the criminal's personality. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2009;4:238-239. (In Russ.).

Antonov AG. On the correlation of the categories «public danger of crime» and «personality of the criminal». *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2019;11:125-129. (In Russ.).

Antonova EYu. The theory of the dangerous state of personality and its influence on modern criminal lawmaking: Problem statement. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2023;17(4):352-360. (In Russ.).

Blagov EV. Grounds for exemption from criminal liability. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;17:161-168. (In Russ.).

Brilliantov AV, Shcherbakov AD. Theory of the dangerous state of personality: One step forward or two steps back? *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2010;10:90-98. (In Russ.).

Davydov PM. Accusation in the Soviet criminal procedure. Sverdlovsk. 1974. (In Russ.).

Endoltseva AV. Disappearance of a person's former public danger as a condition for exemption from criminal liability. *Yurist-Pravoved*. 2016;6(79):73-78. (In Russ.).

Filimonov VD. Public danger in a criminal's personality (Prerequisites, content, criteria). Remenson AL, (ed.). Tomsk: Tomsk University Publ.; 1970. (In Russ.).

Golovko L, et al. Administrative prejudice in criminal law: The case of Ildar Dadin. *Zakon*. 2017;2:21-29. (In Russ.).

Karavaeva YuS. Public danger posed by an individual and the grounds for criminalization. *Penitentsiarnaya nauka*. 2024;18(3)(67):263-271. (In Russ.).

Karpets II. On some issues of methodology in criminal law and criminological research. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1964;4:100-101. (In Russ.).

Lopashenko NA, Golikova AV, Kobzeva EV, Kovlagina DA, Lapunin MM, Khutov KM. Public danger of a crime: The concept and criteria of verification. *Pravoprimerenie*. 2020;4:124-140. (In Russ.).

Polyansky NN. Procedural rights of the victim. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1940;12:54-59. (In Russ.).

Prozumentov LM. The grounds for criminalization (decriminalization) of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2014;4(14):81-91. (In Russ.).

Rodin AYU. Public danger in crimes with administrative prejudice. *Obrazovanie i pravo*. 2021;12:242-246. (In Russ.).

Safronova EV, Loba VE. «Dangerous personality condition» as a criminological category. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2014;3:10-17. (In Russ.).

Viktorskiy SI. The Russian criminal trial. 1912. (In Russ.).

Volzhenkin BV. On the issue of the concept of public danger posed by a criminal. Selected works on criminal law and criminology (1963–2007). St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2008. P. 199–207. (In Russ.).

Volzhenkin BV. The public danger posed by a criminal and the basis of criminal liability. *Pravovedenie*. 1963;3:90-98. (In Russ.).

Volzhenkin BV. The Russian science of criminal law and its development. Selected works on criminal law and criminology (1963–2007). St. Petersburg: Yuridichesskiy tsentr-Press Publ.; 2004. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирина Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614068, Российская Федерация
kilinairinav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Kilina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation
kilinairinav@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 25 мая 2026 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 27.04.2025.

Revised 25.05.2026.

Accepted 15.06.2026.

А. А. Нигметзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Стимулирующие нормы в конституционном праве

Резюме. В статье проводится комплексное исследование механизма стимулирующего влияния норм конституционного права на общественные отношения, дается определение понятия стимулирующего регулирования в конституционном праве, выделяются виды стимулирующих норм конституционного права. На сегодняшний день остается недостаточно изученной и потому актуальной тема комплексного анализа содержания стимулирующих норм в конституционном праве. Переосмысление роли стимулирующих норм может быть применено к анализу конституционно-правовой доктрины и к вопросам правового дизайна конституционных правоотношений. Отказ внедрять правовые стимулы в определенных сферах человеческого поведения может объясняться необходимостью сохранения неправовых мотивов и норм, которые управляют человеческим поведением в отсутствие правового вмешательства. Результаты исследования показывают, что стимул следует понимать как специальное юридическое средство, мотивирующее субъект права на позитивное поведение, выраженное в нормативном предписании. Государство получает максимальный эффект от применения стимулирования в том случае, когда «мягкие» стимулы используются совместно с инструментами обязывания. Отмечается, что на повышение стимулирующего эффекта конституционно-правовых норм влияет практика Конституционного Суда РФ. Поощрение вместе с такими видами стимулов, как льготы и привилегии, выступает перспективным методом стимулирования правомерного поведения, обеспечивая дисциплину и правопорядок.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционное право; конституционные правоотношения; стимул; стимулирование; стимулирующее влияние; стимулирующее регулирование; стимулирующие нормы; поощрение; льготы; привилегии

Для цитирования: Нигметзянов А. А. Стимулирующие нормы в конституционном праве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 90–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.090-101

Incentive Norms in Constitutional Law

Almaz A. Nigmatzyanov

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper conducts a comprehensive study of the mechanism of the incentivizing influence of constitutional law norms on social relations, provides a definition of the concept of incentive regulation in constitutional law, and identifies the types of incentive norms in constitutional law. To date, the topic of a comprehensive analysis of the content of incentive norms in constitutional law remains insufficiently studied and therefore relevant. Rethinking the role of incentive norms can be fruitfully applied to the analysis of constitutional legal doctrine and to the issues of legal design of constitutional legal relations. The refusal to introduce legal incentives in certain areas of human behavior may be explained by the need to preserve non-legal motives and norms that govern human behavior in the absence of legal intervention. The results of the study show that an incentive should be understood as a special legal means that motivates persons subject to the law to positive behavior expressed in a regulatory direction. The state gets the maximum effect from the use of incentives

when «soft» incentives are used in conjunction with binding instruments. It is noted that the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation influences the increasing stimulating effect of constitutional law norms. Encouragement, along with such types of incentives as benefits and privileges, is a promising method of stimulating lawful behavior, ensuring discipline and law and order.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; constitutional law; constitutional legal relations; incentive; stimulation; stimulating influence; legal stimulation; incentive norms; encouragement; benefits; privileges

Cite as: Nigmatzyanov AA. Incentive Norms in Constitutional Law. *Lex russica*. 2026;79(7):90-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.090-101

Введение

Стимулирование — один из важнейших инструментов в условиях современного правового регулирования, сущность которого заключается в активизации субъектов правоотношений, которые совершают положительные действия, выгодные как для членов социума, так и для государственного аппарата в целом¹, а также в воздержании других субъектов от неправомерного поведения.

Ценность стимулирующих норм в конституционном праве заключается в создании властным аппаратом механизма эффективного управления посредством формирования у субъектов общественных отношений мотивации к рациональному развитию той или иной сферы общественных отношений. Законодательное закрепление стимулирующих норм опирается на общие принципы, заложенные в конституционном праве². При этом важно заметить, что прямая фиксация норм-принципов института конституционно-правового стимулирования отсутствует, как отсутствует и само понятие «конституционно-правовое стимулирование». Не предусмотрено законодательством и разграничение таких терминов, как «стимулы» и «поощрения», и российские исследователи не пришли к единому выводу о формулировках

данных понятий. В этой связи большую роль в повышении стимулирующего эффекта тех или иных конституционных норм играет практика Конституционного Суда РФ. Именно за счет такой практики происходят «оживление», апробация, а также усиление стимулирующего воздействия на общественные отношения конкретных конституционных норм.

По справедливому замечанию А. А. Югова, «использование поощрительных конституционно-правовых норм побуждает участников общественной жизни к активному поведению, делает их деятельность более целенаправленной и целеустремленной, расширяет границы культивирования позитивной ответственности. В настоящее время метод нормативно-правового стимулирования и поощрения в конституционном праве пока не получил должного развития, но перспектива его использования представляется весьма оптимистичной и безгранично широкой»³. Оценки стимулирующих норм неоднозначны, и объясняется это их неодинаковым влиянием на общественные отношения, поскольку в них может содержаться как побуждение к позитивному действию, так и принуждение, воспринимаемое как нечто негативное⁴. Сравнивают стимул с методом кнута и пряника, полагая первым принуждение, а вторым — моральные и материальные факторы⁵.

¹ См.: Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56–58.

² См.: Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88.

³ Югов А. А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

⁴ См.: Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 17–21.

⁵ См.: Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений / Д. Е. Сидельников, В. С. Грачев, А. Г. Гурбанов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 153–159.

**Понятие стимулирующего регулирования
в конституционном праве**

В условиях активного развития междисциплинарных, так называемых стыковых, исследований юридическая наука, как и многие другие социально-гуманитарные науки, находится в поиске эффективной модели системы правовых предписаний, которые будут полностью отражать сущность и социальное предназначение права, а также достигать максимального социального эффекта в интересах общества и государства при помощи различных правовых средств. Перед юристами-исследователями стоят в первую очередь задачи систематизации правовых средств воздействия на участников публично-правовых отношений и анализа мотивационных механизмов правового регулирования.

В данном контексте важно заметить, что правовые стимулы — это один из сильнейших мотивационных рычагов, а также эффективное средство воспитания и инструмент государственного управления, при помощи которого возможно успешно разрешать социально-экономические проблемы.

Большая часть современных исследователей, рассматривая природу правового стимулирования, опирается на работы А. В. Малько, который указывает, что «правовой стимул есть правовое побуждение к законопослушному деянию, содержащее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования»⁶. Содержание правового стимула предполагает наполнение его положениями, предусматривающими льготы, поощрения, привилегии и т.д. Все они в целом направлены на выработку у субъекта положительной мотивации, побуждение субъекта к правомерному поведению.

Формальные правила и государственная политика играют фундаментальную роль в регулировании повседневных взаимодействий людей.

Традиционно экономисты и менеджеры отвечали за проработку правил в контексте создания официальных символов. Однако именно юристы, а не экономисты заинтересованы в хороших законах: законы и формальные правила являются «обязательствами, подкрепленными стимулами»⁷.

Рассуждая о структуре стимулирующих правовых норм, необходимо заметить, что действия лиц, находящихся в юрисдикции государства, должны быть направлены на соблюдение данных норм, так как стимулы работают на последствия поддержания или нарушения требуемого поведения⁸. Теоретики права и психологии считают, что норма эффективна тогда, когда она не только принуждает, но и побуждает совершить что-либо через обещание определенных льгот или преференций либо сигнализирует о возможных как позитивных, так и негативных последствиях⁹. С этой точки зрения норма формирует у людей мотивацию и выступает стимулом, обеспечивающим выполнение правила.

Для осмысления механизма влияния на человека содержания стимулирующих норм важно понять, как эти нормы способствуют формированию мотива поведения человека, каким образом стимулы, имеющие принудительную природу, и стимулы, носящие добровольный характер, взаимодействуют друг с другом¹⁰.

Западными исследователями выявлено, что в основе современной модели законопослушного поведения лежит самая простая концепция — «концепция рационального субъекта», согласно которой человек, выбирая тот или иной алгоритм действий, оценивает затраты и приобретения как результат подобного поведения. В конечном итоге субъект действует так, чтобы максимизировать ожидаемые выгоды. Г. Беккер в основополагающей работе «Экономический подход к человеческому поведению» заметил, что «концепция рационального субъекта помогла охарактеризовать и объяснить поведенческие результаты не только в тех сферах

⁶ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. С. 60.

⁷ Туманов Г. А. Человеческий фактор государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 8–12.

⁸ См.: Баранов П. П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 35–41.

⁹ Fischbacher U., Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 541–556.

¹⁰ См.: Galbiati R., Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38. P. 48–57.

человеческого поведения, которые традиционно считаются поддающимися экономическому анализу, например купля-продажа на рынках, но и в таких нетрадиционных сферах, как брак»¹¹.

Безусловно, люди зачастую действуют, исходя не только из экономических выгод, но и из чувства морального долга, преданности, стремления к истине и др.

Правильная реализация модели рационального субъекта приводит к тому, что закон фактически становится двигателем стимулов. Прежде всего важно понять, как соотносятся между собой «правовое поощрение» и «правовое стимулирование». Уточнение содержания используемых в исследовании понятий акцентирует внимание на их различиях, исключает дублирование и неопределенность¹².

«Правовое стимулирование» — более широкое понятие, оно охватывает все виды поощрения, а также меры обязывающего, принудительного характера, побуждающие субъекта права к правомерному поведению. Но, например, согласно А. В. Малько, стимулы — «лишь позитивные средства (дозволения, льготы, привилегии, иммунитеты, надбавки, доплаты, компенсации, поощрения и т.п.) и не должны включать средства негативные (запреты, обязанности, приостановления, меры пресечения, лимиты, меры принуждения и т.п.), которые относятся к правовым ограничениям как ко второй стороне управленческого процесса»¹³. Другие юристы утверждают, что и поощрение, и принуждение нужно рассматривать исключительно в комплексе¹⁴. Ряд исследователей вообще обходит стороной вопросы вида и характера воздействия, определяющего стимул¹⁵.

Мы полагаем, что такое правовое явление, как стимул, многогранно и что стимулирование в конституционном праве нельзя воспринимать изолированно. Исключительно комплексное рассмотрение принуждения с поощрением

позволяет раскрыть особенности стимулирующих норм в конституционном праве. При этом поощрение есть частное проявление стимула, поскольку поощрительная норма тоже выступает как стимулирующая.

Распространено мнение, что «поощрение является средством позитивного социального и правового оказания воздействия на человеческое поведение для создания и поддержания социально значимой деятельности, в результате чего заслуженное поведение субъекта вознаграждается, а также происходит реализация взаимного интереса личности, общества, государства»¹⁶. Стоит согласиться с таким подходом, поскольку поощрение как вид стимулирования применяется к субъекту, не только добросовестно исполняющему обязанности, но и показавшему сверхнормативные результаты деятельности¹⁷.

Отметим, что категории «стимул» и «поощрение» не получили легального определения в законодательстве, но повсеместно встречаются в документах различного уровня.

Если оценивать такой правовой институт, как стимулирование, с исторической точки зрения, то нужно подчеркнуть, что он значительно беднее проработан, чем институт ограничений. Это связано с тем, что на протяжении сотен лет государству было проще устанавливать запреты, нежели формировать модель поведения, выстроенную при помощи методов стимулирования.

Исследование института правового стимулирования произвело революцию в юридической науке. Многие федеральные нормативные акты разрабатывались с учетом стимулов, которые они создают. Преднамеренные стимулы можно найти в конституционном, налоговом, экологическом, административном, финансовом законодательстве. То есть в отраслях публичного права наличие стимулирующих норм служит эффективным рычагом для выполнения управленческих задач в государстве.

¹¹ Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1976. P. 205–250.

¹² См.: Малько А. Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24.

¹³ Малько А. В. Указ. соч. С. 51–52.

¹⁴ Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 43–51.

¹⁵ Дракина М. Н. К вопросу о соотношении понятий «поощрение» и «стимулирование» в юридической науке // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 78–83.

¹⁶ Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 12.

¹⁷ См.: Нигметзянов А. А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб. : Алетей, 2020. С. 25.

В конституциях как основных законах государства закрепляются нормы-стимулы общего характера. Советские конституции содержали нормы, стимулирующие проведение народных собраний, митингов, шествий, создание союзов, получение образования и т.д. (Конституция РСФСР 1918 г.)¹⁸. Запрещающие конституционные нормы стимулировали установление соответствующего стандарта поведения. Например, в Конституции СССР 1936 г. статья 131 обязывала гражданина СССР «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность»¹⁹.

Данная тенденция прослеживается и в конституциях европейских государств (Ирландии, Индии, Испании, Польши). Вслед за советскими конституциями они стали провозглашать социальные права, являющиеся по своей природе нормами-стимулами.

Правовой стимул используется в различных отраслях права, в том числе и в конституционном, преимущественно в целях минимизации противоправного поведения участников правовых отношений, но это не приводит к превращению его только в ограничение. Стимул продолжает выполнять свое сущностное предназначение — выступать позитивным ограничителем активности конкретного субъекта или субъектов. Сущность правового стимула — формировать у субъекта желание действовать позитивно, сообразуясь с требованиями общества, формализованными установками государства.

Сам термин «правовой стимул» предполагает, что следует понимать его как юридическое установление, как «правовое (юридическое) средство, которое нельзя полностью отождествлять с правовой нормой или правовым институтом. Несомненно, правовые нормы, правовые институты или даже правовые режимы можно рассматривать с позиции комплексного правового стимула, однако и одна правовая норма может содержать целый ряд стимулирующих юридических средств. Более того,

единичная правовая норма может заключать в себе как стимулирующие, так и ограничивающие правовые средства»²⁰.

Вышеизложенное позволяет определить правовой стимул как специальное юридическое средство, мотивирующее субъект права на позитивное поведение (действие/бездействие), выраженное в нормативном предписании.

Стимулирующий характер конституционных предписаний проявляется в нормах, устанавливающих конституционно-правовую ответственность. Так, Конституция РФ содержит нормы о роспуске Государственной Думы Президентом РФ, что предполагает формирование мотивации депутатов на недопущение появления оснований для роспуска. Возможная отставка Правительства РФ стимулирует его членов эффективно исполнять свои обязанности. Безусловно, в реализации этих норм обнаруживается не только юридический, но и политический аспект. В то же время стимулирующий компонент просматривается в соответствующих нормах Конституции.

С точки зрения формально-юридической логики институт конституционно-правовой ответственности имеет свое сущностное отраслевое предназначение. Он носит не репрессивный, а восстановительный (компенсационный) характер, что отличает его, например, от уголовной ответственности. Совершенно права Т. Я. Хабриева в том, что «назначение и смысл применения мер конституционно-правовой ответственности не сводится к наказанию нарушителя, а основной своей целью имеет *стимулирование поведения*, отвечающего как нормам конституционного права, так и конституционным идеалам»²¹.

Важное место в актуализации стимулирующих конституционных норм отводится Конституционному Суду РФ. Так, разрешая одно из дел, Верховный Суд РФ сослался в определении на позицию Конституционного Суда²², согласно которой оспариваемая норма «закрепляет

¹⁸ См.: Отечественные конституции 1918–1978 гг. / сост.: П. В. Крашенинников, О. А. Рузакова ; отв. ред. и автор вступ. сл. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2018. С. 37.

¹⁹ См.: Отечественные конституции 1918–1978 гг. С. 237.

²⁰ Куликов М. А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств, или Почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4. С. 31–35.

²¹ Хабриева Т. Я. Конституционные идеалы и современное законодательство // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 12–22.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 921-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кульева Олега Мерעדдурдыевича...» // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

льготу, позволяющую увеличивать выслугу лет для назначения пенсии, носит стимулирующий характер». Суд исходил из того, что норма содержит поощрительную мотивацию к поступлению на службу в органы внутренних дел лиц, обладающих профессиональной подготовкой, и «не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан»²³.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал стимулирующую роль норм публичного права, их направленность на укрепление политической солидарности, повышение гражданской активности граждан. В частности, Суд отмечал важность государственных наград как вида публичного поощрения, признания заслуг гражданина перед Отечеством. Официальная награда несет в себе особый смысл, служит одним из средств воспитательного воздействия не только на современников награжденного, но и на будущие поколения. Награды имеют «прежде всего не материальную, но духовно-нравственную, мемориальную ценность, не позволяющую считать их обычными объектами гражданских прав»²⁴.

В последние годы метод стимулирования всё чаще используется в системе конституционно-правового регулирования. Полагаем, что сложившаяся ситуация обусловлена значительно повысившейся степенью зрелости гражданского общества и сменой тональности в управлении. Всё чаще государство призывает общество в более мягкой форме воспринимать ту или иную модель поведения, понимая, что исключительно приказная система не удовлетворяет его потребностям. Именно метод стимулирующего воздействия превращает деятельность всех субъектов в осмысленную и добровольную, базирующуюся на истинных традиционных ценностях.

Такой подход свойственен многим демократическим государствам, увеличивающим долю стимулирующих норм в своей правовой системе. Замещение в ряде случаев средств, обеспечивающих охранительную функцию, на мотивирующие и стимулирующие правовые

механизмы помогает добиваться значительных успехов в развитии общества. Их появление производит эффект, который служит лучшим подтверждением правильно выбранной стратегии правового регулирования²⁵.

Поправки к Конституции 2020 г. продемонстрировали тенденцию расширения социальных прав граждан, усиления внимания государства к формированию норм, отвечающих принципу социальной солидарности. Достижение поставленных целей возможно при использовании норм стимулирующего характера, вовлечении населения в творческий процесс развития наметившихся положительных тенденций во многих сферах жизни общества. По нашему мнению, именно они сыграют огромную роль в строительстве государства нового поколения.

Правовые стимулы применимы не только к отдельным индивидам, но и к целым группам и публично-правовым образованиям. В этой связи их активно используют при выстраивании федеративных отношений, а также в процессе разграничения предметов ведения субъектов и Федерации.

Представляется, что правовые стимулы должны обладать общими для всех субъектов общественных отношений признаками, а именно: исходить от государства, быть законодательно закрепленными, соответствовать целям государственной политики, побуждать субъектов к совершению определенных действий (формировать мотивацию), ориентироваться на получение конкретного результата посредством правомерного поведения субъектов, создавать условия для получения субъектами положительных последствий в виде возможностей, благ и др.

Таким образом, правовые стимулы в конституционном праве отражают в первую очередь интересы государства. Определяющая роль правового стимулирования состоит в том, что субъект не принуждается к определенной модели поведения под страхом наказания, а выбирает ее осознанно при наличии вариантов.

²³ Апелляционное определение апелляционной коллегии Верховного Суда РФ 05.09.2024 № АПЛ24-315 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Criscuolo A.* The Role of Law in the Era of Change // *Kutafin University Law Review*. 2015. № 2. P. 255–256.

Виды стимулирующих норм конституционного права

Формы реализации норм конституционного права России превращают базовые положения Основного Закона в систему реальной общественной жизни. Классическими формами жизни конституционно-правовых норм выступают их соблюдение, исполнение и применение.

От форм реализации норм права необходимо отличать способы. Традиционно способ реализации права понимается как действие или система действий, которые совершают субъекты для воплощения своих прав и обязанностей в жизнь. Из определения понятия «форма» вытекает вывод, что «оно является более обширным и глубоким, нежели “способ”, и состоит именно из способов (действий)»²⁶.

Классические способы реализации правовых норм (обязывание, дозволение, запрещение) находят отражение и в Конституции.

Обязанность как неоспоримое исполнение конституционной нормы присутствует во многих конституционных статьях. Например, обязанности Президента РФ закреплены в гл. 4 (обязанность назначить выборы Государственной Думы в установленный законом срок, обязанность принести присягу при вступлении в должность и др.).

Дозволение предполагает исполнение конституционной нормы субъектом права. Так, статья 72 содержит перечень предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, предоставляя субъектам право осуществлять правовое регулирование по прописанным в ней вопросам.

Запрещение указывает на необходимость исключить определенные виды действий из своего поведения. В Конституции запрещающие нормы обращены как к гражданину (запрет нарушать права и свободы других лиц), так и к органам власти (запрет лишения гражданства), должностным лицам (запрет иметь счета в зарубежных банках).

Рассматривая возможную классификацию конституционных стимулов, обратимся к аналогичным отраслевым градациям. Исследуя их

видовое многообразие, С. В. Мирошник выделяет материальные и нравственные стимулы. Если материальные связаны с денежным вознаграждением, овеществленными приобретениями (жилье), то нравственные, как правило, с признанием заслуг (творчество, продвижение по службе)²⁷.

Помимо двух обозначенных групп, в публичном праве существуют статусные стимулы. Классический пример — аттестация. Так, согласно ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸ аттестация сотрудника органов внутренних дел проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности в органах внутренних дел. Положительная аттестация предполагает повышение в должности, а для этого нужно совершенствовать профессиональные навыки, эффективно выполнять поставленные задачи на службе. Не исключены и отрицательные результаты аттестации. Таким образом, аттестация стимулирует служащего к плодотворной деятельности.

В качестве примера стимулирующих норм приведем ситуацию, когда стимуляция применяется не к конкретным физическим лицам, а к территориям. Так, актуальная тема в конституционном праве на сегодняшний день — развитие федеральных территорий в России. Одной из целей их создания явилось стимулирование отдельных направлений развития территорий, в частности увеличение их инвестиционной привлекательности через формирование условий для усиления научного и иного потенциала. Вопрос, который вызывает интерес научного сообщества, — это регламентация статуса федеральных территорий в контексте реализации стимулирующей политики.

Возможность создания особых территорий со специфическим статусом предусмотрена законодательством многих государств, что продиктовано необходимостью обеспечения особых условий для их функционирования. Конституционно-правовой статус этих территорий зависит от целей и задач²⁹.

²⁶ Мельников С. А. К вопросу о соотношении способов правового регулирования и способов реализации права // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 45–51.

²⁷ Мирошник С. В. Теория правового стимулирования : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2003. С. 45.

²⁸ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

²⁹ См.: Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Классический пример федеральной территории — столичный округ Колумбия, учрежденный в США в 1790 г.³⁰ Аналогичными территориями обладают Австралия и Малайзия. Правовой статус столицы Австралии, г. Канберры, урегулирован специальным законом, который гласит, что «исполнительная власть в столице осуществляется главным министром; законодательная власть отнесена к компетенции выборной законодательной ассамблеи, чьи полномочия ограничены в сравнении с парламентами штатов»³¹.

Несмотря на различие в формах и механизме функционирования таких территорий, их цель в системе публичного управления — решение конкретных специализированных задач, а важнейшая особенность — наличие прямого федерального управления.

Среди новаций, внесенных поправками к Конституции РФ 2020 г., — появление федеральной территории. Пока учреждена только одна такая территориальная единица — «Сириус», ее правовое положение определяется Федеральным законом от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”»³².

В силу новизны правовой статус территории детально нормативно не урегулирован. В контексте данной статьи поставим вопросы: является ли создание федеральных территорий привлекательным направлением развития отдельно взятых территорий? Станет ли это направление стимулом для повторения полученного опыта? Можно ли утверждать, что такая политика есть продолжение поиска приемлемых форм развития Федерации по примеру создания федеральных округов?

Оценка округов осуществляется в том числе с точки зрения поиска приемлемых форм и методов регулирования федеративных отношений, оптимизации взаимоотношений управ-

ленческих структур в системе властной вертикали³³.

Виды правовых стимулов в конституционном праве весьма разнообразны в силу сложности и специфичности субъектов, задействованных в механизме правоотношений. Это дает основание рассматривать их, ориентируясь на характерные признаки. Для отражения наиболее важных аспектов правового стимулирования остановимся на некоторых видах стимулирующих норм, среди которых значимое место занимают поощрительные нормы.

Поощрительные и стимулирующие нормы не тождественны. В литературе высказывается мнение, что «любая поощрительная конституционно-правовая норма является стимулом, однако не всякий стимул может являться нормой поощрения»³⁴. Отсюда справедлив вывод, что поощрительная норма в любом случае выступает стимулирующей, как и меры принуждения, поскольку они побуждают к поведению, исключаяющему противоправные действия.

Соответственно, поощрительные нормы — это специфическая группа стимулирующих норм, которая порождает уникальные по своей природе правовые последствия.

На основании изложенного можно не только судить о многогранности института правового стимулирования, но и сформулировать вывод о том, что соотношение таких методов государственного управления обществом, как убеждение и принуждение, позволяет оценить уровень применения стимулирующего влияния³⁵. Конечно, «стимулирование, а тем более материальное поощрение, не равнозначно убеждению, но оно ближе к нему, чем к принудительным мерам»³⁶.

Благодаря стимулированию органы публичной власти формируют заинтересованность в определенной модели поведения у конкрет-

³⁰ The Residence Act 1790 // The Library of Congress. URL: <https://guides.loc.gov/residence-act> (date of access: 30.01.2025).

³¹ Seat of Government Act 1908 // Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2004C00607> (date of access: 30.01.2025).

³² СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

³³ См.: Беленко Н. М., Столяров М. В. Три этапа развития федерализма в постсоветской России // Федерализм. 2006. № 3. С. 33–56.

³⁴ Колобовников В. Н. О месте поощрительных норм в системе конституционно-правовых норм // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 82.

³⁵ См.: Таева Н. Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 24–29.

³⁶ Фиалковская И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография. Казань : Бук, 2019. С. 83.

ных субъектов. Стимулирование — это процесс, порождающий заинтересованность, а поощрение — важнейшее средство стимулирования. Стимулирующая норма предполагает материальный или моральный компонент, который изначально предусматривается нормой. Норма, предполагающая поощрение, не всегда обещает его³⁷. Помимо поощрения, видами стимулирования являются льготы и привилегии.

Льгота чаще всего трактуется как преимущественное право, предоставленное конкретному субъекту. В этой связи особый интерес представляет исследование А. В. Подольского, в котором он обосновал разницу между льготой и иными видами правового стимулирования: «В отличие же от поощрений, льгота упрощает реализацию прав и исполнение обязанностей и не требует достижения положительного результата или определенной заслуги. Поэтому поощрение располагается всегда в санкции правовой нормы, а льгота — в диспозиции»³⁸. Льготы как правовые стимулы обладают следующими признаками:

«1) направлены на создание благоприятных условий для осуществления прав и исполнения обязанностей для субъектов с меньшими возможностями;

2) являются правовыми исключениями;

3) располагаются в диспозициях правовых норм»³⁹.

Термин «льгота» гораздо шире, чем «привилегия». Это связано с историческим прошлым, когда привилегия рассматривалась как признак социального неравенства, а понятие «льгота» чаще всего использовали, когда хотели улучшить положение отдельной категории граждан. Например, в советское время льготами пользовались студенты, беременные женщины, многодетные семьи. В настоящее время вводятся льготы для детей из многодетных семей (посещение спортивных секций), школьников (особый тариф на проезд) и т.д.

Термин «льгота» уместен, когда речь идет о материальном положении нуждающегося лица. Привилегия же, в отличие от льготы, определяется как исключительное право, предоставленное кому-либо. Привилегия характеризуется

должностным статусом лица и может возникать без фактического основания — конкретной заслуги. По мнению А. Г. Репьева, в действующем праве «привилегия как тип правового преимущества представлена следующими видами: преференцией, субсидией, грантом, квотой и властной прерогативой»⁴⁰.

Конституционное право — показательная отрасль в части регламентации определенных правовых привилегий. Так, сенаторы Совета Федерации в течение всего срока полномочий пользуются правом на неприкосновенность (ст. 98 Конституции РФ), не могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности в общем порядке, не допускаются задержание сенатора для проведения личного досмотра, помещение под арест без согласия общего собрания Совета Федерации и др.

Выводы

Таким образом, поощрение как вид стимулирования выступает одним из наиболее эффективных способов повышения активности личности. Общее назначение поощрения как стимулирующего метода проявляется в ряде функций, а именно:

— ориентационной (поощрительная норма задает вектор поведения ее адресатов);

— оценочной (происходит оценка поведения личности);

— стимулирующей (побуждает к достижению позитивного результата);

— согласования интересов (поощрение приводит к достижению баланса интересов государства и граждан).

Подводя итог, отметим, что стимулирование — это процесс, порождающий заинтересованность, а поощрение (материальное, моральное) — важнейший вид стимулирования. Поощрение является перспективным методом стимулирования правомерного поведения, поскольку обеспечивает дисциплину и правопорядок. Помимо поощрения, существуют такие виды стимулирования, как льготы и привилегии.

³⁷ См.: Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.

³⁸ Подольский А. В. Льготные правовые режимы: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2020. С. 10.

³⁹ Подольский А. В. Указ. соч.

⁴⁰ Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 14–20.

Запрещающие нормы также имеют стимулирующий компонент, поскольку ориентируют субъектов права на воздержание от совершения определенных действий, принятия противоправных решений.

Учитывая тот факт, что ни конституционно-правовая доктрина, ни законодательство не

отразили унифицированного подхода к пониманию стимула, полагаем возможным доктринально определить структуру стимула в конституционном праве. Стимул как средство регулирующего влияния на общественные отношения включает в себя поощрение, льготу и привилегию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : монография. М. : Проспект, 2016. 549 с.

Баранов П. П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 35–41.

Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 43–51.

Беленко Н. М., Столяров М. В. Три этапа развития федерализма в постсоветской России // Федерализм. 2006. № 3. С. 33–56.

Дракина М. Н. К вопросу о соотношении понятий «поощрение» и «стимулирование» в юридической науке // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 78–83.

Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 197 с.

Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений / Д. Е. Сидельников, В. С. Грачев, А. Г. Гурбанов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 153–159.

Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 17–21.

Колобовников В. Н. О месте поощрительных норм в системе конституционно-правовых норм // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 78–83.

Куликов М. А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств, или Почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4. С. 31–35.

Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88.

Малый А. Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24.

Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 248 с.

Мельников С. А. К вопросу о соотношении способов правового регулирования и способов реализации права // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 45–51.

Мирошник С. В. Теория правового стимулирования : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2003. 316 с.

Нигметзянов А. А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб. : Алетей, 2020. 208 с.

Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.

Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56–58.

Подольский А. В. Льготные правовые режимы: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2020. 23 с.

Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Рельев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 14–20.

Таева Н. Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 24–29.

Туманов Г. А. Человеческий фактор государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 8–12.

Фиалковская И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография. Казань : Бук, 2019. 154 с.

Хабриева Т. Я. Конституционные идеалы и современное законодательство // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 12–22.

Югов А. А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1976. 314 p.

Criscuolo A. The Role of Law in the Era of Change // Kutafin University Law Review. 2015. No. 2. P. 255–256.

Fischbacher U., Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 541–556.

Galbiati R., Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38. P. 48–57.

REFERENCES

Alabastrova IA. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

Bakhrakh DN. Incentives in the activities of public administration. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2006;7:43-51. (In Russ.).

Baranov PP. Improving Russia's modern regulatory policy: General theoretical and practical aspects. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik [North Caucasus Legal Vestnik]*. 2020;1:35-41. (In Russ.).

Becker GS. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press; 1976.

Belenko NM, Stolyarov MV. Three stages of the development of Federalism in post-Soviet Russia. *Federalizm*. 2006;3:33-56. (In Russ.).

Criscuolo A. The Role of Law in the Era of Change. *Kutafin University Law Review*. 2015;(2):255-256.

Drakina MN. To the question of the relationship between the concepts of «incentive» and «stimulation» in legal science. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Juridical Education and Science]*. 2008;1:78-83. (In Russ.).

Fialkovskaya ID. Methods of public administration: Questions of theory. A monograph. Kazan: Buk Publ.; 2019. (In Russ.).

Fischbacher U, Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments. *American Economic Review*. 2010;100(1):541-556.

Galbiati R, Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior. *International Review of Law and Economics*. 2014;38:48-57.

Khabrieva TYa. Constitutional ideals and modern legislation. *Voprosy pravovedeniya*. 2013;5 12-22. (In Russ.).

Kiseleva OM. Incentive as a method of legal regulation. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2000. (In Russ.).

Kokotov AN. Constitutional and legal coercion. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2003;1:17-21. (In Russ.).

Kolobovnikov VN. On the place of incentive norms in the system of constitutional and legal norms. *Vestnik VI MVD Rossii*. 2007;4:78-83. (In Russ.).

Kulikov MA. The dialectical nature of stimulating legal means, or why a legal incentive is not identical to a legal restriction. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2022;4:31-35. (In Russ.).

Malko AV. Incentives and restrictions in law: A monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist publ.; 2003. (In Russ.).

Maly AF. Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2024;4(68):83-88. (In Russ.).

Maly AF. On the use of legal concepts in constitutional and legal scientific research. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;6:21-24. (In Russ.).

Melchenko SA. To the question of the relationship between the methods of legal regulation and the ways of exercising the right. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016;1(43):45-51. (In Russ.).

- Miroshnik SV. Theory of legal incentives: A study guide. Rostov n/A: SKAGS Publishing House; 2003. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. Award-winning legal relations: Theory, history, technology. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2020. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. On the concept of the right to a state award. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnyh nauk*. 2018;2(43):68-72. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. Stimulation as a method of positive influence on personality. *Evraziyskoy akademii administrativnyh nauk*. 2022;4(61):56-58. (In Russ.).
- Podolsky AV. Preferential legal regimes: Theoretical and legal research. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Belgorod; 2020. (In Russ.).
- Praskova SV. About federal territorial units. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2013;12:1543-1551. (In Russ.).
- Repev AG. «Pre-emptive right» and «legal priority» in legal doctrine and legislation. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 2019;1:14-20. (In Russ.).
- Sidelnikov DE, Grachev VS, Gurbanov AG, Kondrat IN, Serov KN. Classification of measures of constitutional and legal coercion applied for the commission of constitutional offenses. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2006;4:153-159. (In Russ.).
- Taeva NE. Norms of constitutional law: Theoretical problems of classification. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;7:24-29. (In Russ.).
- Tumanov GA. The human factor in public administration. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1986;10:8-12. (In Russ.).
- Yugov AA. On the methods of the branch of Russian constitutional (kratological) law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2010;4:8-13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
diamondnig@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Almaz A. Nigmatzyanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
diamondnig@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 18 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 27 апреля 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 18.04.2025.
Revised 27.04.2025.
Accepted 15.06.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

А. Р. Шарипова

Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация

Отечественные процессуальные кодексы: своеобразие текстуального оформления правовых институтов

Резюме. С учетом тенденций универсализации и дифференциации в процессуальном праве делается предположение о существовании сходных закономерностей в языке процессуального права. Определена необходимость исследования лингвистического и текстологического своеобразие текстов уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального законов. Выявлены некоторые особенности языка этих законов в плане семантики, грамматики, лексики, синтаксиса и текстологии. Приведены примеры омонимии, синонимии, оксюморона, нарушения языковых норм в части орфографии и правильного порядка слов, использования одинаковых заголовков, объединения разнородных элементов в структурные элементы нормативного правового акта, лексических закономерностей. Выявляется нормативное значение заголовков; приводятся примеры, отражающие проблемы структуры процессуальных законов. Называется яркая текстологическая особенность УПК РФ — статья 5, включающая в себя определение основных употребляемых в законе терминов. Отмечается синтаксическое усложнение языка процессуальных законов в последние годы. Выявляются лексические особенности отдельных процессуальных законов, демонстрирующие их содержательное своеобразие. Высказано предположение о влиянии качества и особенностей нормативного юридического языка на язык судебных актов и язык юридической науки.

Ключевые слова: уголовный процесс; гражданский процесс; арбитражный процесс; административный процесс; конвергенция; юрислингвистика; язык закона; текстология; лингвистика; правосудие

Для цитирования: Шарипова А. Р. Отечественные процессуальные кодексы: своеобразие текстуального оформления правовых институтов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 102–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

Russian Procedural Codes: Textual Distinctiveness in Framing Legal Institutions

Aliya R. Sharipova

Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. Considering the trends towards universalization and differentiation in procedural law, the paper hypothesises that similar patterns exist in the language of procedural law. It identifies the need to study the linguistic and textological distinctiveness of the texts of the Criminal Procedure Code, Civil Procedure Code, Arbitration Procedure Code, and Administrative Procedure Code. The study reveals certain features of the language of these laws in terms of semantics, grammar, vocabulary, syntax, and textology. Examples of homonymy, synonymy, oxymoron, violations of linguistic norms in terms of spelling and correct word order, the use of identical headings, combining heterogeneous elements into structural elements of a normative legal act, and lexical patterns are given. The normative meaning of headings is revealed; examples reflecting the problems of the structure of procedural laws are given. The author names the striking textual feature of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, namely Art. 5, which includes the definition of the main terms used in the law. The syntactic complication of the language of procedural laws has been noted in recent years. The lexical

© Шарипова А. Р., 2026

features of individual procedural laws are revealed, demonstrating their substantive originality. An assumption is made about the influence of the quality and features of the normative legal language on the language of judicial acts and the language of legal science.

Keywords: criminal procedure; civil procedure; arbitration; administrative process; convergence; legal linguistics; language of law; textual studies; linguistics; justice

Cite as: Sharipova AP. Russian Procedural Codes: Textual Distinctiveness in Framing Legal Institutions. *Lex russica*. 2026;79(7):102-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

Введение

Современная отечественная юрислингвистика в немалой степени разработала многие направления, в том числе выявила особенности языка отдельных отраслей закона и права¹. Преимущественно применяемое к праву направление языкознания, по нашему мнению, семантика, изучающая смысловое значение языковых единиц, в первую очередь лексическая², т.е. выявляющая соотношение смыслов между разными словами: максимально разработаны тексты законодательных актов с точки зрения синонимии³, метафории⁴ (использование слов в переносном значении), использования синекдох⁵ (перенос смысла общего на частное и наоборот), метонимий⁶ (замена слов по их смысловой связи) и пр.

Ошибочно полагать, что исследования языковых особенностей, закономерностей и проблем применительно к юридической устной и письменной речи и тексту представляют собой

разновидность лингвистических изысканий с легким налетом юриспруденции. Поскольку текст выступает единственной формой существования закона, постольку все проблемы текста становятся проблемами закона, а вслед за ним — правоприменения и процессуального документооборота. Именно поэтому в отечественной уголовно-процессуальной науке многие годы проявляется активный интерес к текстуальному оформлению нормативно-правовых предписаний с позиции адекватности отражения в них законодательных идей и возможных вариантов их толкования на практике⁷.

Должны быть найдены названия, причины, факторы, следствия этих проблем — и предложены варианты решений. Почему в п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым названо лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20, если в ст. 140 УПК РФ основание для возбуждения уголовного дела (наличие достаточных данных, указывающих

¹ Масленников М. Я. Структура и язык изложения региональных законов об административной ответственности // Административное право и процесс. 2005. № 4. С. 32–35 ; Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 63–73 ; Лелетина А. В. Юридический язык ведомственного нормотворчества: проблемы правового регулирования и практики // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 88–102 ; Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2003.

² Пучков В. О. Историческая семантика обеспечительных обязательств: язык и догма права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 78–92 ; Курбатова Н. Б., Силенкова А. В. Семантические особенности языка в заявках на товарные знаки и знаки обслуживания // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 1. С. 72–78 ; Асланян Н. П. «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22.

³ Малинова А. Г. Проблемные вопросы синонимических сравнений в правоведении (на примере слова «интерес») // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 11–19.

⁴ Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.

⁵ Кострова М. Б. Указ. соч.

⁶ Зюков А. М. Юридическая техника уголовного закона в нормах о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2010. № 2. С. 14–17.

⁷ Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Наука, 1987. 288 с. ; Тарасов А. А. Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 49–66.

на признаки преступления) приводится в единственном числе, а никаких других оснований нет? В лингвистической науке это явление называется синекдохой — использованием слова во множественном числе в значении единственного числа. С чем мы имеем дело в данном случае: либо слово «основание» в ч. 2 ст. 140 УПК РФ употреблено не вполне точно, например потому, что «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» предполагают разные варианты оснований, либо, напротив, это слово в ч. 1 ст. 46 УПК РФ должно употребляться в единственном числе?

Занимаясь исследованием общего и особенного в процессуальных отраслях права, мы задались вопросом, есть ли какое-то лингвотекстологическое своеобразие у уголовно-процессуального, арбитражного процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального законов. Дуализм формы и содержания предопределяет, что существование определенных закономерностей и связей между смыслами отраслей процессуального права вызывает и является вызванным некими закономерностями и связями между формами этих отраслей, включая очевидную форму законодательного текста. Если существуют определенные тенденции универсализации и дифференциации в межотраслевом соотношении процессуальных отраслей на уровне их содержания, то можно допустить, что эти явления в какой-то степени присущи и языковой форме существования права. В статье мы хотим обозначить сквозные для процессуальных законов языковые явления и предположить их связь с соответствующими отраслевыми особенностями исследуемого процессуального права.

Семантика

Относительно мало описанное нежелательное явление в выборе законодательных терминов — омонимия (совпадение слов, значения которых не связаны друг с другом), чуть более распространенное — полисемия (многозначность слов, при котором значения связаны по смыслу), довольно подробно изучаемое — синонимия (употребление разных слов, значения которых полностью или частично совпадают). Сочетание омонимии и синонимии, причем в

очевидно нежелательном для закона проявлении, встречается в процессуальных кодексах — это термины «судебный штраф» и «денежное взыскание».

Предусмотренные статьей 119 АПК РФ, ст. 105 ГПК РФ, ст. 123 КАС РФ судебные штрафы и статьей 117 УПК РФ денежное взыскание — практически одна и та же мера процессуальной ответственности, однако термины используются разные. В данном узком процессуальном смысле, который задан терминам указанными статьями кодексов, «судебный штраф» и «денежное взыскание» — синонимы.

А вот с точки зрения соотношения гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального судебных штрафов с судебным штрафом — мерой уголовно-правового характера, предусмотренной статьей 104.4 УК, — это омонимы — одинаково звучащие словосочетания с совершенно разным смыслом. С учетом того, что глава 15.2 «Судебный штраф» была введена в УК в 2016 г., а одноименный институт существует в АПК РФ и ГПК РФ с 2002 г., совершенно непонятно, зачем законодатель использовал уже «занятый» термин при общем богатстве русского языка и очень малой пригодности упомянутого словосочетания для обозначения конкретной меры уголовно-правового характера.

Наиболее близким к языковому понятию «оксюморон» (сочетание противоречащих друг другу понятий) является то, что С. В. Бажановым названо «семантической несостоятельностью термина» применительно к словосочетанию «недопустимые доказательства»⁸, которое употребляется в ст. 61 КАС РФ и ст. 75 УПК РФ. Смысл лингвистических претензий к этому словосочетанию заключается в том, что с точки зрения корреспондирующих норм «доказательства» — это допустимые сведения», а значит, «недопустимые доказательства» — это «недопустимые допустимые сведения». Отдельно отметим, что среди многочисленных случаев межотраслевой процессуальной омонимии и полисемии находится и использование термина «допустимость» применительно к доказательствам. В отличие от УПК РФ и КАС РФ, в ст. 60 ГПК РФ и ст. 68 АПК РФ соответствующие нормы устанавливают, что обстоятельства дела, которые согласно закону должны быть подтвержде-

⁸ Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 6–8.

ны определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Грамматика

Казалось бы, на уровне федеральных законов ставить вопрос о соблюдении грамматических правил необходимости нет: язык должен быть эталонным. Нам удалось обнаружить как минимум две странности. Первая — написание слова «видео-конференц-связь» в УПК РФ (ст. 189.1 и др.), но «видеоконференц-связь» в АПК РФ (ст. 153.1 и др.), ГПК РФ (ст. 155.1 и др.) и КАС РФ (ст. 142 и др.). Нормативным является первый вариант, с двумя дефисами. Отметим, что отчасти объяснимый правилами русского языка второй вариант далеко не самый необычный: в массе нормативных правовых актов и научной литературы (которые не будем приводить по этическим соображениям) встречается слитное написание «видеоконференцсвязь» вообще вне связи с грамматикой.

Более известное и старое орфографическое недоразумение — неправильное написание слова «оперативно-розыскная» в УПК РФ вместо признаваемого верным варианта «оперативно-разыскная». При этом слово «разыскиваемый» в УПК РФ пишется верно (ст. 182, 210 УПК РФ). Неверный вариант также воспроизводится в федеральных законах «О прокуратуре РФ»⁹, «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁰, а верный — в КоАП и УК. Из этого старого грамматического фокуса законодателя некоторые исследователи даже делают вывод о незаконности производства «оперативно-разыскных» мероприятий, которые не предусмотрены Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹¹. Нельзя не отметить и того факта, что другие авторы считают возможным и необходимым использовать в своих текстах грамматически правильное написание

термина «оперативно-разыскные мероприятия» вопреки тому, что имеется в действующих законах¹².

Нарушение порядка согласования слов в предложении изредка попадает в законодательные тексты, несмотря на фильтры корректорской работы. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в редакции после принятия Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ¹³ и вплоть до принятия Федерального закона от 09.03.2010 № 19-ФЗ¹⁴ было странное третье предложение: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов». Спустя почти 7 лет правильный порядок слов был восстановлен, теперь норма выглядит таким образом: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов».

Еще один пример, когда смысл был потерян из-за ошибки в окончании слова, допущенной законодателем при дополнении ст. 237 УПК РФ частью 4 (утратила силу в конце 2008 г.): «Производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных настоящей статьей, по уголовному делу, возвращенному *прокурором*, не допускается». Между тем речь в этой статье идет о возвращении уголовного дела прокурору, а вовсе не им самим кому бы то ни было.

Текстология (структура и заголовки)

В лингвистической литературе нет единства мнений о функциональном назначении заголовков в тексте: помимо навигационного значения,

⁹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 18 февраля. № 39.

¹⁰ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 августа. № 160.

¹¹ Красинский В. В. О соотношении понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-разыскная деятельность» // Современное право. 2012. № 8. С. 34–37.

¹² Гаспарян Н. С., Лямин А. А. Энциклопедия недопустимых доказательств. М. : Информ-Право, 2025. С. 3, 39.

¹³ Российская газета. 2004. 10, 11 июля. № 135, 137.

¹⁴ Российская газета. 2010. 12 марта. № 51.

заголовки содержат «нераскрытое» содержание текста, выражают его основную идею¹⁵. Суды разных систем и уровней придают нормативное значение заголовкам статей, глав, разделов и нормативных актов в ходе системного толкования норм¹⁶. Следовательно, заголовки должны максимально соотноситься с содержанием текста, а также между собой, поскольку иное не только вносит «пользовательское» неудобство, но и затрудняет выявление нормативного смысла.

Неслучайно в юридической литературе нередко высказываются претензии к названиям статей законов, которые могут быть шире или уже озаглавленного ими текста либо могут вообще исказить его смысл¹⁷. По мнению А. И. Ситникова (которое мы в полной мере готовы распространить с уголовного закона, о котором оно высказано, на процессуальные законы), заголовки выполняют три функции: номинативную (служат наименованиями), информативную (предоставляют сведения о структуре кодекса и его содержании) и интегративную (придают связанность и целостность)¹⁸.

Логика текста требует, чтобы заголовки мелких структурных элементов соответствовали заголовкам крупных как части целого и по крайней мере не совпадали. Это правило нарушается: заголовок ст. 61 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу» практически совпадает с названием гл. 9 «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве». К слову, смысловые аналоги гл. 9 УПК РФ в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ именуются иначе — «Отводы».

Полностью совпадают заголовки главы 11 УПК РФ и первой входящей в нее статьи 85 — «Доказывание», главы 13 и статьи 98 — «Меры пресечения». Заголовок разд. XVII полностью совпадает с заголовком единственной входящей в него главы 52 «Особенности произ-

водства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», что одновременно неверно текстологически и бессмысленно структурно.

Не вполне отвечает назначению заголовков и использование одинаковых наименований для разных статей закона. В УПК РФ ст. 179 и 190 именуются «Освидетельствование», ст. 181 и 288 — «Следственный эксперимент», ст. 183 и 289 — «Предъявление для опознания», ст. 205 и 282 — «Допрос эксперта» и др. Это дублирование совершенно понятно с учетом общей раздвоенности всей структуры уголовного процесса и УПК РФ на досудебное и судебное производства. Отказ законодателя от выделения следственно-судебных действий в единый сквозной элемент уголовно-процессуального закона подтверждает изложенную нами ранее идею о принципиальной разнородности досудебного и судебного производства, которая заставляет задуматься о раздельном их нормативном регулировании.

Повторами в УПК РФ отличаются не только заголовки, но и сами нормы: в общих нормах о процессуальном статусе специалиста, закрепленных в ст. 58, 168 УПК РФ, указано на возможность привлечения к участию в них специалиста; в части 5 ст. 186.1, посвященной конкретному следственному действию — получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, повторяется указание на эту возможность; подобных примеров в УПК РФ множество¹⁹.

Составные заголовки предполагают, что в последующем тексте объединены связанные по смыслу понятия, и по крайней мере в основном это правило соблюдается. Мы можем проследить логику объединения понятий в гл. 24 УПК РФ «Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент», гл. 26 «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний» и не-

¹⁵ Поповская В. И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 29–34.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О «По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.03.2008 по делу № А42-1360/2005; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2023 № 88-6972/2023.

¹⁷ Васяев А. А., Волощенко А. В. О едином процессуальном пространстве или о некоторых несоответствиях УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 2. С. 36–38.

¹⁸ Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 106–122.

¹⁹ Шибанова Е. В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17. С. 23–26.

которых других. Но почему, например, в гл. 17 объединены «процессуальные сроки» и «процессуальные издержки» — непонятно. Объединяющий данную главу со следующей главой 18 «Реабилитация» раздел VI «Иные положения» вполне мог бы вместить в себя три главы с разделением самостоятельных по смыслу «процессуальных сроков» и «процессуальных издержек». Наше предположение заключается в том, что в гл. 17 объединены не связанные между собой институты чисто механически, ради пропорциональности размеров глав. Структурирование текста является не только логико-техническим способом его организации, оно также расставляет смысловые акценты, подчеркивает значимость отдельных подотраслей, институтов и норм. Мы можем предположить, что текстуальная разработанность правового института пропорциональна оценке законодателем его значимости. Иными словами, объединение в один структурный элемент разнородных норм, упоминание чего-либо мельком — свидетельство соответствующего отношения к предмету регулирования этих норм. Сроки, издержки и реабилитация не есть первоочередные для законодателя институты уголовно-процессуального права, объединенные по остаточному принципу в «иные положения».

УПК РФ имеет ярко выраженную особенность структуры по сравнению с другими процессуальными кодексами — статью 5 «Основные понятия», которую некоторые исследователи считают американским вариантом конструкции кодексов в противовес пандектной²⁰. Ключевые термины отрасли законодательства должны быть определены в соответствующем процессуальном кодексе, неважно — в отдельной статье или по ходу изложения норм. Помимо очевидного значения для правоприменения, раскрытие понятий позволило бы сравнить смысл одних и тех же терминов в разных отраслях. Мы абсолютно солидарны с Д. В. Чухвичевым, утверждающим, что отраслевые различия в значениях терминов «десистематизируют законодательство, препятствуют складыванию в сознании адресата правового регулирования

единой модели поведения, создают губительные по последствиям внутриправовые барьеры, не дают отраслям права полноценно взаимодействовать между собой»²¹.

Синтаксис

Упорядочивание мыслей в предложения, структура и виды предложений имеют ключевое значение для обеспечения понятности текста. Исследования показывают ярко выраженную тенденцию к синтаксическому усложнению текстов нормативных правовых актов. Так, за последние 30 лет тексты законов в среднем стали сложнее на 33 % — исходя из таких показателей, как общее количество слов, количество глаголов, причастных оборотов, зависимых слов и т.д.²² Совершенно понятно, что язык усложняется вслед за усложнением общественных отношений, чем выше уровень требований к процедуре, тем более детально она должна быть описана. На уровне простой арифметики мы увидим, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. при общем концептуальном сходстве его с более поздними уголовно-процессуальными законами состоял всего из 42 тыс. слов, УПК РСФСР 1960 г. — из 70 тыс. слов, а действующий УПК РФ — из 135 тыс. слов. С одной стороны, поменялось очень многое: общественно-политический строй, экономические условия, судостроительство, уровень образования людей, правовая система, техническая оснащенность и т.п. Но, с другой стороны, огромное, непостижимое различие по этим параметрам между 1864 г. и 1960 г. обернулось значительно меньшим усложнением уголовно-процессуального закона, чем в общем-то менее радикальные изменения, произошедшие после 1960 г. Это означает, что усложнение юриспруденции, в том числе языковое, имеет не только экзогенные, но и эндогенные причины.

В иностранной юридической науке ведется дискуссия о необходимости «простого языка» для нормативных и ненормативных юридических актов²³, возникшая в связи или параллель-

²⁰ Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2022. С. 276–278.

²¹ Чухвичев Д. В. Законодательная техника : учеб. пособие. М., 2012. С. 238.

²² Кнутон А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 399–426.

²³ Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting // McGill Law Journal. 2002. Vol. 47. Iss. 1. P. 97–128.

но с некоторыми нормативными попытками добиться этой «простоты»²⁴. За синтаксическими (лексическими и пр.) особенностями юридических текстов, которые в совокупности превращают их в объективно сложные для восприятия, стоит важный мировоззренческий вопрос. Что в действительности требуется от законов: быть понятными населению или быть непротиворечивыми, беспроblemными, логически безупречными — и до конца понятными только профессионалам? Применительно к процессуальным законам этот вопрос стоит особенно остро: население не пользуется этими законами в обыденной жизни, по большей части они и адресованы профессионалам, а не простым гражданам. Однако развивать мысли в этом направлении опасно, особенно если речь идет об уголовном процессе, ведь законодателю и правоприменителю и так постоянно требуются усилия, чтобы обвиняемый «из бесправного и беспомощного объекта уголовного преследования... стал равноправным участником процесса»²⁵.

Точные подсчеты лексической и синтаксической сложности разных нормативных правовых актов ведутся при помощи специальных программ; поэтому мы, не претендуя на точность, в рамках статьи ограничимся отдельными «ручными» измерениями. Самыми сложными синтаксически, на наш взгляд, являются нормативные акты финансово-бюджетной сферы. По легко исчисляемому параметру «количество слов в статье» процессуальные законы сложнее, чем многие материальные, причем среди процессуальных наиболее сложен УПК РФ, а самый простой — ГПК РФ. Так, в среднем в одной статье (что отражает одновременно синтаксическую и структурную сложность текста) Уголовно-процессуального кодекса РФ 247 слов, Гражданского процессуального кодекса РФ — 170, Гражданского кодекса РФ — 167, Семейного кодекса РФ — 147. Оправданием сложности процессуальных кодексов служит то, что они,

относительно материального права, в большей степени адресованы юристам-профессионалам, а не обывателям, хотя, как мы указали выше, не следует увлекаться этой идеей.

Лексика

Некоторые описанные в литературе лексические особенности нормативных правовых актов заключаются в использовании клише²⁶, применительно к УПК РФ — в употреблении слов в неточном значении и тавтологии²⁷.

Сопоставление частоты употребления некоторых «ключевых» слов в текстах четырех процессуальных кодексов позволило обнаружить следующие закономерности.

Слово «должен» встречается в УПК РФ 42 раза, а в АПК РФ — только 11; «принуждение» упоминается в УПК РФ 19 раз и ни разу — в АПК РФ и ГПК РФ, но при этом «вправе» в УПК РФ используется 537 раз, а в АПК РФ — 731 раз.

На основании одних только этих данных делать какие-то выводы нельзя. В слове «принуждение» нет ничего чуждого любой отрасли права, поскольку обеспеченность государственным принуждением является неотъемлемым свойством права; «должен» и «вправе» — слова, при помощи которых формулируются обязанности и права, их использование абсолютно естественно для юридического текста. Однако количественное сопоставление частоты употребления этих слов можно считать неким маркером тогда, когда речь идет о сравнимых и даже очень близких (до степени аналогичности, а иногда и универсальности) нормативных правовых актах. Уже имеющиеся у нас знания об огромном (по сравнению с другими процессуальными кодексами) правоограничительном ресурсе УПК РФ, о более умеренном использовании в нем диспозитивного метода вполне подтверждаются некоторыми лексическими тенденциями.

²⁴ The Canadian Style: A Guide to Writing and Editing, Government of Canada Publications // URL: <https://publications.gc.ca/site/eng/68599/publication.html>.

²⁵ Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 58.

²⁶ Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 7–14.

²⁷ Марфицин П. Г. Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 58–62.

Попутно сказанное

Язык закона признается большинством исследователей лишь одним из субстилей юридического языка²⁸. Совершенно самостоятельными, достойными изучения с позиций юрислингвистики являются язык судебных актов разных видов судопроизводства и язык научных исследований различных научных специальностей. По некоторым расчетам, язык текстов судебных актов — наиболее сложный среди всех юридических, включая язык научных текстов²⁹. Оба открывают богатейшие возможности для наблюдений и обобщений: есть ли взаимосвязь между качеством судебных актов и длиной их текстов; какова доля цитирования нормативных актов в структуре судебных актов; как соотносятся по объему обвинительные и оправдательные приговоры, постановления об отмене и об оставлении без изменения, апелляционные и кассационные определения, определения и постановления одного и того же порядка и процессуального значения с разницей только в единоличном и коллегиальном составе суда; насколько подробны и мотивированы особые мнения; есть ли в судебных актах внутренняя структура, помимо нормативно предписанной, и т.д. Интересны и уже сделанные в науке наблюдения, например относительно использования метафор в текстах правоприменительных актов (от зарубежных «плодов отравленного дерева» до отечественного «выиграть дело»)³⁰.

Что касается языка юридической процессуальной науки, то он не является производным от языка нормативных актов. В нем происходят собственные процессы, в числе которых выработка собственного жаргона (либо инкорпорация профессионального ведомственного жаргона). Пример этого — широкое употребление в научных текстах оперативно-разыскного жаргонизма «фигурант», правоохранительных жаргонизмов «доследственная проверка», «признавательные показания» и т.д.

Упоминание языка судебных актов и юридической науки в контексте рассуждений о языке нормативных актов неслучайно: система эта устроена по принципу сообщающихся сосудов, поэтому тенденции, обнаруженные в одной части права, можно ожидать и в других.

Еще одна перспектива языка нормативных актов, ожидающая нас в связи с глобальной цифровизацией, — приспособление его к машиночитаемости. В науке обсуждаются разные варианты «цифровизации юридического языка» — от абсолютной компьютерной алгоритмизации юриспруденции до компромисса по «человекочитаемости машиночитаемого права»³¹. Не только межотраслевая процессуальная конвергенция, но и потребность в машинной обработке больших объемов текста предрасполагает к появлению некоего универсального юридического «эсперанто».

Заключение

Языковые особенности юриспруденции представляют интерес как для лингвистов, так и для юристов. Отличительные особенности юридического языка определены через призму многих разделов лингвистики. Но особенности языка нормативных актов являются, помимо прочего, отражением отраслевого своеобразие (как закономерного и обоснованного, так и нежелательного), что может быть продемонстрировано на примере сопоставления максимально близких отраслей уголовного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права. Смысл поиска лингвистических и текстологических особенностей нормативных правовых актов, в том числе связанных сложными межотраслевыми взаимодействиями, — в выявлении тех же тенденций соотношения разных отраслей по форме, что и по содержанию.

²⁸ Зяблова Т. Е., Комарова Я. Б. Об особенностях текста закона // *Colloquium-Journal*. 2020. № 1-10 (53). С. 6–10.

²⁹ Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Указ. соч. С. 418.

³⁰ Лескина Э. И. Указ. соч.

³¹ Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. № 8. С. 22–37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2003. 56 с.
- Асланян Н. П. «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22.
- Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 6–8.
- Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 7–14.
- Васяев А. А., Волощенко А. В. О едином процессуальном пространстве или о некоторых несоответствиях УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 2. С. 36–38.
- Гаспарян Н. С., Лямин А. А. Энциклопедия недопустимых доказательств. М. : Информ-Право, 2025. 304 с.
- Зюков А. М. Юридическая техника уголовного закона в нормах о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2010. № 2. С. 14–17.
- Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 399–426.
- Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 63–73.
- Красинский В. В. О соотношении понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-разыскная деятельность» // Современное право. 2012. № 8. С. 34–37.
- Курбатова Н. Б., Силенкова А. В. Семантические особенности языка в заявках на товарные знаки и знаки обслуживания // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 1. С. 72–78.
- Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1997. 324 с.
- Лелетина А. В. Юридический язык ведомственного нормотворчества: проблемы правового регулирования и практики // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 88–102.
- Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.
- Малинова А. Г. Проблемные вопросы синонимических сравнений в правоведении (на примере слова «интерес») // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 11–19.
- Марфицин П. Г. Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 58–62.
- Масленников М. Я. Структура и язык изложения региональных законов об административной ответственности // Административное право и процесс. 2005. № 4. С. 32–35.
- Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2022. 542 с.
- Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 22–37.
- Поповская В. И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 29–34.
- Пучков В. О. Историческая семантика обязательных обязательств: язык и догма права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 78–92.
- Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021. 408 с.
- Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Наука, 1987. 288 с.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 106–122.
- Тарасов А. А. Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 49–66.
- Шибанова Е. В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17. С. 23–26.
- Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting // McGill Law Journal. 2002. Vol. 47. Iss. 1. P. 97–128.

REFERENCES

- Aleksandrov AS. The language of criminal proceedings. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). N. Novgorod; 2003. (In Russ.).
- Aslanyan NP. «Complex branch of law» as a terminological misunderstanding. *Modern law*. 2024;1:12-22. (In Russ.).
- Batyskhina MV. Legislative cliches: Specifics, types and functions. *Yurislingvistika [Legal Linguistics]*. 2023;27:7-14. (In Russ.).
- Bazhanov SV. Semantic inconsistency of the term «inadmissible evidence». *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2007;17. (In Russ.).
- Gasparyan NS, Lyamin AA. *Encyclopedia of inadmissible evidence*. Moscow: Inform-Pravo; 2025. (In Russ.).
- Knutov AV, Chaplinsky AV, Alimpeev DR. The language of regulatory legal acts: Is it time to sound the alarm? *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;3:399-426. (In Russ.).
- Kostrova MB. Graphic and expressive means of the language in the criminal law: On the admissibility of use. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2002;8:61-73. (In Russ.).
- Krasinsky VV. On the relationship between the concepts of «operational investigative activity» and «operational investigative activities». *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2012;8:34-37. (In Russ.).
- Kurbatova NB, Silenkova AV. Semantic features of language in trademark and service mark applications. *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*. 2024;1:72-78. (In Russ.).
- Larin AM, Melnikova EB, Savitsky VM. The criminal procedure in Russia: Lectures and essays. Savitsky VM, (ed.). Moscow; 1997. P. 58. (In Russ.).
- Leletina AV. The legal language of departmental rulemaking: Problems of legal regulation and practice. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;9:88-102. (In Russ.).
- Leskina EI. Linguistic aspects in civil procedural law: Problem statement. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2017;8:3-6. (In Russ.).
- Malinova AG. Topical issues of synonymous comparisons in jurisprudence (the example of the word «Interest»). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2022;2:11-19. (In Russ.).
- Marfitsin PG. Some aspects of improving the language of the Criminal procedure law. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2015;1(26):58-62. (In Russ.).
- Maslennikov MYa. The structure and language of regional laws on administrative responsibility. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2005;4. (In Russ.).
- Normography: Theory and technology of rulemaking. A textbook for universities. Arzamasov YuG, (ed.). Moscow: Yurait Publ.; 2022. (In Russ.).
- Perevozkin AA. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2024;8:22-37. (In Russ.).
- Popovskaya VI. Features of the headings of legislative texts (the example of the Federal Law «On the Basics of Public Health protection in the Russian Federation»). *Yurislingvistika [Legal Linguistics]*. 2022;25:29-34. (In Russ.).
- Puchkov VO. Historical semantics of security obligations: Language and dogma of law. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2023;4:78-92. (In Russ.).
- Rossinsky SB. Pre-trial proceedings in a criminal case: The essence and methods of collecting evidence. A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2021. (In Russ.).
- Savitsky VM. The language of procedural law (terminology issues). Moscow: Nauka Publ.; 1987. (In Russ.).
- Shibanova EV. On some errors of the legislative technique of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2013;17:23-26. (In Russ.).
- Sitnikova AI. Legislative textology of criminal law. *Lex russica*. 2017;3:106-122. (In Russ.).
- Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting. *McGill Law Journal*. 2002;47(1):97-128.
- Tarasov AA. The ratio of literal translation and interpretation of legal terms in criminal procedure comparative studies. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2024;15(1):49-66. (In Russ.).
- Vasyaev AA, Voloshchenko AV. About a single procedural space or about some inconsistencies of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the CPC of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation. *Zakonodatelstvo i ekonomika*. 2008;2. (In Russ.).
- Zyukov AM. The legal technique of criminal law in the norms on crimes of an extremist nature. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2010;2:14-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий
д. 32, Заки Валиди ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
nord-wind23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aliya R. Sharipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
nord-wind23@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 20 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 09.04.2025.

Revised 20.04.2025.

Accepted 15.06.2026.

Морское судно как объект вещных прав в российском и зарубежном законодательстве

Резюме. Проанализирован правовой режим морского судна, понимаемого в качестве вещи, участвующей в гражданском обороте. Установлена значительная дифференциация определений морского судна в различных источниках международного морского права, внутреннего российского и зарубежного права. Раскрыта правовая природа морского судна в российском частноправовом регулировании как условной недвижимости, признаваемой таковой по закону в силу публично-правовой процедуры государственной регистрации. Показано различие между движимыми и недвижимыми вещами с точки зрения момента перехода права собственности в обязательственных отношениях ввиду смешанного правового режима судов в российском гражданском законодательстве, допускающего их как недвижимый, так и движимый вещный статус. Продемонстрирована двойственность правового регулирования частноправовых отношений в сфере торгового мореплавания, включающего нормы и источники как гражданского, так и международного и внутреннего морского права (публичного и частного). Проведен сравнительно-правовой анализ норм зарубежного законодательства о морском судне как объекте вещных прав, выявлено отличие российских законодательных подходов от подходов в правовых системах, пребывающих в сфере влияния английского морского права, в которых морское судно во всех случаях признается движимой вещью.

Ключевые слова: морское судно; торговое мореплавание; вещное право; недвижимое имущество; движимое имущество; право собственности; объекты гражданского оборота

Для цитирования: Коваль В. Н., Годованик Е. В. Морское судно как объект вещных прав в российском и зарубежном законодательстве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 113–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.113-123

A Marine Vessel as an Object of Property Rights in Russian and Foreign Legislation

Vladimir N. Koval

Evgeniy V. Godovanik

Sevastopol State University

Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the legal regime of a marine vessel, understood as a thing involved in civil transactions. A significant differentiation of definitions of a marine vessel has been established in various sources of international maritime law, domestic Russian and foreign law. The paper reveals the legal nature of a marine vessel in Russian private law regulation as a conditional immovable property, recognized as such by law by virtue of the public law procedure of state registration. The difference between movable and immovable things is shown from the point of view of the moment of transfer of ownership rights in binding relations due to the mixed legal regime of courts in Russian civil legislation, allowing for their both immovable and movable property status. The duality of the legal regulation of private law relations in the field of merchant shipping is demonstrated,

including the norms and sources of both civil and international and domestic maritime law (public and private). A comparative legal analysis of the norms of foreign legislation on a seagoing vessel as an object of property rights has been carried out, and the difference between Russian legislative approaches and approaches in legal systems under the influence of English maritime law, in which a seagoing vessel is recognized as a movable thing in all cases, has been revealed.

Keywords: sea vessel; merchant shipping; property law; immovable property; movable property; property rights; objects of civil transactions

Cite as: Koval VN, Godovanik EV. A Marine Vessel as an Object of Property rights in Russian and Foreign Legislation. *Lex russica*. 2026;79(7):113-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.113-123

Введение

Преимущественное внимание в цивилистических исследованиях традиционно уделяется различным видам обязательств, юридически обеспечивающих динамику морских отношений и удовлетворение потребностей развития масштабного и сложного гражданского оборота в этой сфере. При этом основу для построения системы обязательственных и многих публично-правовых морских отношений составляют вещные права, определяющие принадлежность материальных объектов, используемых в процессе торгового мореплавания.

Среди таких объектов наиболее распространенным в обязательственном гражданском обороте является морское судно. Вместе с тем вопросы о дефиниции морского судна, его отнесении к недвижимым либо движимым вещам, моменте первичного возникновения вещного права и производного перехода права собственности актуальны как для современного российского гражданского, так и для специального морского права, требуют доктринального разрешения и обобщения полученных результатов, в том числе с применением сравнительно-правового исследования подходов к определению понятия и выявлению признаков морского судна в законодательстве зарубежных стран, а также в универсальных источниках международного морского права.

Теоретической базой для проработки данного вопроса послужил анализ последних публикаций. Фундаментальное значение имеют труды выдающихся ученых как в сфере цивилистики, так и в области морского публичного и частного права: Р. С. Бевзенко, С. А. Васильева, В. Н. Гуцуляка, Д. К. Лабина, С. В. Очуренко, А. С. Скаридова, Е. А. Суханова, М. А. Тай, Ю. К. Толстого и др. В то же время, с учетом достаточно широкого тематического спектра проблем исследований, необходим отдельный анализ изучения вещно-правовой природы

морского судна в сравнительном ракурсе рассмотрения российского и зарубежного законодательства, а также научных позиций, высказанных относительно оснований и критериев участия морского судна в гражданском обороте.

В статье использовалась система общих и специальных методов научного познания, традиционно применяемых в частноправовых исследованиях: формально-догматический метод применялся при обобщении понятий и признаков морского судна в международных конвенциях по торговому мореплаванию; сравнительно-правовой метод — для сопоставления правового статуса морского судна как объекта вещного права в гражданском и морском праве Российской Федерации и зарубежных стран, относящихся к сферам влияния различных правовых семей; формально-юридический метод — для анализа вещных прав на морское судно в действующем российском законодательстве; посредством системно-структурного метода выявлено расположение норм о морском судне как объекте гражданского оборота в российском и зарубежном законодательстве, а также международном морском праве.

Цель статьи заключается в осуществлении доктринального исследования правового режима морского судна как объекта вещных прав в российском и зарубежном частноправовом регулировании с определением общих и особенных характеристик, специфики участия морских судов в гражданском обороте.

Для достижения цели ставились задачи: исследовать понятие и признаки морского судна в международном морском праве, российском и зарубежном гражданском и морском (публичном и частном) законодательстве; выявить особенности морского судна как объекта вещного права — недвижимой вещи в действующем российском законодательстве; проанализировать вопрос о моменте возникновения правового статуса недвижимой вещи и права собственности (первичного и производного) на морское

судно; провести сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства в части определения понятия и признаков морского судна, его вещной объективации, а также установления частноправовой природы морского судна с точки зрения его отнесения к той или иной категории вещей (недвижимых или движимых).

Основная часть

Правовой режим морского судна находится в нескольких взаимосвязанных плоскостях, что объясняется сложностью, многогранностью и специфическим характером морских правоотношений, а также межотраслевой парадигмой частноправового регулирования имущественных отношений в морской сфере.

Первая система, регулирующая правовой режим морского судна как объекта гражданского оборота и вещи материального мира, — это международное морское право, в широком смысле включающее в себя публично-правовые и частноправовые нормы.

В контексте международного морского публичного права «морское судно» — терминологический феномен, к определению которого так и не было выработано унифицированного подхода. При этом необходимо учитывать и отсылки в некоторых конвенциях к тому обстоятельству, что понятие морского судна приводится исключительно для целей соответствующей специальной конвенции.

Подобная формулировка содержится в ст. 1 (6) Международной конвенции о спасании 1989 г.¹, где указывается, что «для целей настоящей Конвенции “судно” означает любое судно или плавучее средство либо любое сооружение, способное осуществлять плавание».

В приведенном случае на первый план выводится функциональный критерий правового режима морского судна — его плавучесть, т.е. способность осуществлять плавание. Недостатком такого определения представляется отнесение

к судам любых плавучих средств либо сооружений, способных осуществлять плавание, что противоречит как очевидной логике (при абсолютизированном подходе к определению критерия плавучести не останется другого выхода, как совершенно парадоксальным образом считать морским судном плот или любую другую плавучую конструкцию малой устойчивости), так и российским правовым нормам, поскольку Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ) от 30.04.1999 № 81-ФЗ² исходит из телеологической (целевой) доминанты нормативного конструирования, называя в качестве критерия не технически-эксплуатационную (функциональную) способность продержаться определенное время на воде, а использование в целях торгового мореплавания (ст. 7).

Как представляется, два вышеуказанных фактора следует рассматривать комплексно, субсидиарно, поскольку морское судно, которое используется для торгового мореплавания, естественным образом обладает и физическим качеством плавучести (водной устойчивости), а любое иное предположение лишило бы предмет исследования логического смысла в практических условиях морской деятельности.

На указанную дихотомию функционального и телеологического квалифицирующих критериев обращает внимание и авторитетный коллектив ученых, представляющих севастопольскую научную школу морского права, по мнению которых, обобщающему положению существующих профильных конвенций, «судно представляет собой плавучее сооружение, которое предназначено для транспортных, промысловых и прочих целей»³.

В правиле 3 Международных правил предупреждения столкновения судов в море 1972 г.⁴ установлено, что термин «судно» означает все виды плавучих средств, включая неводоизмещающие суда и гидросамолеты, используемые или могущие быть использованными в качестве средств передвижения по воде.

Приведенная нормативная дефиниция имеет колоссальное методологическое значение

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

³ Международное морское право: публичное и частное : учебник / кол. авт. ; под ред. Д. К. Лабина, В. Н. Коваля. М. : Кнорус, 2023. С. 188.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

для формирования полного представления о содержании и структуре международного морского права, поскольку обосновывает тезис о целесообразности включения в его рамки еще и некоторых отдельных норм международного воздушного права (в частности, о гидросамолетах, рассматриваемых в вопросах предупреждения столкновения судов в море в качестве морских судов, которые формально соответствуют обоим изложенным выше их признакам — как плавучести на воде, так и способности использоваться в определенных целях, связанных с торговым (в более широкой трактовке — транспортным) мореплаванием).

Понятие морского судна в международном морском праве, выработанное хотя и дифференцированно и фрагментированно, но тем не менее с выделением общих для всех конвенционных источников признаков, в своих важнейших формулировках закономерно перешло в терминологический инструментарий отечественного внутригосударственного морского права, кодифицированным источником которого является КТМ РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 КТМ РФ морское судно определяется как самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания.

Как можно заметить, под действие КТМ РФ подпадают именно торговые (коммерческие) суда, в отличие от государственных судов, используемых в специальных целях (военно-морских, спасательных и т.п.), в отношении которых принимается отдельное публично-правовое регулирование, не предусматривающее их свободного участия в гражданском обороте⁵.

Однако сам термин «торговое мореплавание», как представляется, не совсем адекватно отражает правовую природу всех регулируемых Кодексом отношений.

Например, отношения государственного управления, как и многие другие публичные отношения, урегулированные Кодексом, скорее являются не отношениями, возникающими из торгового мореплавания, как формулируется в ч. 1 ст. 1 КТМ РФ, а отношениями, возникаю-

щими в сфере торгового мореплавания или в связи с его осуществлением.

Кроме того, даже некоторые виды экономических отношений, входящие в сферу этой деятельности в силу прямого указания в ч. 1 ст. 2 КТМ РФ, далеко не всегда согласуются с характеристикой их как торговых.

Примечательно, что на некоторую условность термина «торговое мореплавание» обращалось внимание еще в период разработки действующего КТМ РФ⁶. При этом продолжение использования этого термина, скорее всего, обосновывается его традиционностью и общепотребительностью для обозначения объема общественных отношений, которым посвящены предписания данного кодифицированного нормативного акта.

Вместе с тем, несмотря на указанные замечания, как термин «торговое мореплавание», так и анализируемые общие положения КТМ РФ отражают концептуальную частноправовую, цивилистическую основу этих отношений.

Управленческие и другие публично-правовые отношения возникают в сфере торгового мореплавания, для того чтобы обеспечить безопасность и экологичность судоходства, увеличить его роль в достижении общего экономического роста, а также в силу того, что деятельность в сфере торгового мореплавания объективно нуждается в государственной поддержке, включая и коммерческие вопросы, такие как сфера государственных закупок морских судов.

Например, постановлением Правительства РФ от 28.02.2023 № 318⁷ в качестве публично-правовой нормы императивного характера была установлена минимальная доля закупок судов и судового комплектующего оборудования российского происхождения.

Другим показательным примером соотношения и пересечения публично-правовых и частноправовых норм являются федеральные налоговые льготы, предоставляемые судоходной и судостроительной отраслям в особых условиях обеспечения реального экономического суверенитета и национальных интересов

⁵ Толстой Ю. К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 35.

⁶ Ланцева В. Ю. Понятие морской торговли в Российской империи // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 2. С. 173–175.

⁷ Постановление Правительства РФ от 28.02.2023 № 318 «Об изменении и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

Российской Федерации в Мировом океане. Так, Федеральным законом от 24.06.2023 № 261-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»⁸ предусмотрена ставка 0 % для судоремонтных предприятий при условии направления высвобождаемых средств на модернизацию мощностей. Средство реализации указанной льготной меры на правоприменительном уровне — заключение инвестиционных соглашений, содержащих перечень мероприятий по развитию и модернизации собственных производственных мощностей, а также инвестиционное обязательство о направлении на модернизацию не менее 20 % выручки на протяжении семи лет.

С учетом имманентного частноправового характера вещной объективации морских судов, абсурдным был бы противоположный вывод о том, что имущественные отношения в сфере торгового мореплавания существуют для обеспечения функционирования управленческой надстройки в морской отрасли.

Таким образом, без имущественных гражданско-правовых отношений публично-правовое регулирование торгового мореплавания утрачивает какой-либо смысл, а поэтому основополагающими стоит признать именно гражданско-правовые отношения, а морское судно рассматривать прежде всего как объект вещных прав.

В доктрине морского права существуют и более расширенные определения понятия «морское судно», поскольку научные исследования не связаны юридико-техническим требованием лапидарности, предъявляемым к стилистике международных договоров и внутреннего законодательства⁹.

Так, выдающийся российский ученый, специалист в области международно-правовых проблем торгового мореплавания В. Н. Гуцуляк определяет морское судно как «плавучее транспортное средство, несущее флаг регистра-

ции, имеющее название или номер, укомплектованное экипажем и обеспеченное судовыми документами в соответствии с нормами международного морского права»¹⁰. С точки зрения профессора А. С. Скаридова, морское судно представляет собой искусственное сооружение, приспособленное для передвижения в водной среде в водоизмещающем состоянии с использованием силы ветра или энергии, вырабатываемой судовой энергетической установкой¹¹.

Из приведенных определений можно выделить следующие сущностные признаки морского судна как объекта международно-правового регулирования, имеющие важнейшее значение для дальнейшего анализа его частноправовой природы:

а) водная среда эксплуатации, выражаемая в критерии плавучести судна (пространственный признак);

б) предназначение — осуществление морских перевозок грузов и пассажиров и решение других эксплуатационных задач: научно-исследовательских, очистительно-экологических, информационно-вещательных, наблюдательных, военно-морских и т.д. (телеологический признак).

Вместе с тем для отнесения судна к категории морских торговых телеологический признак сужается, поскольку должен соответствовать именно целям торгового мореплавания согласно открытому, динамично изменяющемуся в зависимости от объективных фактических условий научно-технического и экономического развития списку, приведенному в ст. 2 КТМ РФ. Значение эксплуатационно-телеологического признака подчеркивает С. В. Очуренко, по справедливому утверждению которого «одним из основных юридических признаков деятельности в сфере торгового мореплавания является ее связь с использованием судов»¹².

В силу указанного перечня к морским торговым судам фактически относятся все применяе-

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

⁹ Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 49–55 ; Васильев С. А. Правотворчество с позиции теории соотношения субъектов конституционного права // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2. С. 9–21.

¹⁰ Гуцуляк В. Н. Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 9.

¹¹ Скаридов А. С. К вопросу о детерминации морских автономных средств применительно к правовому регулированию коммерческого судоходства // Океанский менеджмент. 2022. № 1. С. 44.

¹² Очуренко С. В. Место абсолютных гражданских прав в системе правового регулирования отношений торгового мореплавания // Lex russica. 2021. Т. 74. № 1. С. 23.

мые в гражданских целях (кроме военно-морского флота и некоторых других категорий судов специального использования в публичных интересах общества и государства), соответствующие другим, прежде всего техническим, критериям, основной из которых — плавучесть судна независимо от его самоходности.

Гражданская объективация судна связана с его включенностью в гражданский оборот и определяется положениями Гражданского кодекса РФ о праве собственности и других вещных правах на недвижимое и движимое имущество. При этом важнейшее значение имеют момент и условия возникновения и прекращения у объекта материального мира гражданско-правового статуса морского судна, а также наступления правовых последствий обозначенных юридических фактов.

Особенность морского судна как объекта вещных прав, согласно ГК РФ, состоит в дихотомии его правового режима. Во-первых, объект рассматривается как недвижимая либо движимая вещь (в российском гражданском законодательстве формально-юридически возможны оба варианта¹³), обладает теми общими свойствами, которые присущи недвижимости или движимому имуществу. Во-вторых, кроме общих свойств недвижимой вещи, объект имеет специальные признаки морского судна, принимающего участие в торговом мореплавании как виде экономической деятельности, регулируемой, помимо гражданско-правовых, еще и специальными нормами международного и внутреннего морского права, публичного и частного.

Исходя из такого концептуального понимания морского судна как объекта гражданского оборота, следует отметить, что, как правило, оба статуса (и морского судна, и объекта недвижимого/движимого имущества) присущи объекту одновременно, будучи взаимообусловленными.

В то же время на практике встречаются и другие варианты, при которых один из двух указанных элементов правового статуса в определенный момент может отсутствовать.

Так, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 22.08.2011 по делу № А59-4400/2010¹⁴ пришел к выводу, что объект утратил характеристики

судна, но признание судна конструктивно погибшим не влечет автоматически утрату им статуса недвижимого имущества (в соответствии с фактическими обстоятельствами дела, судно конструктивно погибло, однако для целей определения процедуры проведения Территориальным управлением Федерального агентства по управлению государственным имуществом по Сахалинской области торгов, с которых предполагалась его продажа, оно по-прежнему являлось недвижимостью).

Таким образом, морское судно, технически утратившее эксплуатационное предназначение, и прежде всего характеристику достаточной плавучести, всё равно остается недвижимой вещью, если оно имело такой статус ранее, при нормальной эксплуатации.

Что касается момента возникновения у морского судна, подходящего под технические характеристики, статуса недвижимой вещи, в цивилистической науке существует несколько альтернативных подходов.

Во-первых, возможно принять в качестве критерия момент первой связи судна с морским дном как водным аналогом устоявшейся в цивилистической доктрине категории устойчивой связи сухопутной недвижимой вещи с землей (первый спуск на воду на судостроительном предприятии, что свидетельствует о получении судном эксплуатационной способности в контексте задач торгового мореплавания, реализуемых исключительно на определенной природной поверхности земного ландшафта, которой выступает акватория независимо от ее публично-правового режима).

Во-вторых, предлагается учитывать момент кадастрового учета вещи, что актуально для земельных участков, но не подходит для объектов так называемой условной недвижимости (недвижимости по закону, а не по устойчивой связи с землей), к которой относятся и морские суда.

В-третьих, как момент наступления правового статуса недвижимости у морского судна рассматривается его регистрация в качестве недвижимой вещи (инкорпорация), что представляется правильным и справедливым подходом, отражающим особенность правового статуса судна как недвижимой вещи по закону, детерминированной именно фактом регистра-

¹³ Тай М. А. Морское судно в системе объектов вещных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

¹⁴ Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru> (дата обращения: 27.04.2025).

ции в этом качестве, а не какими-либо иными обстоятельствами. С такой позицией солидарен и Р. С. Бевзенко, по мнению которого указанный подход на сегодняшний день является единственно применимым с учетом даже отсутствия прямого указания об этом в действующем законодательстве¹⁵.

Одну из важных проблем составляет и тот факт, что требования по обеспечению безопасности мореплавания, экологические и другие административные требования, исходя из необходимости их всеобщего исполнения, не могут быть связаны только с возникновением права собственности на материальные объекты торгового мореплавания. Например, регистрация судна и прав на него в бербоут-чартерном реестре в соответствии со ст. 38 КТМ РФ влечет возникновение права плавания под флагом Российской Федерации и по правовым последствиям близка к регистрации права собственности на судно.

При этом большая часть относительных правоотношений, касающихся судна, будет возникать уже на основе прав фрахтователя. Даже применительно к гражданско-правовым отношениям фрахтователя с третьими лицами достаточно спорным является вопрос о производности всех его прав от договора бербоут-чартера, а публичные правоотношения по поводу использования судна от содержания договора в большинстве случаев зависят вообще не будут.

Обобщенный анализ действующего законодательства РФ позволяет выделить основные объекты вещных прав, использование которых подлежит специальному регулированию, связанному с отношениями торгового мореплавания:

- морское судно;
- коммерческие и некоммерческие грузы, перевозка которых осуществляется морскими судами;
- водные объекты (моря и их отдельные части, реки, ручьи, каналы и пр.);
- водные биологические ресурсы;
- объекты рыболовства, возникающие в результате добычи (вылова) водных биоресурсов;
- объекты, возникающие при разработке минеральных и других неживых ресурсов морского дна и его недр;

— объекты инфраструктуры морского порта, включая портовые гидротехнические сооружения, морские терминалы и пр.;

— земли и земельные участки, входящие в территорию морского порта, а также другие земельные участки;

— акватории морских портов;

— морские гидротехнические сооружения, не входящие в объекты инфраструктуры морских портов;

— искусственно сооруженные объекты, выставляемые в море и на морском дне;

— затонувшее в море имущество;

— внутренние морские воды, территориальное море и прилежащая зона РФ;

— континентальный шельф и исключительная экономическая зона РФ;

— открытое море.

Нетрудно заметить, что данный перечень представляет собой произвольную выборку из законодательных актов разной правовой природы, что влечет нарушение не только юридических, но и логических правил классификации, отдельные элементы которой пересекаются между собой. Здесь присутствуют материальные объекты, правовой режим которых определяется нормами различных отраслей публичного и частного права. При этом комплексное правовое определение объекта торгового мореплавания и составление согласованного перечня их видов, универсального для всех отраслей права, попросту невозможны.

Причем во всех вышеуказанных случаях речь идет не об индивидуализированных земельных участках, участках недр или водных объектах, как это предлагалось в законопроекте о вещном праве, а о праве государственной собственности на соответствующие природные ресурсы.

Необходимо обратить внимание и на ту особенность частноправового регулирования вещных прав на морское судно, что право собственности не регулирует обязательственные отношения по купле-продаже объекта этой собственности, но условием или юридическим фактом, необходимым для совершения этой сделки, является наличие права собственности у продавца.

Аналогичным образом необходимым юридическим фактом для возникновения отно-

¹⁵ Бевзенко Р. С. Основные начала российского права недвижимости : лекция. Ч. 2: Единый объект недвижимости и принцип единства судьбы здания и земельного участка // URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/my-account/courses/lect-12252-11155/> (дата обращения: 02.05.2025).

сительных публично-правовых отношений по выполнению требований к безопасности мореплавания, экологических и иных требований чаще всего выступает право собственности, ограниченное вещное право или факт (состояние) владения обязанным лицом определенным материальным объектом.

В связи с этим стоит обратить внимание на общие обязанности собственника вещи не совершать в отношении принадлежащего ему имущества действия, противоречащие закону и иным правовым актам, нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц (п. 2 ст. 209 ГК РФ), причиняющие ущерб окружающей среде (п. 3 ст. 209 ГК РФ), а также нести бремя содержания имущества, если иное не предусмотрено законом (ст. 210 ГК РФ).

Потребности реализации особых подходов к регулированию обязательственных морских отношений заранее обеспечены диспозитивностью гражданско-правового регулирования, что позволяет формулировать без коллизий внутри системы гражданско-правового регулирования не только отдельные правовые нормы, но даже специальные принципы правового регулирования (например, принцип ограниченной ответственности грузоперевозчика).

Вместе с тем сфера гражданско-правового регулирования отношений торгового мореплавания чрезмерно расширена общими положениями КТМ РФ.

Так, в части 2 ст. 1 КТМ РФ указывается, что к имущественным отношениям, не регулируемым или не полностью регулируемым данным Кодексом, применяются правила гражданского законодательства РФ. Из буквального содержания указанного положения, например, следует, что к имущественным отношениям по бюджетному финансированию деятельности федерального органа исполнительной власти в области транспорта должны применяться нормы гражданского, а не финансового законодательства РФ.

Такой вывод с формально-догматической точки зрения является не вполне правильным, поскольку к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе налоговым и другим финансовым и

административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством (п. 3 ст. 2 ГК РФ). Следовательно, бланкетная норма ч. 2 ст. 1 КТМ РФ нуждается в уточнении путем указания на возможность ее применения только к не урегулированным КТМ РФ имущественным отношениям, основанным на юридическом равенстве сторон.

Особый интерес в контексте определения дальнейших путей совершенствования гражданско-правового статуса морского судна как объекта вещного права в отечественном частноправовом регулировании отношений торгового мореплавания представляет рассмотрение зарубежного опыта цивилистической объективации морских судов с выявлением общего и частного, а также тех элементов, которые потенциально могли бы быть позаимствованы российским законодателем.

В англосаксонской правовой семье (правовые системы Великобритании, США, Новой Зеландии и других воспринявших английское морское право государств), в отличие от российского гражданского и морского законодательства, морское судно считается движимым имуществом¹⁶.

Отнесение судна к движимому либо недвижимому имуществу имеет огромное правоустанавливающее значение с точки зрения момента возникновения права собственности, особенно в разрезе обязательственных частноправовых отношений по поводу определенной вещи.

Как подчеркивает Е. А. Суханов, для движимых вещей, в соответствии с положениями действующего российского гражданского законодательства, правоустанавливающим документом, порождающим право собственности на объект, является договор об отчуждении (абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ), в то время как возникновение у приобретателя права собственности на недвижимую вещь связано с его государственной регистрацией (п. 2 ст. 223, п. 1 ст. 551 ГК РФ), а не с оформлением сторонами договорного обязательства между собой (в отличие от немецкого гражданско-правового регулирования, в котором сделка считается главным основанием для перехода права собственности на вещь, включая объекты недвижимости)¹⁷.

¹⁶ Кузьмин А. В., Федоров Н. В. Особенности правового регулирования морской перевозки грузов по английскому праву // Океанский менеджмент. 2022. № 2. С. 40.

¹⁷ Суханов Е. А. Кодификация законодательства о вещном праве // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. С. 87.

В правовых системах, относящихся к континентальной правовой семье, также существуют особенности как специального морского определения морского судна, так и возникновения вещных прав на него как объект гражданско-правового оборота.

В статье 1 Кодекса частного морского права Греции дано следующее определение понятия судна: «любое судно с регистровым тоннажем не менее 10 т, предназначенное для плавания в море при помощи собственных средств приведения в движение»¹⁸.

В Республике Корея при определении понятия морского судна также применяются критерии его использования в морском судоходстве в целях участия в торговом мореплавании или иной деятельности, приносящей прибыль, и условие самоходности (в отличие от определения судна в российском законодательстве, не выдвигающем обязательных требований к его самоходности, что позволяет рассматривать в качестве морских судов, например, гребные галеры, приводимые в действие физической силой членов экипажа).

Если обратиться к подходу корейского морского законодательства, то передвижные установки и неподвижные конструкции (платформы), не обладающие самоходностью, не будут признаны судами. В связи с этим в корейской правоприменительной практике в определенный период даже считалось, что баржи, используемые только для перевозки товаров, не попадают под понятие судна, однако в итоге было принято решение о расширении сферы применения положений о морских судах на баржи (ст. 1–2 Закона о судах Республики Корея)¹⁹.

Как можно заметить, в греческом и корейском законодательстве отсутствует критерий плавучести судна, что также, помимо различного отношения к функциональному признаку самоходности, отличает концептуальные подходы к определению морского судна от принятых в действующем российском гражданском и морском законодательстве.

Заключение

В результате исследования особенностей определения и частноправового регулирования статуса морского судна как объекта вещных прав

в российском и зарубежном законодательстве приходим к выводам:

1. Дефиниция морского судна в международном морском праве, российском и зарубежном законодательстве имеет значительную дифференциацию, непосредственно воздействующую на момент его объективации в качестве вещи, принимающей участие в гражданском обороте на основе частноправового регулирования. При этом объективными критериями являются плавучесть судна и его целевое предназначение в торговом мореплавании. В то же время законодательство некоторых государств предполагает еще и признак самоходности как один из критериев отнесения объектов к морским судам, что порождает научно-практическую дискуссию о правовом режиме несамоходных морских установок (таких как искусственные платформы), имеющих безусловное экономически-хозяйственное применение в акватории Мирового океана.

2. Морское судно в российском гражданском праве рассматривается как недвижимая (преимущественно) или движимая вещь, при этом в первом случае момент производного приобретения права собственности связывается с публично-правовым институтом государственной регистрации, а во втором — с заключением сторонами гражданско-правового договора, в частноправовом порядке обуславливающего переход правомочий собственника.

3. Дискуссионным вопросом в российской науке является первичное приобретение морским судном правового режима недвижимости (соприкосновение с водой (морским дном) в качестве аналога земли как естественной средой эксплуатации, постановка на кадастровый учет, государственная регистрация). Правильным представляется подход, предлагающий считать морское судно недвижимой вещью с момента государственной регистрации, что соответствует интерпретации судов как объектов *условной недвижимости* (по закону), а не *природной* (по связи с землей / водой / морским дном). *Условность* данного объекта недвижимости подтверждается и отсутствием у недвижимого статуса морского судна универсального (общепризнанного) характера в зарубежном законодательстве, учитывая их однозначное отнесение в правовых системах, относящихся к сфере влияния английского морского права, к движимым вещам.

¹⁸ Karatzas T. B., Ready N. P. The Greek Code of Private Maritime Law. Martinus Nijhoff Pub., 1982. P. 4.

¹⁹ In Hyeon Kim. Transport Law in South Korea. 3rd ed. Wolters Kluwer, 2017. P. 44.

4. Морское судно входит в систему материальных объектов торгового мореплавания, включающую в себя и многие другие объекты как искусственного (антропогенного), так и естественного (природного) происхождения. При этом главная отличительная особенность судов торгового мореплавания — их безусловная способность выступать объектами граждан-

ского оборота, что предопределяет законодательную дихотомию их частноправового регулирования, объединяющую в себе источники и нормы как гражданского права (общее частноправовое регулирование), так и международного и внутреннего морского права (смешанное, публично-правовое и частноправовое регулирование).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бевзенко Р. С. Основные начала российского права недвижимости : лекция. Ч. 2: Единый объект недвижимости и принцип единства судьбы здания и земельного участка // URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/my-account/courses/lect-12252-11155/> (дата обращения: 02.05.2025).

Васильев С. А. Правотворчество с позиции теории соотношения субъектов конституционного права // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2. С. 9–21.

Гуцуляк В. Н. Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 34 с.

Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 49–55.

Кузьмин А. В., Федоров Н. В. Особенности правового регулирования морской перевозки грузов по английскому праву // Океанский менеджмент. 2022. № 2. С. 36–41.

Ланцева В. Ю. Понятие морской торговли в Российской империи // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 2. С. 173–175.

Международное морское право: публичное и частное : учебник / кол. авт. ; под ред. Д. К. Лабина, В. Н. Коваля. М. : Кнорус, 2023. 412 с.

Очкуренко С. В. Место абсолютных гражданских прав в системе правового регулирования отношений торгового мореплавания // Lex russica. 2021. Т. 74. № 1. С. 18–31.

Скаридов А. С. К вопросу о детерминации морских автономных средств применительно к правовому регулированию коммерческого судоходства // Океанский менеджмент. 2022. № 1. С. 44–46.

Суханов Е. А. Кодификация законодательства о вещном праве // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. С. 72–93.

Тай М. А. Морское судно в системе объектов вещных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 36 с.

Толстой Ю. К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.

In Hyeon Kim. *Transport Law in South Korea*. 3rd ed. Wolters Kluwer, 2017. 206 p.

Karatzas T. B., Ready N. P. *The Greek Code of Private Maritime Law*. Martinus Nijhoff Pub., 1982. 300 p.

REFERENCES

Bevzenko RS. Lecture «The basic principles of Russian real estate law. Part 2: A single real estate object and the principle of the unity of the fate of the building and the land plot». Available at: <https://m-lawbooks.ru/index.php/my-account/courses/lect-12252-11155/> [cited 02.05.2025].

Davydova ML. Linguistic rules of legal technique: Reasonableness, commitment, effectiveness. *Yurislingvistika [Legal Linguistics]*. 2023;27:49-55. (In Russ.).

Gutsulyak VN. International legal problems of modern merchant shipping. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 1999. (In Russ.).

In Hyeon Kim. *Transport Law in South Korea*. 3rd ed. Wolters Kluwer; 2017.

Karatzas TB, Ready NP. *The Greek Code of Private Maritime Law*. Martinus Nijhoff Pub.; 1982.

Kuzmin AV, Fedorov NV. Features of the legal regulation of maritime cargo transportation under English law. *Okeanskiy menedzhment*. 2022;2:36-41. (In Russ.).

Labin DK, Koval VN, (eds). International maritime law: Public and private. A textbook. Moscow: Knorus Publ.; 2023. (In Russ.).

Lantseva VYu. The concept of maritime trade in the Russian Empire. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;2:173-175. (In Russ.).

Ochkurenko SV. The Place of absolute civil rights in the system of legal regulation of relations in merchant shipping. *Lex russica*. 2021;74(1):18-31. (In Russ.).

Skaridov AS. On the issue of the determination of marine autonomous vehicles in relation to the legal regulation of commercial shipping. *Okeanskiy menedzhment*. 2022;1:44-46. (In Russ.).

Sukhanov EA. Codification of the legislation on property law. In: Medvedev DA, (ed.). *Codification of Russian private law*. Moscow: Statut Publ.; 2008. P. 72–93. (In Russ.).

Tay MA. A marine vessel in the system of objects of property rights. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).

Tolstoy YuK. On the concept of civil legislation development. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2010;1:31-38. (In Russ.).

Vasiliev SA. Lawmaking in the context of the theory of correlation between subjects of Constitutional Law. *Lex russica*. 2023;76(2):9-21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коваль Владимир Николаевич, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, профессор кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета д. 33, Университетская ул., г. Севастополь 299053, Российская Федерация
v.n.koval@sevsu.ru

Годованик Евгений Валентинович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Международное, морское и таможенное право» Севастопольского государственного университета д. 33, Университетская ул., г. Севастополь 299053, Российская Федерация
evgodovanik@mail.sevsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Koval, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Law Institute, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
v.n.koval@sevsu.ru

Evgeny V. Godovanik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Maritime and Customs Law, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
evgodovanik@mail.sevsu.ru

Материал поступил в редакцию 23 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 8 июня 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 23.05.2025.

Revised 08.06.2025.

Accepted 15.06.2026.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.124-137

К. И. Налетов

Л. Л. Баланюк

Я. Д. Авилов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
г. Москва, Российская Федерация

Правовое регулирование использования полезных ископаемых в зарубежных странах

Резюме. В статье анализируется правовое регулирование применения адсорбированного природного газа в зарубежных странах в разрезе гражданского оборота и требований, связанных с противопожарной и промышленной безопасностью. В качестве объекта исследования выбраны страны: Азербайджан, Ботсвана, Индия, Индонезия, Испания, Италия, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Лесото, Намибия, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Саудовская Аравия, Соединенные Штаты Америки, Узбекистан, Эсватини, Южно-Африканская Республика, Япония.

Исследование акцентирует разность подходов к регулированию данной технологии, которая является новой для энергетики в мире, однако весьма перспективной. В некоторых странах регулирование пока не разрешает этот вид топлива либо оставляет его вне рамок нормирования, а в других — допускает технологию в оборот в экспериментальном режиме. В целом же различные юрисдикции опираются на реальное применение указанной технологии в мировой практике как критерий ее нормативного закрепления. Делается вывод о возможности использования зарубежного опыта регулирования адсорбированного природного газа в Российской Федерации, в которой эта технология нормативно не регламентирована.

Ключевые слова: энергетика; энергоэффективность; газ; адсорбированный природный газ; обязательные требования; техническое регулирование; промышленная безопасность; противопожарная безопасность; технологический надзор; гражданский оборот; оборотоспособность вещей

Для цитирования: Налетов К. И., Баланюк Л. Л., Авилов Я. Д. Правовое регулирование использования полезных ископаемых в зарубежных странах. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 124–137. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.124-137

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова».

Legal Regulation of the Use of Minerals in Foreign Countries

Kirill I. Naletov

Leonid L. Balanyuk

Yaroslav D. Avilov

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the legal regulation of the use of adsorbed natural gas in foreign countries in terms of civil transactions and requirements related to fire and industrial safety. The following countries were selected as the research object: Azerbaijan, Botswana, India, Indonesia, Spain, Italy, the People's Republic of China, the

© Налетов К. И., Баланюк Л. Л., Авилов Я. Д., 2026

Kyrgyz Republic, Lesotho, Namibia, the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Moldova, the Republic of Tajikistan, the Republic of Turkmenistan, Saudi Arabia, the United States of America, Uzbekistan, Eswatini, South-African Republic, Japan.

The study highlights the differences in approaches to regulating this technology, which is new to the energy industry in the world, but very promising. In some countries, regulation does not yet allow for this type of fuel or leaves it outside the rationing framework, and in some, it allows for such technology to be put into circulation in an experimental mode. In general, various jurisdictions rely on the actual application of such technology in world practice as a criterion for its regulatory consolidation. The conclusion is made about the possibility of using foreign experience in regulating adsorbed natural gas in the Russian Federation, where this technology is not regulated by law.

Keywords: energy; energy efficiency; gas; adsorbed natural gas; mandatory requirements; technical regulation; industrial safety; fire safety; technological supervision; civil transactions; transferability of things

Cite as: Naletov KI, Balanyuk LL, Avilov YaD. Legal Regulation of the Use of Minerals in Foreign Countries. *Lex russica*. 2026;79(7):124-137. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.124-137

Acknowledgements. The work was carried out with the financial support of Plekhanov Russian University of Economics (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education).

Наблюдающийся в настоящее время в мировой экономике и политике экологический бум, спровоцированный исследованиями в области влияния на климат выбросов парниковых и других газов, а также веществ, являющихся следствием деятельности человека, имеет в центре внимания идею перехода энергетики на новые источники энергии, более экологичные и преимущественно возобновляемые. В то же время этот общемировой процесс ставит вопросы и о более эффективном использовании «классических» невозобновляемых источников энергии, среди которых газ, нефть и радиоактивные материалы.

Это обусловлено тем фактом, что обеспечить стопроцентный переход на возобновляемые источники энергии во всем мире объективно невозможно. Более того, для экономического развития, особенно в развивающихся государствах, зачастую требуются эффективные и дешевые источники энергии, в том числе топливо для автомобилей, транспорта. Такие невозобновляемые и повсеместно используемые источники энергии обладают свойствами высокой отдачи при соответствующей более низкой по сравнению с возобновляемыми источниками стоимости.

Если в отношении нефти имеется общепринятый консенсус, что данный вид топлива более вреден для окружающей среды, чем остальные, и достигнут некий технологический предел снижения выбросов от его использования, то в отношении к другим видам топлива возможности снижения вредных выбросов при одновременном сохранении энергоэффективности существуют. По мнению многих исследователей, как в России, так и в зарубежных странах таким источником топлива является природный газ¹. Потенциал роста потребления природного газа в целом оценивается до 2,2 % ежегодно².

Российские ученые отмечают, что физико-химические свойства основного компонента природного газа — метана в виде высокой теплоты сгорания (50 МДж/кг) и ряд других характеристик позволяют иметь от данного вида топлива наименьший выброс угарного (CO) и углекислого (CO₂) газов на единицу производимой энергии в сравнении с другими видами сгораемого углеводородного топлива³. Выбросы других вредных веществ у природного газа также значительно ниже, чем у других видов топлива⁴.

Природный газ как топливо сегодня, как правило, используется в двух агрегатных состояни-

¹ См.: Natural Gas Industry // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-net-zero-industry-tracker/in-full/natural-gas-industry/> (дата обращения: 01.10.2024).

² См.: Прогноз развития энергетики мира и России — 2016 / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. М. : ИНЭИ РАН, 2016.

³ См.: Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Высокопористые материалы как потенциальные компоненты систем хранения природного газа. Ч. 1 (обзор) // Нефтехимия. 2022. Т. 62. № 4. С. 432.

⁴ См.: Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Указ. соч. С. 432.

ях: компримированный (сжатый) природный газ (КПГ, CNG) и сжиженный природный газ (СПГ, LNG). По существу, энергетические свойства этих газов одинаковы, разница лишь в способах получения, хранения и транспортировки. Несмотря на преимущества, данные варианты агрегатного состояния газа с точки зрения использования в качестве топлива для транспорта имеют и недостатки: необходимость соблюдения повышенных мер безопасности при работе с газом, дорогое оборудование и затраты на сжатие/сжижение газа⁵.

Однако газовая промышленность не стоит на месте, с целью минимизации недостатков КПГ и СПГ при применении в качестве газомоторного топлива разработан новый вид его хранения — адсорбированный природный газ (АПГ, ANG). Суть технологии АПГ в том, что газ адсорбируется специальными сорбирующими материалами (сорбенты), и таким образом происходит его накопление в полостях этих материалов. Как утверждают российские ученые, «рабочее давление, при котором происходит сорбционное аккумулирование газа, может быть существенно ниже, чем при использовании КПГ»⁶, а сами адсорбционные системы хранения АПГ могут работать при комнатной температуре, что значительно упрощает эксплуатацию таких систем при заправке автотранспорта и снижает затраты на безопасность. Еще одно преимущество — возможность увеличивать удельную емкость хранения газа и заправлять его не на специальных газозаправочных станциях, как в случаях с СПГ и КПГ, а даже на придомовых территориях⁷.

Нужно отметить, что АПГ — развивающаяся технология, которая находится в процессе становления из-за ряда технологических сложностей, таких как скорость накопления газа сорбентом, компактность устройств для его хранения и транспортировки, тепловые колебания, снижающие эффективность АПГ-системы⁸.

В то же время есть примеры экспериментально успешных систем эксплуатации транспорта на АПГ как в России, так и в других странах⁹. Один из важнейших вопросов даль-

нейшего развития этой перспективной технологии — ее нормативное регулирование в рамках гражданского оборота, включая вопросы специальных норм по промышленной и противопожарной безопасности. Так, в России в настоящее время технология легально не урегулирована, что сдерживает ее развитие и экспериментальное применение с последующим выводом на рынок коммерчески эффективных моделей АПГ-систем.

Поэтому в статье мы обратимся к зарубежному опыту нормативного регулирования использования АПГ, который может быть полезен для адаптации в российской правовой системе.

Соединенные Штаты Америки

Законодательство США в области газовой промышленности тесно связано с энергетическим законодательством, а его структура во многом является следствием самой системы законодательства, в результате чего обнаруживаются специфические действующие нормативные правовые акты — принятые еще в XIX в. законы.

Акты, затрагивающие вопросы газа в США:

— Interstate Commerce Act of 1887, ch. 104, 24 Stat. 379 (Закон о торговле между штатами);

— Energy Policy Act of 2005 (EPACT), Pub. L. No. 109-58, 119 Stat. 594 (Закон об энергетической политике);

— Energy Policy and Conservation Act of 1975 (EPCA), Pub. L. No. 94-163, 89 Stat. 871 (Закон об энергетической политике и энергоснабжении) и др.

Сюда же можно отнести Закон о чистом воздухе (1963), Закон о чистой воде (1972) и Закон о безопасной питьевой воде (1974), включая более поздние поправки к ним. Данные правовые акты составляют основу большинства федеральных норм регулирования нефтегазовой отрасли. Роли штатов в регулировании бурения и добычи нефти и газа были формализованы Межштатной комиссией по нефтегазовому договору (IOGCC), образованной в 1935 г. для уста-

⁵ См.: Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Указ. соч. С. 432.

⁶ См.: Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Указ. соч. С. 432.

⁷ Zhang J., Liu W., Xue Q. The friction and wear behaviors of S-[2-S-(2-hydroxypropyl)benthiazole]dioctylidithio carbamic acid ester as additive in liquid paraffin // Wear. 1999. Vol. 224. No 1. P. 50–55.

⁸ См.: Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Указ. соч. С. 433.

⁹ См.: Перспективные адсорбционные аккумуляторы природного газа для автотранспорта / А. Ю. Цивадзе, О. Е. Аксютин, А. Г. Ишков [и др.] // Транспорт на альтернативном топливе. 2019. No 3 (69). С. 32.

новления стандартов бурения нефтяных и газовых скважин и разработки правил добычи¹⁰. Бюро по управлению земельными ресурсами (BLM) обладает юрисдикцией почти над всей разведкой, разработкой и добычей нефти и газа на федеральных и индейских землях, устанавливает требования и стандарты ко всем этим операциям.

Основной акт в данной сфере — Natural Gas Act of 1938, ch. 556, 52 Stat. 821 (Закон о природном газе)¹¹.

Хранение природного газа регулируется в рамках правовой базы нормирования транспортировки газа и находится в компетенции федерального правительства США. Закон о природном газе устанавливает к хранилищам природного газа те же требования, что и к газопроводам. Как разработка, так и закрытие хранилищ на федеральном уровне требуют предварительного одобрения Федеральной комиссии по энергетическому регулированию (FERC). Кроме того, ценообразование на транспортировку природного газа по трубопроводам и его хранение должно быть справедливым, разумным и не являться чрезмерно дискриминационным.

Закон о природном газе содержит понятийный аппарат:

— натуральный (или природный) газ означает либо несмешанный природный газ, либо любую смесь природного и искусственного газа (п. 5 ст. 2);

— автомобильный природный газ означает природный газ, который в конечном итоге используется в качестве топлива в самоходном транспортном средстве (п. 10 ст. 2).

Что же касается стандартизации и технических требований к газобаллонному оборудованию, правил пожарной безопасности, то можно выделить принятый Управлением по охране труда стандарт — OSHA Стандарт 1910.253¹².

Установлены, в частности, требования:

— внутри зданий баллоны должны храниться в хорошо защищенном, хорошо проветриваемом, сухом месте, на расстоянии не менее 20 (6,1 м) футов от легковоспламеняющихся мате-

риалов, таких как масло или древесная стружка. Баллоны должны находиться в четко обозначенных местах, вдали от лифтов, лестниц или проходов, там, где баллоны не будут опрокинуты или повреждены проходящими или падающими предметами либо подвергнуты несанкционированному вмешательству со стороны посторонних лиц. Баллоны нельзя хранить в не-вентилируемых помещениях, таких как шкафы;

— при транспортировке баллонов на моторизованных транспортных средствах их следует закреплять в вертикальном положении;

— баллоны с кислородом при хранении необходимо размещать на минимальном расстоянии в 20 футов (6,1 м) от баллонов с топливным газом или горючими материалами (особенно маслом или смазкой) либо отделять негорючим барьером высотой не менее 5 футов (1,5 м) с пределом огнестойкости не менее получаса;

— баллоны должны располагаться в местах, исключающих их попадание в электрическую цепь. Недопустимо, чтобы электроды соприкасались с баллоном с образованием электрической дуги;

— баллоны с топливным газом при использовании устанавливаются клапаном вверх;

— никто, кроме поставщика газа, не должен пытаться смешивать газы в баллоне. Никто, кроме владельца баллона или уполномоченного им лица, не имеет права повторно заправлять баллон. Нельзя использовать содержимое баллона в целях, отличных от тех, которые предусмотрены поставщиком. Все используемые баллоны должны соответствовать требованиям Министерства транспорта.

Пожарные правила в США имеют свою специфику, так как относятся к законодательству штатов, однако существует Единый противопожарный кодекс, применяемый во многих штатах, согласно которому газовые шкафы должны:

1) работать при отрицательном давлении по отношению к окружающей среде;

2) иметь самозакрывающиеся, ограниченно доступные порты или негорючие окна для доступа к органам управления оборудованием. Средняя скорость вентиляции в отверстиях доступа или окнах должна быть не менее

¹⁰ Поддубный Ю. А., Поддубный А. Ю. Нефтедобыча и нефтеотдача в США // Бурение и нефть. 2020. № 11. С. 38.

¹¹ URL: https://www.ferc.gov/sites/default/files/2021-04/natural_gas_act.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

¹² 1910.253 — Oxygen-fuel gas welding and cutting / Occupational Safety and Health Administration // URL: <https://www.osha.gov/laws-regs/regulations/standardnumber/1910/1910.253> (дата обращения: 15.11.2024).

200 футов в минуту (61 м/мин) с минимумом 150 футов в минуту (45,7 м/мин) в любой точке отверстия доступа или окна;

3) подключаться к вытяжной системе;

4) оборудоваться самозакрывающейся дверью;

5) изготавливаться из стали толщиной не менее 0,097 дюйма (2,46 мм) (калибр 12);

6) иметь внутреннюю орошаемую поверхность.

Из положительного опыта, который может быть применен в Российской Федерации, стоит отметить указанный понятийный аппарат (автомобильный природный газ), как, впрочем, и наличие самого Закона о газе.

Италия

Италия является лидером среди европейских стран по использованию газового топлива в качестве моторного¹³, что стимулируется:

— пониженным налогом на природный газ, применяемый в качестве топлива;

— государственным субсидированием.

В 2012 г. был принят ряд актов, содержащих преференции для транспортных средств, работающих на природном газе:

— смягчение требования к расположению и производственному оборудованию АЗС;

— повышение нормы бесплатного провоза грузов для автомобилей большой грузоподъемности, использующих метан.

Понятийный аппарат определен в Декрете от 18.05.2018 (Gas Combustibile — Aggiornamento Regola Tecnica In G.U. n. 129 del 6 giugno 2018 è pubblicato il Decreto 18 maggio 2018: Aggiornamento della regola tecnica sulle caratteristiche chimico-fisiche e sulla presenza di altri componenti nel gas combustibile da convogliare):

— природный газ — сложная газовая смесь углеводородов, в основном метана, но обычно включает этан, пропан и более высокие углеводороды, а также некоторые негорючие газы, такие как азот и углекислый газ (п. 4.1);

— сжиженный природный газ — природный газ, который был сжижен после обработки

с целью хранения или транспортировки (UNI EN ISO 14532) (п. 4.2).

Необходимо отметить, что власти Италии идут к наращиванию использования натурального газа в качестве топлива последовательно. Так, упрощение (в виде уведомительного порядка) для медленной заправки газовым топливом было внесено в приложение к Закону от 30.07.2010 № 112 N.d.R.

Закон от 30.04.2012 (DM 30 aprile 2012. Gazz. Uff. 18 maggio 2012, n. 115) определяет утверждение технического правила противопожарной защиты при установке и эксплуатации оборудования для подачи природного газа для автотранспорта.

Так, они распространяются на стационарные системы без резервуара для хранения, полученные из бытовой сети с объемом сжатия не более 3 куб. м/ч. Транспортное средство, подлежащее заправке, должно соответствовать требованиям правил ECEONU R110, а корпус разъема для заправки природного газа — стандартам ISO 15501-1:2000 и ISO 15501-2:2000.

В целях предотвращения пожаров и достижения основных целей безопасности, связанных с защитой людей и сохранением имущества, устройства подачи природного газа частного использования для автотранспорта возводятся, устанавливаются и эксплуатируются таким образом, чтобы обеспечить: а) минимизацию причин случайного рассеивания газа, пожара и взрыва; б) ограничение в случае случайного события ущерба людям; в) ограничение в случае случайного события ущерба зданиям и помещениям, прилегающим к объекту; г) безопасные условия работы спасателей.

Определяются те понятия, к которым приходит постепенно и российское законодательство, а именно компетентного персонала: компетентный человек — это специалист, который обладает необходимыми знаниями, опытом и полномочиями для выполнения конкретных задач.

Требования пожарной безопасности регулируются Указом Президента от 01.08.2011 № 151, Министерским указом от 24.05.2002 «Правила противопожарной безопасности при проектировании, строительстве и эксплуатации систем

¹³ См.: Рынок КПГ: мировой опыт развития и уроки для России // URL: https://www.hse.ru/data/2020/01/29/1569353767/EY_%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA%20%D0%9A%D0%9F%D0%93_%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82%20%D0%B8%20%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B8%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

распределения природного газа по дорогам для автомобильных целей», а также постановлением от 30.04.2012 «Утверждение технического правила противопожарной безопасности при монтаже и эксплуатации устройств подачи природного газа частного использования в автомобильных целях».

Стандарты разрабатываются Итальянским газовым комитетом (Comitato italiano gas, CIG), созданным 9 декабря 1953 г. и входящим в состав Национального органа по стандартизации. Разрабатываются они довольно точно и в большом количестве (около 300 стандартов в сфере топлива).

Например, можно обнаружить Стандарт UNI 11629 «Системы измерения газа — оборудование для почасового измерения газа, напрямую подключенное к транспортной сети» или UNI 9167-1:2020 «Газовая инфраструктура. Станции контроля и измерения давления газа, подключенные к транспортным сетям. Ч. 1. Термины и определения».

Таким образом, имея в целом разветвленную нормативную систему регулирования газа как топлива, итальянское законодательство напрямую не регламентирует использование АПГ.

Испания

Испанское право прямо использует определение адсорбированного газа, содержащееся в приложениях А и В к Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ) от 30.09.1957 (в редакции 2023 г.) (los Anejos A y B del Acuerdo sobre transporte internacional de mercancías peligrosas por carretera (ADR 2023)¹⁴. Пункт 9 разд. 2.2.2.1.2 данного документа дает следующее определение адсорбированного газа: «газ, упакованный для перевозки, адсорбированный в твердом пористом материале, с внутренним давлением контейнера менее 101,3 кПа при 20 °С и менее 300 кПа при 50 °С»¹⁵. Документ содержит классификацию видов адсорбированного газа¹⁶, тре-

бования к его перевозке и упаковке (instrucción de embalaje P208).

К адсорбированному газу применяются также нормы Закона Испании от 07.10.2008 № 34/1998 «О секторе углеводородов» (Ley 34/1998, de 7 de octubre, del sector de hidrocarburos), в преамбуле которого обозначен предмет регулирования — отношения, возникающие по поводу газов, среди которых в силу их воздействия следует выделить поставки сжиженных нефтяных газов трубопроводным транспортом.

В целом статья 1 (п. 2, пп. «b»–«с») указанного выше Закона определяет предмет и сферу его действия следующим образом: деятельность, связанная с жидкими и газообразными углеводородами, в том числе переработка, транспортировка, хранение и распределение сырой нефти и нефтепродуктов, в частности сжиженных нефтяных газов, а также приобретение, производство, сжижение, регазификация, транспортировка, хранение, распределение и сбыт газообразного топлива трубопроводным транспортом. Никаких специальных норм касательно именно адсорбированного газа данный Закон не содержит.

Пункт «d» ст. 3 Королевского декрета от 30.10.2015 № 984/2015 о регулировании организованного рынка газа и доступа третьих лиц к установкам системы использования природного газа (Real Decreto 984/2015, de 30 de octubre, por el que se regula el mercado organizado de gas y el acceso de terceros a las instalaciones del sistema de gas natural) содержит определение термина «газообразные топлива» (combustibles gaseosos): виды топлива, связанные с тремя категориями газов (las tres familias de gases), в соответствии с нормами UNE-EN 437; водород в газовой фазе для использования в качестве топлива.

Одним из коллегиальных органов ISO (Международной организации по стандартизации) в Испании — Комитетом технической стандартизации 60 (Comité Técnico de Normalización, CTN 60) «Газообразное топливо, газовые уста-

¹⁴ BOE núm. 65, de 17 de marzo de 2023. P. 39222–40399.

¹⁵ URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2023-6968 (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁶ 9 A 3511 — газ адсорбированный; 9 O 3513 — газ адсорбированный, комбурент; 9 F 3510 — газ адсорбированный, легковоспламеняющийся; 9 T 3512 — газ адсорбированный, токсичный; 9 TF 3514 — газ адсорбированный, токсичный, легковоспламеняющийся; 9 TC 3516 — газ адсорбированный, токсичный, коррозионный; 9 TO 3515 — газ адсорбированный, токсичный, комбурент; 9 TFC 3517 — газ адсорбированный, токсичный, легковоспламеняющийся, коррозионный; 9 TOC 3518 — газ адсорбированный, токсичный, комбурент, коррозионный.

новки и приборы» (Combustibles gaseosos e instalaciones y aparatos de gas) утвержден документ UNE-EN 437:2022 (в редакции от 05.04.2022) «Тестовые газы. Испытательное давление. Категории устройств» (Gases de ensayo. Presiones de ensayo. Categorías de los aparatos). Он также действует на территории Испании.

Таким образом, правовая терминология в сфере использования адсорбированного газа существует, она применяется на практике, но в значительной степени базируется на технических нормах.

Япония

Основные легальные понятия и определения, связанные с осуществлением деятельности в сфере общего и специализированного газоснабжения, импорта, производства и использования газа и газового оборудования, содержатся в Законе о безопасности при работе с газом высокого давления (Закон № 204 от 1951 г. в редакции Закона № 37 от 2019 г.)¹⁷, Законе о газовом бизнесе (Закон № 51 от 1954 г. в редакции Закона № 87 от 2005 г.).

Адсорбированный природный газ не имеет собственного легального определения и может быть определен как подвид КПГ.

Закон о безопасности при работе с газом высокого давления устанавливает основную терминологию, порядок прохождения аккредитации, условия получения разрешения на производство и использование газобаллонного оборудования (ГБО) и т.д.

Противопожарная и промышленная безопасность при применении АПГ регулируется Законом о газовом бизнесе, Законом об обеспечении хранения и надлежащей торговли сжиженным нефтяным газом (Закон о сжиженном нефтяном газе), Законом о безопасности при работе с газом высокого давления, техническими стандартами, определяемыми Министерством экономики, торговли и промышленности, а также правилами безопасности,

принимаемыми соответствующими производителями по согласованию с администрацией префектур.

Система противопожарной и промышленной безопасности включает в себя комплекс мер, направленных на обеспечение непрерывного контроля за производством ГБО посредством развитой сети надзорных административных органов, соблюдение мер безопасности на производстве, обучение сотрудников и назначение ответственных должностных лиц.

Индия

Особенность юридической терминологии, применяемой в сфере потребления природных ресурсов, в том числе нефти и газа, вытекает из толкования правовых норм Верховным судом Индии¹⁸. Так, Суд указал, что термин «нефть и минералы» охватывает природный газ в любой физической форме, в том числе СПГ. Тем самым Суд установил исключительную компетенцию федерального законодательства в части правового регулирования по вопросам природного газа и СПГ. Следовательно, основные легальные термины и определения в названной сфере содержатся в следующих нормативных правовых актах: актах «О нефти» 1934 г., «О разработке нефтяных месторождений» 1948 г., «О горной промышленности» 1952 г., «О шахтах и минералах» 1957 г., «О нефтяных и минеральных трубопроводах» 1962 г., «О нефтяной промышленности» 1974 г., «Об учреждении Бюро нефти и природного газа» от 31.03.2006; Правилах «О нефти и природном газе» 1959 г.¹⁹

Адсорбированный природный газ здесь также не имеет собственного легального определения и может быть определен как подвид КПГ.

В части сопутствующего для газа как топлива оборудования важнейшим фактором развития производства и использования ГБО в Индии на современном этапе является ряд административных запретов на использование пассажирских и грузовых трициклов и другого

¹⁷ См.: URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4555#je_ch3 (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁸ См.: URL: <https://indiankanoon.org/doc/354032/> (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁹ См.: Волков А. К. Правовое регулирование отношений в газовой промышленности Индии и Южно-Африканской Республике // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2017. № 1. С. 115–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-v-gazovoy-promyshlennosti-indii-i-yuzhno-afrikanskoj-respublike> (дата обращения: 04.11.2024).

общественного транспорта, оснащенных бензиновыми и дизельными двигателями. Реализация правительственной программы в первую очередь преследует цель «озеленения» транспорта за счет внедрения электродвигателей. Однако альтернативу электрокарам, безусловно, могут составить транспортные средства на газомоторном топливе, для эксплуатации которых необходимо производство ГБО.

Противопожарная и промышленная безопасность в сфере производства и использования КПГ достигается путем формирования системы надзорных органов, разработки и реализации государственной политики в названной сфере, издания подзаконных актов правительства.

Индонезия

Легальный понятийный аппарат в сфере недропользования аккумулирован в ряде нормативных правовых актов, основным из которых является Закон Индонезии 2001 г. № 22 «О нефти и природном газе»²⁰ с поправками, внесенными в 2020 г. Законом Индонезии № 11.

Адсорбированный природный газ не имеет собственного легального определения и может быть определен как подвид КПГ.

Министерство энергетики и минеральных ресурсов Республики Индонезия — административный орган, уполномоченный осуществлять регулирование в сфере противопожарной и промышленной безопасности, в том числе в сфере производства и использования КПГ.

В качестве положительного опыта правового регулирования использования АПГ в странах азиатского региона — Японии, Индии и Индонезии — следует рассмотреть (потребуется более детального осмысления применительно к действующему в России правопорядку):

— порядок взаимодействия ответственных должностных лиц производителей ГБО с местными администрациями и ведомством, уполномоченным в сфере использования КПГ;

— введение административных запретов на использование общественного транспорта,

оснащенного бензиновыми и дизельными двигателями.

Азербайджан

Использование природного газа в Республике Азербайджан регламентируется Законом «О газоснабжении»²¹, определяющим порядок его добычи, транспортировки, распределения и потребления. Однако в данном Законе нет конкретных положений, касающихся АПГ. При этом в связи с ограниченным (целевым) применением природного газа и непопулярностью АПГ в качестве альтернативы традиционным видам топлива (бензин, дизель) отсутствует специализированное законодательство в рассматриваемой сфере.

Узбекистан

Правовое регулирование использования природного газа в Республике Узбекистан осуществляется рядом нормативных правовых актов. Основной документ — Правила использования электрической энергии и природного газа, утвержденные постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 31.05.2024 № 319²², — устанавливает порядок поставки и учета природного газа, включая требования к оборудованию и безопасности. Однако в понятийном аппарате и в тексте Правил отсутствует положение об АПГ.

Изложенное свидетельствует о том, что технология АПГ еще не получила широкого распространения в стране, поэтому специализированное законодательство в этой области отсутствует.

Китай

Правительство Китайской Народной Республики активно содействует развитию технологий хранения и транспортировки природного газа, включая АПГ. Данный процесс сопровождается

²⁰ См.: URL: <https://www.laohamutuk.org/Oil/PetRegime/ipa-en.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

²¹ Закон Азербайджанской Республики от 30.06.1998 № 513-IQ «О газоснабжении» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2724.

²² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 31.05.2024 № 319 «Об утверждении правил использования электрической энергии и природного газа» // URL: <https://lex.uz/ru/docs/7249070>.

принятием значительного количества государственных программ и нормативных актов:

— Закона «О сохранении энергии» (Energy Conservation Law)²³;

— Закона «Об охране окружающей среды» (Environmental Protection Law)²⁴;

— Закона Китайской Народной Республики «О минеральных ресурсах»²⁵;

— государственной программы «План развития природного газа» (Natural Gas Development Plan)²⁶, направленной на увеличение производства и использования природного газа.

Действующий массив законов КНР в части правового регулирования обращения с природным газом, в том числе с АПГ, дополняется национальными стандартами. Требования безопасности производства и использования АПГ в Китае определяются национальным стандартом GB/T 34594-2017 «Технические требования к адсорбированному природному газу»²⁷.

Правительство Китая уделяет особое внимание практическим аспектам внедрения газомоторного топлива в различные сферы деятельности государства и общества. В рамках правительственных программ субсидирования государственные предприятия и муниципальные структуры (компании общественного транспорта и коммунальные службы) обязаны закупать транспортные средства, работающие на альтернативных источниках энергии (газомоторное топливо и подзаряжаемые транспортные аккумуляторы). Такая политика государства ориентирована на стимулирование и поддержание спроса на продукцию местных производителей. В крупных городах (Пекин, Шанхай) муниципальные органы выделяют бюджеты на покупку автобусов и такси, работающих на природном газе, что снижает их стоимость для конечных пользователей.

Саудовская Аравия

В Королевстве Саудовская Аравия так же, как и в Китае, активно принимаются нормативные акты, нацеленные на стимулирование использования природного газа как альтернативы традиционным видам топлива. Этот процесс сопровождается принятием следующих правовых актов, программ и планов развития:

— Законодательства о природных ресурсах²⁸ — Закона, регламентирующего добычу, переработку и использование природного газа для транспортных средств;

— Программы по развитию газового сектора и использованию природного газа в качестве моторного топлива²⁹, разработанной и утвержденной Saudi Aramco (нефтяная компания Саудовской Аравии);

— Плана развития Королевства Саудовская Аравия к 2030 г. (Vision 2030)³⁰, содержащего наиболее общие положения в части перевода транспортных средств на газомоторное топливо путем привлечения международных инвестиций.

Анализ национальных законодательств и программ в Саудовской Аравии позволяет отметить, что в нормативных источниках нет упоминания об АПГ. Это свидетельствует о том, что технология АПГ не получила широкого распространения в стране и специализированное законодательство в этой области отсутствует.

Сравнительно-правовой анализ нормативных актов в Королевстве Саудовская Аравия и Китайской Народной Республике показывает, что правительство Саудовской Аравии лишь в угоду общемировым тенденциям защиты окружающей среды и перехода на альтернативные виды топлива поддерживает процесс перехода на газомоторное топливо. Однако конструктив-

²³ См.: URL: <https://leap.unep.org/en/countries/cn/national-legislation/law-energy-conservation-peoples-republic-china> (дата обращения: 14.11.2024).

²⁴ См.: Государственная программа «План развития природного газа» (Natural Gas Development Plan) // URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/inline-files/2014_Standing%20Committee_Environmental-Protection-Law-of-the-Peoples-Republic-of-China-2014_E.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

²⁵ См.: URL: https://en.cgs.gov.cn/laws/laws/201603/t20160309_266050.html (дата обращения: 14.11.2024).

²⁶ См.: URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/3044> (дата обращения: 14.11.2024).

²⁷ См.: URL: <https://standards.globalspec.com/std/14429285/gb-t-34594-2017> (дата обращения: 14.11.2024).

²⁸ См.: URL: <https://www.moenergy.gov.sa/en/DigitalDocuments/Regulations/Documents/Bylaws%20of%20the%20Liquified%20Petroleum%20Gas%20Wholesale%20Distribution%20Activity.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

²⁹ См.: URL: <https://www.aramco.com/en/sustainability/sustainability-report> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁰ См.: URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/overview> (дата обращения: 14.11.2024).

ных нормативных актов, нацеленных на регламентацию и финансирование данного процесса, пока не имеется.

Южно-Африканская Республика

Регион Южной Африки располагается на Африканском континенте и включает в себя, согласно классификации регионов ООН, Южно-Африканскую Республику, Республику Намибия, Республику Ботсвана, Королевство Эсватини и Королевство Лесото³¹.

ЮАР является крупнейшей страной по размеру экономики в данном регионе и одновременно — нетто-импортером природного газа. В стране постепенно развивается добыча природного газа, который, однако, в значительном объеме поставляется из соседнего Мозамбика. Газ в основном идет на производство СПГ, а также синтетических жидких топлив, экспортируемых и в соседние страны³².

Основной законодательный акт, регулирующий применение газа, — Закон «О газе» (Gas Act, 2001). Он закрепляет общее определение газа, под которым понимаются все углеводородные газы, транспортируемые по трубопроводам, включая природный газ, искусственный газ, газ с высоким содержанием водорода, газ с высоким содержанием метана, синтетический газ, газ с содержанием метана из угольных пластов, СПГ, КПГ, повторно газифицированный СПГ, сжиженный нефтяной (углеводородный) газ или любые их комбинации³³. Отдельного регулирования АПГ Закон не предусматривает.

Нормы о промышленной безопасности использования газа как газомоторного топлива содержатся преимущественно в национальных стандартах, основанных на стандартах ISO, и касаются по большей части особенностей эксплуатации систем КПГ и (в меньшей степени) СПГ. Один из базовых стандартов — стандарт ISO 15501-1:2016 «Транспорт дорожный. Топливные системы, работающие на сжатом при-

родном газе. Ч. 1. Требования безопасности», применяемый к КПГ-системам.

Ботсвана

Газ в Ботсване не стал массовым видом топлива ввиду отсутствия собственных запасов и, как следствие, недостаточного развития газоперерабатывающей промышленности.

Топливом для автотранспорта служит преимущественно бензин. Вместе с тем определенный объем сжиженного углеводородного газа (СУГ, LPG) импортируется из ЮАР и других стран, этот газ применяется в основном в домашних хозяйствах для приготовления пищи.

В отношении использования СУГ действует отдельный закон — Свод норм Ботсванского органа по энергетическому регулированию (операции со сжиженным углеводородным газом) 2022 г. (Botswana Energy Regulatory Authority (Liquefied Petroleum Gas Operations) Regulations, 2022). Однако отдельной регламентации обращения с КПГ, СПГ и АПГ в Ботсване нет.

Намибия

В Намибии в настоящее время не ведется добыча природного газа, поэтому рынок газомоторного топлива практически не развит, несмотря на наличие на континентальном шельфе Республики достаточно крупного шельфового месторождения газа — Куду, открытого еще в 1970-е гг., но до сих пор не введенного в эксплуатацию.

Специального законодательного регулирования АПГ в государстве не предусмотрено, как и норм в отношении КПГ. На местном рынке планируется к строительству хранилище для СУГ. Ключевой законодательный акт в газовой отрасли — Акт о нефтепродуктах (разведка и производство) (Petroleum (Exploration and Production) Act 2 of 1991) — регулирует общие вопросы добычи нефти и газа, не касаясь специфики газа как газомоторного топлива и его

³¹ Standard country or area codes for statistical use (M49) // URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 31.10.2024).

³² Горлов Е. Г., Шумовский А. В. Синтетические жидкие топлива — новые возможности и перспективы // Neftegaz.ru. 2019. № 9 (93). С. 108–113. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/pererabotka/497616-sinteticheskie-zhidkie-topliva-novye-vozmozhnosti-i-perspektivy/> (дата обращения: 31.10.2024).

³³ Gas Act, 2001 // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a48-010.pdf (дата обращения: 31.10.2024).

деления на категории, основанного на агрегатных состояниях.

Эсватини

Государство является анклавом, окруженным с западной части ЮАР, а с восточной — Мозамбиком.

Рынок газа здесь развит слабо ввиду отсутствия собственной добычи, однако используется СУГ, который, как и в Ботсване, служит одним из источников энергии для приготовления пищи. СУГ в основном импортируется из ЮАР.

До недавнего времени специальной регламентации этой отрасли в стране не было. В 2020 г. принят Акт о нефтепродуктах (The Petroleum Act, 2020), который урегулировал вопросы гражданского оборота и лицензирования СУГ и СПГ.

Специального регулирования АПГ и его коммерческого применения в Эсватини нет.

Лесото

Собственная добыча газа в этой стране не ведется. На рынке присутствуют СУГ и нефтяной газ, импортируемые из ЮАР и используемые, как и в Ботсване и Эсватини, в домашних хозяйствах для приготовления пищи.

В стране действует Свод норм «О сжиженном углеводородном газе (продажа и обращение)» (Liquified Petroleum Gas (Trade and Handling) Regulations 1997), которым устанавливаются общие положения об обороте СУГ на территории страны, в том числе требования к промышленной и противопожарной безопасности.

Отдельного регулирования СПГ, КПГ и АПГ в законе нет.

Беларусь

В Республике Беларусь в настоящее время действующее юридическое понятие АПГ отсутствует. Однако какой-то период оно было закреп-

лено в уже утратившем силу³⁴ постановлении Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 08.12.2010 № 61 «Об утверждении Правил по обеспечению безопасности перевозки опасных грузов автомобильным транспортом в Республике Беларусь»³⁵.

С точки зрения уже отмененного нормативного правового акта АПГ — это «газ, который, будучи загружен для перевозки, адсорбирован на твердом пористом материале, в результате чего внутреннее давление в сосуде составляет менее 101,3 кПа при 20 °С или менее 300 кПа при 50 °С».

Можно сделать вывод, что в отношении АПГ в Беларуси в свое время действительно существовала терминология на уровне технических норм, но в то же время она не была связана непосредственно с его полезной эксплуатацией, а касалась только вопросов обеспечения безопасности его перевозки автомобильным транспортом.

Указанное понятие как таковое не включено в национальные законодательства рассмотренных выше стран, но иногда присутствует в их международно-правовой составляющей. В частности, в ч. 6 и 7 приложения 2 «Правила перевозок опасных грузов» к Соглашению о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС)³⁶, которое вступило в силу для Республики Беларусь еще 5 июня 1992 г., есть указание на обязательность соответствия испытательного давления корпуса баллонов, содержащих АПГ, требованиям специальной инструкции по упаковке.

Казахстан

В отличие от Республики Беларусь, в Республике Казахстан понятие АПГ не встречается в нормативном материале именно как имеющее точную дефиницию, но фигурирует в ряде нормативно-технических документов, например в пп. 2301–2309 приказа министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 27.02.2018 № 147 «Об утверждении перечня опасных грузов, предназначенных для перевозки судами»³⁷, где АПГ прямо называется

³⁴ Было отменено постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 17.05.2021 № 36 // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=W22136948p> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=w210p0407> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁶ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=i05100005b> (дата обращения: 14.11.2024).

одним из видов таких грузов и имеет несколько самостоятельных подвидов, определяемых его отдельными признаками (токсичность, воспламеняемость, коррозионность и т.д.).

Аналогичным образом АПГ назван в качестве опасного груза в приказе и. о. министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 17.04.2015 № 460 «Об утверждении Правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом и перечня опасных грузов, допускаемых к перевозке автотранспортными средствами на территории Республики Казахстан»³⁸ (в пп. 518–526, опять же с уточнением некоторых технических параметров подвидов АПГ: токсичности, способности к воспламенению, окислению и др.).

Отсюда следует очевидный вывод, что в Казахстане регулирование использования АПГ осуществляется сугубо на уровне технических норм, безотносительно к его энергетической применимости, в контексте его безопасной перевозки теми или иными видами транспортных средств.

Другие страны ЕАЭС и СНГ

В национальном законодательстве Республики Армения АПГ не упоминается вовсе, аналогичным образом сегодня обстоит дело и с правовым полем других стран СНГ: Кыргызской Республики, Республики Молдова и Туркменистана. В энергетическом законодательстве Республики Таджикистан понятие АПГ непосредственно не зафиксировано, но его можно встретить в качестве одной из официально закрепленных разновидностей вредных для здоровья веществ.

Так, АПГ попал в соответствующий перечень, установленный в приложении 1 к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30.12.2010 № 702 «Об утверждении Списка профессиональных заболеваний и Перечня вредных веществ и производственных факторов, выполнение которых связано с воздействием вредных условий труда, а также Перечня вредных веществ и неблагоприятных производственных факторов, при работе с которыми обязательны предварительные и периодические медицинские осмотры работ-

ников»³⁹. Тем не менее такой подход уполномоченного органа исполнительной государственной власти нельзя отнести даже к чисто техническому уровню регулирования использования АПГ в полезных потребительских и промышленных целях.

При этом в настоящий момент в праве стран СНГ и ЕАЭС нет специальных норм, связанных именно с безопасностью применения АПГ (некоторые вопросы касательно безопасности его транспортировки в ряде стран СНГ и ЕАЭС уже были затронуты нами выше).

Таким образом, международный опыт правового регулирования использования АПГ в транспорте и промышленности свидетельствует о зачаточном состоянии развития нормативной базы. Термин «адсорбированный природный газ» встречается лишь в законодательстве Испании, основанном на международно-правовых актах Европейского Союза, КНР (в виде национального стандарта GB/T 34594-2017), а также в ряде утративших силу документов Республики Беларусь. Имеется позиция, согласно которой АПГ рассматривается как подвид КПГ, но его применимость в Российской Федерации нужно оценивать с технологической точки зрения и исходя из необходимости обеспечения безопасной эксплуатации. С учетом тенденции к формированию новых технологий появление термина «адсорбированный природный газ» в российском законодательстве может быть основано на указанных зарубежных подходах с учетом реальных физико-химических характеристик и требований, которые могут быть сформулированы российскими учеными по окончании разработки образцов оборудования для хранения, использования и транспортировки АПГ в коммерчески значимых масштабах.

То же самое стоит сказать и об установлении в российском праве норм и правил в сфере промышленной и противопожарной безопасности АПГ-систем на транспорте и в других областях применения. Вместе с тем опыт регулирования газовой отрасли в целом в исследованных странах не только создает предпосылки для рецепции и обмена опытом, но и позволяет сформировать представление о регулировании рынка с точки зрения развития экспортного потенциала российской газохимической промышленности и оборудования.

³⁷ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017025> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁸ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011779> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁹ URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16167 (дата обращения: 14.11.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков А. К. Правовое регулирование отношений в газовой промышленности Индии и Южно-Африканской Республики // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2017. № 1. С. 115–135.
- Горлов Е. Г., Шумовский А. В. Синтетические жидкие топлива — новые возможности и перспективы // *Neftegaz.ru*. 2019. № 9 (93). С. 108–113.
- Кнерельман Е. И., Карозина Ю. А., Шунина И. Г., Седов И. В. Высокопористые материалы как потенциальные компоненты систем хранения природного газа. Ч. 1 (обзор) // *Нефтехимия*. 2022. Т. 62. № 4. С. 431–458.
- Перспективные адсорбционные аккумуляторы природного газа для автотранспорта / А. Ю. Цивадзе, О. Е. Аксютин, А. Г. Ишков [и др.] // *Транспорт на альтернативном топливе*. 2019. № 3 (69). С. 29–36.
- Поддубный Ю. А., Поддубный А. Ю. Нефтедобыча и нефтеотдача в США // *Бурение и нефть*. 2020. № 11. С. 32–39.
- Прогноз развития энергетики мира и России — 2016 / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. М. : ИНЭИ РАН, 2016. 196 с.
- Zhang J., Liu W., Xue Q. The friction and wear behaviors of S-[2-S-(2-hydroxypropyl)benthiazole] dioctyldithiocarbamic acid ester as additive in liquid paraffin // *Wear*. 1999. Vol. 224. № 1. P. 50–55.

REFERENCES

- Gorlov EG, Shumovsky AV. Synthetic liquid fuels: new opportunities and prospects. *Neftegaz.ru*. 2019;9. (In Russ.).
- Knerelman EI, Karozina YuA, Shunina IG, Sedov IV. Highly porous materials as potential components of natural gas storage systems. Part 1 (review). *Neftekhimiya*. 2022 62(4):431-458. (In Russ.).
- Makarov AA, Grigoriev LM, Mitrovaya TA (eds.). The forecast of the development of the world's and Russia's energy sector — 2016. Moscow: INEI RAS — ATs under the Government of the Russian Federation; 2016. (In Russ.).
- Poddubny YuA, Poddubny AYU. Oil production and oil recovery in the USA. *Burenie i neft*. 2020;11:32-39. (In Russ.).
- Tsivadze AYU, Aksyutin OE, Ishkov AG, Menshchikov IE, Fomkin AA, Romanov KV, Teterevlev RV, Shkolin AV, Grachev VA. Promising natural gas adsorption accumulators for vehicles. *Transport na alternativnom toplive*. 2019;3(69):29-36. (In Russ.).
- Volkov AK. Legal regulation of relations in the gas industry of India and the Republic of South Africa. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2017;1. (In Russ.).
- Zhang J, Liu W, Xue Q. The friction and wear behaviors of S-[2-S-(2-hydroxypropyl)benthiazole] dioctyldithiocarbamic acid ester as additive in liquid paraffin. *Wear*. 1999;224(1):50-55. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Налетов Кирилл Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
д. 36, Стремянный пер., г. Москва 115054, Российская Федерация
naletov.ki@rea.ru

Баланюк Леонид Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
д. 36, Стремянный пер., г. Москва 115054, Российская Федерация
balanyuk.ll@rea.ru

Авилов Ярослав Дмитриевич, кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
д. 36, Стремянный пер., г. Москва 115054, Российская Федерация
avilov.yd@rea.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirill I. Naletov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
naletov.ki@rea.ru

Leonid L. Balanyuk, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
balanyuk.ll@rea.ru

Yaroslav D. Avilov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
avilov.yd@rea.ru

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 мая 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 13.04.2025.

Revised 12.05.2025.

Accepted 15.06.2026.

П. И. Чувахин

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
г. Москва, Российская Федерация

Трансформация правотворческой функции международных организаций

Резюме. Статья представляет собой комплексный анализ трансформации правотворческой функции международных организаций, выявляет диалектику соотношения формальной легитимности и фактической эффективности их актов. Доказано, что эволюция теоретических подходов к правотворчеству международных организаций прошла путь от договорной аналогии через теорию делегирования к концепции международного законодательства. Установлено, что в современных реалиях формальная юридическая сила актов международных организаций не всегда определяет их фактическую эффективность: инструменты «мягкого» права нередко демонстрируют высокую степень влияния на поведение субъектов международного права. Исследование, основанное на комплексе общенаучных и специально-юридических методов, анализирует правотворческую деятельность ключевых международных организаций (ООН, ВОЗ, МОТ, ИКАО, ОЭСР) и проблему юридической действительности их актов. Особое внимание уделяется доктрине *ultra vires* и механизмам обеспечения эффективности актов рекомендательного характера. Выявлены современные тенденции в правотворческой деятельности международных организаций: диверсификация форм нормотворчества, усиление технократических элементов, взаимопроникновение нормативных режимов, возрастание роли региональных организаций и негосударственных акторов, деформализация правотворческих процедур и повышенное внимание к вопросам легитимности. Сформулирован вывод о необходимости поиска баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества в условиях глобальных вызовов и фрагментации международного права.

Ключевые слова: международные организации; правотворческая деятельность; юридическая сила; легитимность; эффективность; мягкое право; фрагментация международного права; глобальное управление; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН; акты *ultra vires*

Для цитирования: Чувахин П. И. Трансформация правотворческой функции международных организаций. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 138–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.138-152

Transformation of the Law-Making Function of International Organizations

Petr I. Chuvakhin

MGIMO University
Lebedev Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper presents a comprehensive analysis of the transformation of the law-making function of international organizations, reveals the dialectic of the relationship between formal legitimacy and the actual effectiveness of their acts. It is proved that the evolution of theoretical approaches to the law-making of

international organizations has gone from a contractual analogy through the theory of delegation to the concept of international legislation. It has been established that in modern conditions, the formal legal force of acts of international organizations does not always determine their actual effectiveness, namely the instruments of «soft» law often demonstrate a high degree of influence on the behavior of subjects of international law. The study, based on a set of general scientific and special legal methods, analyzes the law-making activities of key international organizations (UN, WHO, ILO, ICAO, OECD) and the problem of the legal validity of their acts. Special attention is given to the ultra vires doctrine and mechanisms for ensuring the effectiveness of advisory acts. Modern trends in the law-making activities of international organizations have been identified: the diversification of forms of rulemaking, the strengthening of technocratic elements, the interpenetration of regulatory regimes, the increasing role of regional organizations and non-state actors, the deformation of law-making procedures and increased attention to issues of legitimacy. The author concludes that it is necessary to find a balance between the effectiveness, legitimacy and flexibility of international rulemaking in the context of global challenges and fragmentation of international law.

Keywords: international organizations; law-making; legal force; legitimacy; effectiveness; soft law; fragmentation of international law; global governance; UN General Assembly resolutions; ultra vires acts

Cite as: Chuvakhin PI. Transformation of the Law-Making Function of International Organizations. *Lex russica*. 2026;79(7):138-152. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.138-152

Введение

Трансформация правотворческой функции международных организаций — одна из наиболее значимых и динамичных тенденций развития современного международного права. Усложнение системы международных отношений, возникновение новых глобальных вызовов, требующих скоординированного и оперативного реагирования международного сообщества, а также процессы фрагментации международного права приводят к необходимости переосмысления теоретических и практических аспектов правотворческой деятельности международных организаций.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью международных организаций в формировании международно-правовых норм и стандартов, появлением новых форм и методов международного нормотворчества, а также усилением напряженности между требованиями эффективности международно-правового регулирования и принципами суверенного равенства государств, лежащими в основе классического международного права.

Проблема соотношения формальной легитимности и фактической эффективности актов международных организаций приобретает особую значимость в обстановке фрагментации международного права, когда множественные нормативные режимы, создаваемые различными международными организациями, вступают во взаимодействие, а нередко и в конкуренцию друг с другом.

Изученность проблемы правотворческой деятельности международных организаций характеризуется внушительным массивом научных публикаций. В отечественной науке международного права существенный вклад в разработку различных аспектов данной проблематики внесли Г. И. Тункин, Д. Б. Левин, Н. Б. Крылов, Г. Г. Шинкаревич, А. Я. Капустин, А. Х. Абашидзе, М. В. Кешнер. Среди зарубежных исследований важными являются работы Я. Клабберса, Х. Г. Шермерса и Н. М. Блокера, Дж. Альвареса, Г. М. Даниленко, И. Деттера. Огромный интерес представляют концептуальные труды П. Аласуутари и А. Кадира, посвященные феномену эпистемической власти международных организаций, а также А. Чейза и А. Х. Чейз — о соотношении формальной и фактической эффективности международно-правовых норм.

Несмотря на обилие научного материала, раскрывающего различные стороны правотворческой деятельности международных организаций, комплексному анализу трансформации их правотворческой функции, особенно в контексте соотношения формальной легитимности и фактической эффективности принимаемых актов, в научной литературе уделено недостаточно внимания.

Цель настоящего исследования — выявление ключевых тенденций трансформации правотворческой функции международных организаций и определение соотношения между формальной легитимностью и фактической эффективностью их актов в условиях фрагментации международного права.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Из общенаучных первостепенное значение имеют диалектический, системно-структурный и функциональный методы, позволяющие рассмотреть правотворческую деятельность международных организаций как сложное, динамически развивающееся явление. Среди специально-юридических ведущую роль играют формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, обеспечивающие всесторонний анализ развития теоретических концепций правотворчества международных организаций и эволюции их практической деятельности в данной сфере.

Теоретико-правовые основы правотворческой деятельности международных организаций

Правотворческая деятельность международных организаций — один из наиболее сложных и дискуссионных аспектов современного международного права. Концептуальный анализ этого феномена требует прежде всего определения сущности международной организации как субъекта международного правотворчества. Как справедливо отмечается в доктрине, само существование международных организаций основано на идее о том, что эти субъекты международного права способны осуществлять определенные действия на международной арене. Создание организации с самостоятельной международной правосубъектностью имеет смысл, только если указанный субъект будет впоследствии выполнять конкретные функции и задачи, а для их осуществления международная организация должна обладать возможностью принимать или создавать правовые инструменты¹.

В современной доктрине сформировались три главные теоретические концепции, объясняющие правотворческую деятельность международных организаций: договорная аналогия, теория делегирования и теория законодательства. Каждая из них представляет собой специфический подход к пониманию юридической природы и силы актов международных органи-

заций, а также раскрывает различные аспекты их правотворческой функции.

Договорная аналогия как теоретическая конструкция берет свое начало в решении Постоянной палаты международного правосудия по делу о железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей 1931 г. Рассматривая вопрос о юридической силе резолюции Совета Лиги Наций, Суд сделал вывод, что обе стороны связаны условиями данного акта, и объяснил это тем, что представители государств «участвовали в принятии» резолюции и были «связаны своим принятием». Таким образом, Суд концептуализировал решения международных органов, принимаемые единогласно, как своеобразные аналоги международных договоров, выражающие согласованную волю участвующих государств. При этом участие государства в обсуждении и неиспользование права вето воспринимаются как выражение его согласия на обязательность принятого акта аналогично тому, как это происходит при подписании или ратификации международного договора². Однако подобная теоретическая конструкция справедливо подвергается критике в современной доктрине международного права. Основным недостатком договорной аналогии заключается в том, что она не способна объяснить обязательный характер решений, принимаемых большинством голосов. В таких случаях невозможно утверждать, что все государства-члены согласились быть связанными соответствующим решением. Более того, договорная аналогия, редуцируя акты международных организаций до уровня международных договоров, фактически отрицает самостоятельную правосубъектность организации: если нет принципиальной разницы между международным договором и актом международной организации, то утрачивается смысл существования международной организации как обособленного субъекта международного права³.

Наиболее распространена в современной доктрине международного права теория делегирования, объясняющая обязательную силу актов международных организаций через призму делегирования государствами-членами определенных правотворческих полномочий соответствующей организации. В рамках дан-

¹ *Klabbers J.* International Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 45.

² См.: *Klabbers J.* An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 136.

³ *Danilenko G. M.* Law-Making in the International Community. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1994. P. 168.

ной теоретической модели утверждается, что государства-члены, соглашаясь быть связанными учредительным актом организации, делегируют ей некоторые нормотворческие полномочия. Теоретическое обоснование этой концепции находит свое подтверждение в конституционном праве ряда государств, где прямо предусматривается возможность делегирования полномочий международным организациям. Показательный пример — статья 92 Конституции Нидерландов, которая гласит, что законодательные, административные и судебные полномочия могут быть делегированы или переданы международным организациям⁴.

Третья концептуальная модель — теория международного законодательства — наиболее радикальный подход к объяснению правотворческой деятельности международных организаций, исходя из которого некоторые акты международных организаций могут рассматриваться как своеобразное международное законодательство, а согласие отдельных государств не всегда должно иметь решающее значение, если речь идет об общих интересах международного сообщества. Указанная теория, несмотря на ее критическое восприятие в традиционной доктрине международного права, наиболее часто применяется для объяснения юридической силы рекомендательных актов, в частности резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. В радикальных интерпретациях данной теории Генеральная Ассамблея сравнивается с международным парламентом, уполномоченным принимать обязательные нормы права большинством голосов⁵.

Функционалистская теория, как справедливо отмечает Х. Г. Шермерс, уделяет значительное внимание правотворчеству международных организаций, поскольку для эффективного выполнения возложенных на организацию функций ей иногда необходимо иметь возможность создавать право. Если государства наделяют свою организацию определенной функцией, они должны также позволить ей издавать предписания о том, как лучше выполнять эту функцию. Следовательно, нормотворчество

(или установление стандартов) стало одним из основных элементов функционалистской концепции международных организаций⁶.

Однако, как показывает практика, функционалистская логика никогда не реализуется в полной мере: государства стремятся сохранить собственное политическое пространство и обычно весьма неохотно передают правотворческие полномочия международным организациям. В результате относительно немногие организации обладают действительно значимыми правотворческими полномочиями, хотя многие из них в той или иной форме занимаются установлением стандартов и разработкой нормативных документов рекомендательного характера⁷.

Типология и юридическая природа актов международных организаций

Правовые акты международных организаций характеризуются значительным многообразием форм, содержания и юридической силы. Целесообразно классифицировать акты международных организаций в зависимости от предназначения и нормативного содержания на несколько основных категорий, отражающих их функциональную специфику и юридические характеристики.

Первую категорию составляют акты нормативного характера, направленные на закрепление общих правил поведения, обязательных для всех членов соответствующей организации. Они носят правотворческий характер в строгом смысле этого термина, устанавливая абстрактные нормы общего применения. Классический пример таких актов — регламенты Европейского Союза, которые, согласно ст. 288 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), имеют общее действие, являются обязательными в полном объеме и подлежат прямому применению во всех государствах-членах. Юридическая сила таких актов проистекает непосредственно из учредительных договоров организации, наделяющих

⁴ Van Hoof G. J. H. *Rethinking the Sources of International Law*. Deventer : Kluwer Law International, 1983. P. 267.

⁵ Elias T. O. *Modern Sources of International Law // Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup* / ed. by W. Friedmann [et al.]. New York : Columbia University Press, 1972. P. 42.

⁶ Schermers H. G., Blokker N. M. *International Institutional Law*. 6th ed. Leiden : Brill Nijhoff, 2018. P. 874.

⁷ См.: Alvarez J. E. *International Organizations as Law-makers*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 375.

соответствующие органы нормотворческими полномочиями⁸.

Вторую категорию образуют акты правоприменительного характера, которые по своей природе ближе к административным актам, применяющим право к конкретным фактическим ситуациям. К этой категории можно отнести, например, решения в праве ЕС, а также отчасти резолюции Совета Безопасности ООН, принимаемые в рамках гл. VII Устава ООН. Как отмечает И. Деттер, первоначальная концепция Совета Безопасности предполагала его функционирование не столько как правотворческого органа, сколько как органа, задачей которого является применение права⁹. Однако, как будет показано далее, практика деятельности Совета Безопасности демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию его полномочий, в том числе в сфере международного нормотворчества.

Третья категория представлена актами внутриорганизационного (институционального) характера, регулирующими внутреннее функционирование международной организации, и включает решения по таким вопросам, как утверждение и распределение бюджета, избрание или назначение должностных лиц, прием новых членов, установление правил процедуры и т.д. По своей юридической природе такие акты обычно имеют обязательный характер, что обусловлено самой сущностью институциональных отношений в рамках международной организации¹⁰.

Четвертая категория охватывает акты рекомендательного характера, которые оказывают влияние на поведение субъектов международного права, не создавая, однако, юридически обязательных норм. Сюда относятся рекомендации, декларации, руководящие принципы, модельные законы и другие подобные инструменты. Несмотря на формально необязательный характер, эти акты могут существенно воз-

действовать на формирование международной практики и развитие международного права. Как отмечают П. Аласуутари и А. Кадир, авторитет таких актов часто проистекает не из формального правового статуса, а из того, что они основаны на экспертных знаниях, реализуя так называемую эпистемическую власть международных организаций¹¹.

Принципиальное значение для понимания юридической природы актов международных организаций имеет концепция «мягкого» права (soft law), активно развивающаяся в современной доктрине международного права. Данная концепция позволяет преодолеть жесткую дихотомию «обязательное/необязательное» при анализе юридических последствий актов международных организаций. Акты «мягкого» права, не будучи юридически обязательными в строгом смысле этого термина, тем не менее порождают определенные правовые последствия и оказывают нормативное воздействие на поведение субъектов международного права¹².

А. Й. П. Таммес весьма точно охарактеризовал феномен необязательных инструментов международных организаций, в частности резолюций, как прагматичный ответ на фундаментальную дилемму международного институционального правотворчества: если все формальные решения должны приниматься единогласно, то деятельность организации фактически парализуется; с другой стороны, принятие решений большинством голосов может оттолкнуть государства, опасющиеся ущемления своих суверенных прав. В этих условиях рекомендательные акты представляют собой своеобразный компромисс, позволяющий принимать решения мажоритарным способом, не создавая при этом формальных юридических обязательств для государств-членов¹³.

В контексте анализа юридической природы актов международных организаций особого внимания заслуживает вопрос о соотношении

⁸ См.: Международное право. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 43.

⁹ Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm : Norstedt and Söner, 1965. P. 521.

¹⁰ См.: Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права : монография. М. : Зерцало-М, 2016. С. 138.

¹¹ Alasuutari P., Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York : Palgrave Macmillan, 2019. P. 201.

¹² См.: Велижанина М. Ю. «Мягкое» право: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

¹³ Tammes A. J. P. Decisions of International Organs as a Source of International Law // Recueil des Cours. 1958. Vol. 94. P. 288.

формальной юридической силы акта и его фактической эффективности. Как отмечают А. Чейз и А. Х. Чейз, юридически необязательные инструменты международных организаций могут быть столь же эффективными (или неэффективными), как и юридически обязательные акты. Эмпирические исследования показывают, что эффективность международно-правового регулирования зависит не столько от формального статуса соответствующих норм, сколько от комплекса иных факторов, включая механизмы имплементации, мониторинга и контроля, а также политическую волю государств¹⁴.

Юридическая сила резолюций Генеральной Ассамблеи ООН: теоретические подходы и практические аспекты

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН — один из наиболее сложных и дискуссионных объектов исследования в контексте анализа юридической силы актов международных организаций. Устав ООН не наделяет Генеральную Ассамблею общими нормотворческими полномочиями, ограничивая ее компетенцию в основном принятием рекомендаций (ст. 10–14 Устава ООН). В то же время Ассамблея обладает полномочиями принимать обязательные решения по ряду внутриорганизационных вопросов, таких как прием новых членов (ст. 4), утверждение и распределение бюджета (ст. 17), приостановление прав и привилегий государств-членов (ст. 5 и 19), назначение Генерального секретаря (ст. 97), избрание судей Международного Суда (ст. 8 и 10 Статута МС).

В доктрине международного права сформировались различные теоретические подходы к обоснованию юридической значимости резолюций Генеральной Ассамблеи, выходящей за рамки их формально рекомендательного характера, отражающие стремление доктрины концептуализировать фактическое влияние, которое резолюции Ассамблеи оказывают на формирование и развитие международного права, несмотря на отсутствие у Ассамблеи формальных правотворческих полномочий.

Первый подход основан на концепции «авторитетного толкования», воспринимающей резолюции Генеральной Ассамблеи как авторитетные интерпретации положений Устава ООН и общих принципов международного права. Например, если Ассамблея принимает определение агрессии (как это было сделано в резолюции 3314 (XXIX) от 14.12.1974), это может рассматриваться как авторитетное толкование соответствующего понятия, используемого в Уставе ООН. Исходящее от Ассамблеи как универсального представительного органа, такое толкование обладает более высоким авторитетом, чем интерпретации, предлагаемые отдельными государствами или доктриной¹⁵.

Однако такой подход не лишен недостатков. Прежде всего, Устав ООН не наделяет Генеральную Ассамблею явно выраженными полномочиями давать авторитетные толкования, хотя и не запрещает этого. В отсутствие эксплицитных полномочий большинство исследователей обосновывают интерпретационную функцию Ассамблеи через доктрину подразумеваемых или неотъемлемых полномочий. Кроме того, остается неясным вопрос о юридических последствиях авторитетных толкований для государств, голосовавших против соответствующей резолюции¹⁶.

Второй теоретический подход понимает резолюции Генеральной Ассамблеи как декларативные акты, фиксирующие существующие нормы международного права. Согласно данной концепции, если Ассамблея, например, запрещает применение силы или агрессию, она не создает новую норму, а лишь декларирует уже существующее правило международного права. Однако и этот подход сталкивается с методологическими трудностями, поскольку декларативный акт Ассамблеи по своей юридической природе не отличается принципиально от декларативных актов иных субъектов международного права. Различие состоит в степени авторитетности, а не в юридической природе акта.

Третий подход, получивший наибольшее признание в современной доктрине международного права и международной судебной

¹⁴ Chayes A., Chayes A. H. *The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements*. Cambridge : Harvard University Press, 1995. P. 301.

¹⁵ Van Hoof G. J. H. *Op. cit.* P. 303.

¹⁶ Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов международной конференции ESIL // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 524.

практике, рассматривает резолюции Генеральной Ассамблеи через призму их влияния на формирование норм международного обычного права. Международный Суд ООН в решении по делу о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее (1986) и в консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996) признал, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут служить доказательством *opinio juris* — субъективного элемента международного обычая. Особое значение в этом контексте придается резолюциям нормативного содержания, принятым большинством голосов государств — членов ООН¹⁷. Однако и этот подход порождает теоретические дискуссии, в частности о соотношении *opinio juris* и практики государств как элементов международного обычая. В 1960-х гг. Бин Ченг выдвинул концепцию «мгновенного обычая», предполагающую, что в определенных сферах, где практика государств объективно ограничена (например, в космическом праве), формирование обычной нормы может происходить преимущественно на основе *opinio juris*, выраженного в резолюциях Генеральной Ассамблеи, без необходимости длительной и устойчивой практики¹⁸.

Развитием этой идеи стало предложение квалифицировать саму практику государств в рамках Генеральной Ассамблеи (голосование, участие в дебатах) как элемент формирования обычного права. Однако данный подход подвергся обоснованной критике, поскольку практика в рамках Ассамблеи ограничивается, по сути, процедурными аспектами и не затрагивает материальную реализацию соответствующих норм¹⁹.

Четвертый теоретический подход, имеющий более ограниченную сферу применения, концептуализирует резолюции Генеральной Ассамблеи как своеобразные международные соглашения в упрощенной форме для государств, голосовавших за них. Он, по сути, является модификацией договорной аналогии

и сталкивается с теми же методологическими трудностями, что и общая теория договорной аналогии, о которой говорилось выше. В частности, резолюции как «соглашения в упрощенной форме» не могут создавать обязательств для государств, голосовавших против них или воздержавшихся при голосовании.

Наконец, пятый подход основывается на концепции эстоппеля, в русле которой государство, проголосовавшее за определенную резолюцию, впоследствии не может действовать вопреки зафиксированным в ней принципам и нормам. Юридическим обоснованием здесь выступает не обязательная сила самой резолюции, а общий принцип добросовестности и запрет противоречивого поведения (*venire contra factum proprium*)²⁰.

Особый интерес представляет позиция сэра Г. Лаутерпахта, который еще в 1955 г. в своем особом мнении по делу о процедуре голосования по вопросам, касающимся докладов и петиций о территории Юго-Западной Африки, отметил, что резолюции Генеральной Ассамблеи создают для государств — членов ООН обязанность добросовестно рассмотреть их содержание. Г. Лаутерпахт подчеркивал, что это не пустая формальность, а реальное юридическое обязательство²¹.

Правотворческая деятельность специализированных учреждений ООН и других международных организаций

Специализированные учреждения ООН и иные международные организации технического характера играют всё более значимую роль в формировании международных стандартов и правил в соответствующих областях международного сотрудничества. При этом характер и юридическая сила принимаемых ими актов существенно варьируются в зависимости от предоставленных им полномочий и специфики регулируемых отношений.

¹⁷ См.: Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М. : Международные отношения, 1981. С. 63.

¹⁸ Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? // International Law: Teaching and Practice / ed. by B. Cheng. London : Stevens & Sons, 1982. P. 250.

¹⁹ Asamoah O. Y. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague : Martinus Nijhoff, 1966. P. 184.

²⁰ См.: Tammes A. J. P. Op. cit. P. 254.

²¹ Lauterpacht H. Voting Procedure on Questions Relating to Reports and Petitions Concerning the Territory of South-West Africa: separate opinion // ICJ Reports. 1955. P. 118–119.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) на основании ст. 37 Чикагской конвенции 1944 г. уполномочена принимать международные стандарты и рекомендуемую практику, регулирующие различные аспекты международной аэронавигации. Хотя формально стандарты ИКАО не являются юридически обязательными, статья 38 Конвенции устанавливает, что государство, которое считает невозможным соблюдение какого-либо международного стандарта, обязано немедленно уведомить об этом ИКАО. Формируется своеобразный механизм «принудительной прозрачности», когда государство, не желающее следовать стандарту, должно публично объяснить свою позицию, что создает определенное политическое и репутационное давление. Как отмечает Т. Бюргенталь, на практике некоторые государства-члены в течение многих лет воздерживались от каких-либо уведомлений о несоблюдении стандартов, создавая неопределенность относительно фактического применения этих стандартов на своей территории²².

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) обладает уникальными нормотворческими полномочиями, предусмотренными статьями 21 и 22 ее Устава. Ассамблея здравоохранения имеет право принимать регламенты по таким вопросам, как санитарные и карантинные требования, номенклатура болезней, стандарты диагностических процедур и т.д. Эти регламенты вступают в силу для всех государств — членов ВОЗ после надлежащего уведомления, если только они не заявят об отказе от них или оговорках в течение установленного срока. Таким образом, регламенты ВОЗ действуют на основе принципа «молчаливого согласия» (*tacit consent*) или механизма «отказа» (*opting-out*), что представляет собой компромисс между традиционным требованием явно выраженного согласия (ратификации) и принятием решений большинством голосов. Наиболее известный пример таких регламентов — Международные медико-санитарные правила, которые играют важнейшую роль в глобальном реагировании на эпидемии и пандемии, включая недавнюю пандемию COVID-19.

Международная организация труда (МОТ) использует особый механизм нормотворчества, основанный на принятии конвенций и рекомендаций. Специфика данного механизма в том, что государства — члены МОТ обязаны представлять принятые конвенции компетентным национальным органам (обычно парламентам) для рассмотрения вопроса об их ратификации и периодически отчитываться о причинах нератификации. При этом создается механизм «давления со стороны коллег» (*peer pressure*), стимулирующий государства к ратификации и имплементации трудовых стандартов, который дополняется требованием минимального количества ратификаций для вступления конвенций в силу и установлением длительных периодов уведомления для денонсации конвенций, что повышает стабильность созданного правового режима²³.

Весьма интересна нормотворческая деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая, не обладая формальными полномочиями по принятию юридически обязательных решений, тем не менее оказывает существенное влияние на формирование международных стандартов в экономической и финансовой сферах. ОЭСР разрабатывает руководящие принципы, модельные соглашения, кодексы поведения и другие инструменты «мягкого» права, которые, несмотря на формально рекомендательный характер, часто имплементируются государствами-членами в их национальное законодательство и применяются национальными судами. Показательный пример — дело *Badger* 1977 г., когда американская компания, планировавшая закрыть свою бельгийскую дочернюю компанию без выплаты предусмотренных бельгийским законодательством компенсаций, изменила свою позицию после того, как Комитет ОЭСР установил, что в соответствии с Руководящими принципами для многонациональных предприятий 1976 г. материнские компании несут «моральную ответственность» за обязательства своих дочерних компаний²⁴.

Совет Безопасности ООН в последние десятилетия демонстрирует тенденцию к расши-

²² *Buergenthal T.* Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York : Syracuse University Press, 1969. P. 167.

²³ См.: *Klabbers J.* Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO // *China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work* / ed. by U. Liukkunen, Y. Chen. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2014. P. 190.

²⁴ См.: *Seidl-Hohenveldern I.* International Economic “Soft Law” // *Recueil des Cours*. 1979. Vol. 163. P. 202.

рению своей нормотворческой функции, принимая резолюции, имеющие характер общих нормативных предписаний, а не только мер реагирования на конкретные ситуации. Наиболее показательными примерами являются резолюции 1373 (2001) и 1540 (2004), которые устанавливают общие обязательства для всех государств — членов ООН в сферах борьбы с терроризмом и нераспространения оружия массового уничтожения соответственно. Эти резолюции, принятые на основании гл. VII Устава ООН, создают новые юридические обязательства для всех государств — членов ООН без их прямого согласия, что дало основание некоторым исследователям говорить о «законодательной» деятельности Совета Безопасности. Однако данная тенденция вызывает обоснованную критику с точки зрения легитимности, поскольку ограниченный состав Совета Безопасности не отражает в полной мере интересы всего международного сообщества²⁵.

Проблема юридической действительности актов международных организаций

Проблема юридической действительности актов международных организаций — один из наиболее сложных и дискуссионных аспектов права международных организаций. В отсутствие централизованной системы контроля за законностью международно-правовых актов вопрос о критериях их действительности и последствиях недействительности приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Э. Лаутерпахт, анализируя типологию правонарушений международных организаций, отмечает, что элемент незаконности акта «включает ссылку на особую природу международных организаций как искусственных юридических лиц, получающих все свои полномочия из конвенционального или уставного источника и обязанных действовать только в пределах и в соответствии с условиями предоставленных

им полномочий». Таким образом, основным критерием юридической действительности актов международных организаций служит их соответствие учредительным документам организации, определяющим объем и пределы ее компетенции²⁶.

Наиболее разработанной доктриной, касающейся юридической действительности актов международных организаций, является доктрина *ultra vires*, согласно которой акты, выходящие за пределы компетенции организации или принятые с нарушением установленных процедур, недействительны. Указанная доктрина основывается на принципе специальной правоспособности международных организаций, в соответствии с которым они могут осуществлять только те действия, которые прямо или косвенно предусмотрены их учредительными документами²⁷.

Практика Международного Суда ООН по вопросам юридической действительности актов международных организаций формировалась прежде всего в рамках консультативных заключений. В заключениях относительно компетенции Международной организации труда Постоянная палата международного правосудия изложила принцип, в силу которого конституционность актов МОТ должна оцениваться в свете целей и задач данной организации. Этот подход был развит и конкретизирован Международным Судом ООН в консультативном заключении по делу «Определенные расходы ООН» 1962 г. Суд установил, что «такие расходы должны проверяться по их связи с целями Организации Объединенных Наций в том смысле, что, если расход был произведен для цели, которая не является одной из целей Организации Объединенных Наций, его нельзя считать «расходом Организации»». Далее Суд сформулировал важнейший принцип оценки действительности актов международных организаций: «когда Организация предпринимает действия, которые оправдывают утверждение, что они были целесообразны для выполнения одной из заявленных целей Организации Объединенных Наций,

²⁵ Кешнер М. В. Комитеты по санкциям Совета Безопасности ООН как институциональный механизм реализации международных санкций // Международное право и международные организации. 2013. № 1 (13). С. 26.

²⁶ Lauterpacht E. The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations // Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair / ed. by D. W. Bowett [et al.]. London : Stevens & Sons, 1965. P. 101.

²⁷ Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1974. С. 54.

предполагается, что такие действия не являются *ultra vires* для Организации»²⁸.

Таким образом, Международный Суд ООН устанавливает презумпцию действительности актов международных организаций, которая может быть опровергнута только в случае явного противоречия акта целям и задачам организации. С учетом обычно широкого и абстрактного характера формулировок целей и задач в учредительных документах большинства международных организаций данная презумпция создает весьма высокий стандарт доказывания для оспаривания действительности актов международных организаций²⁹.

Интересный аспект проблемы юридической действительности актов международных организаций связан с возможностью судебного контроля за такими актами на национальном и региональном уровнях. В этом контексте особый интерес представляет дело Кади (*Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission*), рассмотренное Судом ЕС. В этом деле Суд установил, что, хотя он не вправе непосредственно оценивать законность резолюций Совета Безопасности ООН, он компетентен квалифицировать соответствие акта ЕС, имплементирующего такую резолюцию, основополагающим принципам права ЕС, включая защиту основных прав человека³⁰. Фактически Суд ЕС осуществил косвенный контроль за резолюцией Совета Безопасности, установив, что имплементация данной резолюции не освобождает органы ЕС от соблюдения базовых принципов права ЕС.

На национальном уровне подходы к вопросу о возможности судебного контроля за актами международных организаций существенно различаются. Так, французский Государственный совет в решении по делу *Chambre Syndicale des Transports Aériens* 1994 г. установил, что французские административные суды не компетент-

ны оценивать правовое обоснование решений, принятых международным органом³¹. С другой стороны, Верховный суд Дании в решении по делу *Carlsen et al. v. Rasmussen* 1998 г. подтвердил право датских судов определять, превышает ли акт законодательства ЕС пределы передачи суверенитета, связанные с вступлением Дании в ЕС³².

Важный аспект проблемы юридической действительности актов международных организаций — вопрос о последствиях недействительности. В доктрине международного права выделяются различные варианты таких последствий: недействительность *ab initio* (с момента принятия акта), недействительность *ex nunc* (с момента установления недействительности), частичная недействительность (если только часть акта затронута дефектом) и др. При этом существенное значение имеет доктрина последующего одобрения (*acquiescence*), согласно которой даже акты, принятые *ultra vires*, могут быть впоследствии легитимизированы через явное или молчаливое одобрение государствами-членами³³.

Тенденции и перспективы развития правотворческой деятельности международных организаций

Анализ современного состояния правотворческой деятельности международных организаций позволяет выявить ряд существенных тенденций, определяющих векторы развития данного феномена в условиях трансформации системы международных отношений и международного права.

Первая фундаментальная тенденция — диверсификация форм и методов международного нормотворчества. Классическая модель, основанная на дихотомии «договор/обычай», всё

²⁸ Certain Expenses of the United Nations (Article 17, Paragraph 2, of the Charter): advisory opinion // ICJ Reports. 1962. P. 151–181.

²⁹ См.: Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г. Акты международной организации *ultravires* и последствия их принятия // Современное право. 2020. № 9. С. 111.

³⁰ Case T-315/01 Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union & Commission of the European Communities: judgment of 21 September 2005 // European Court Reports. 2005. P. II-3649.

³¹ *Chambre Syndicale des Transports Aériens*: decision of 22 July 1994 // International Law Reports. 1998. Vol. 111. P. 500–509.

³² *Carlsen et al. v. Rasmussen*: decision of 6 April 1998 // URL: <http://www.eu-ophlysningen.dk/upload/application/pdf/938b9f69/dommenu.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

³³ *Kelsen H.* The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London : Routledge, 2018. P. 824.

более дополняется разнообразными формами «мягкого» права и гибридными нормативными конструкциями. Международные организации активно разрабатывают руководящие принципы, кодексы поведения, технические стандарты и другие инструменты, которые, не будучи формально обязательными, оказывают существенное влияние на поведение субъектов международного права. Эта тенденция отражает общую эволюцию международного права в направлении более гибких и адаптивных форм нормативного регулирования, соответствующих динамичному характеру современных международных отношений.

Вторая значимая тенденция — усиление роли технократических элементов в международном нормотворчестве. Возрастающие сложность и техническая насыщенность регулируемых отношений приводят к тому, что всё большую роль в разработке международных стандартов играют экспертные сообщества и специализированные органы международных организаций, обладающие соответствующими компетенциями. Это способствует повышению качества и эффективности нормативных инструментов, но одновременно создает риски «демократического дефицита» и снижения прозрачности нормотворческого процесса³⁴.

Третья тенденция — усиление взаимодействия и взаимопроникновения различных нормативных режимов, создаваемых международными организациями. Вместо изолированных «нормативных островов» формируются комплексные регуляторные системы, в рамках которых акты различных международных организаций взаимодействуют и дополняют друг друга. Примером такого взаимодействия является использование стандартов Кодекса Алиментариус (разработанных в рамках совместной программы ФАО и ВОЗ) при применении Соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам. Этот феномен отражает общую тенденцию к формированию более интегрированной и когерентной системы глобального управления³⁵.

Четвертая тенденция — усиление роли региональных международных организаций в международном нормотворчестве. В усло-

виях кризиса многосторонности и стагнации нормотворческих процессов на универсальном уровне именно региональные организации демонстрируют наибольший динамизм в разработке и принятии нормативных инструментов. Европейский Союз, АСЕАН, Африканский союз и другие региональные объединения формируют собственные правовые режимы, которые могут как дополнять универсальные нормы, так и выступать в качестве альтернативных моделей регулирования.

Пятая тенденция — усиление элементов неформальности в международном нормотворчестве. Наряду с формализованными процедурами, предусмотренными учредительными документами международных организаций, всё более распространенными становятся неформальные консультации, «зеленые комнаты» (как в ВТО), мини-министерские встречи и другие неформальные форматы, в рамках которых фактически происходит согласование будущих нормативных решений. Это отражает общую тенденцию к деформализации международного права, когда формальные источники всё чаще дополняются неформальными нормативными практиками³⁶.

Шестая тенденция — усиление влияния негосударственных акторов на процессы международного нормотворчества. Международные неправительственные организации, бизнес-структуры, профессиональные ассоциации и другие негосударственные субъекты всё активнее участвуют в разработке и продвижении международных стандартов как непосредственно, так и через механизмы взаимодействия с межправительственными организациями. Пример такого влияния — деятельность Международной организации по стандартизации (ISO), объединяющей национальные органы по стандартизации, которая разрабатывает широко применяемые международные стандарты в различных областях.

Наконец, седьмая тенденция — усиление внимания к проблемам легитимности и эффективности международного нормотворчества. Вопросы представительности, транспарентности, участия и подотчетности становятся всё более важными при оценке правотворческой

³⁴ См.: Marzuki P. M. *An Introduction to International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 216.

³⁵ См.: Footer M. E. *An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization*. Leiden : Martinus Nijhoff, 2006. P. 68.

³⁶ См.: *Informal International Lawmaking* / ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 450.

деятельности международных организаций. Это объясняется как расширением сферы международного регулирования, активно затрагивающего внутренние вопросы государств и интересы частных лиц, так и общей устремленностью к демократизации международных отношений и международного права.

Можно прогнозировать дальнейшее развитие и усиление указанных тенденций, что будет способствовать трансформации традиционных взглядов на международное правотворчество и юридическую силу актов международных организаций. При этом ключевым вызовом остается обеспечение баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества на фоне возрастающей сложности и динамичности международных отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд концептуальных выводов о трансформации правотворческой функции международных организаций и соотношении формальной легитимности и фактической эффективности их актов в условиях фрагментации международного права.

Эволюция теоретических подходов к правотворческой деятельности международных организаций отражает общую тенденцию признания за ними более самостоятельной роли в формировании международно-правовых норм. Если договорная аналогия редуцирует акты организаций до аналогов международных договоров, фактически отрицая их самостоятельную правосубъектность, то теория международного законодательства подразумевает противоположный подход, признающий за международными организациями автономную правотворческую функцию. Наиболее сбалансированной, по нашему мнению, является теория делегирования, согласно которой правотворческие полномочия международных организаций происходят из делегирования им соответствующих полномочий государствами-членами.

Типология актов международных организаций демонстрирует значительное многообразие форм и юридических характеристик. Особое значение сегодня приобретают акты рекомендательного характера, которые, не будучи формально обязательными, тем не менее оказывают существенное влияние на поведе-

ние субъектов международного права. Концепция «мягкого» права помогает преодолеть жесткую дихотомию «обязательное/необязательное» при анализе юридических последствий актов международных организаций, подчеркивая, что формальная юридическая сила акта не всегда определяет его фактическую эффективность.

Практика специализированных учреждений ООН и других международных организаций свидетельствует о разнообразии механизмов, обеспечивающих эффективность принимаемых ими актов. Механизмы «принудительной прозрачности» (ИКАО), «молчаливого согласия» (ВОЗ), «давления со стороны коллег» (МОТ) и другие представляют собой инновационные подходы к обеспечению соблюдения международных стандартов без прямого принуждения государств.

Проблема юридической действительности актов международных организаций приобретает особую значимость в свете расширения их нормотворческой деятельности. Доктрина *ultra vires*, предполагающая необходимость ответственности актов международных организаций их учредительным документам, сталкивается с практическими трудностями применения в связи с общим характером формулировок целей и задач организаций, а также отсутствием эффективных механизмов судебного контроля.

Современные тенденции в правотворческой деятельности международных организаций отражают общий процесс трансформации международного права в условиях глобализации и фрагментации. Диверсификация форм нормотворчества, усиление технократических элементов, взаимопроникновение различных нормативных режимов, возрастание роли региональных организаций и негосударственных акторов, деформализация правотворческих процедур и повышенное внимание к вопросам легитимности — всё это говорит о формировании более сложной и многоуровневой системы международного нормотворчества.

Ключевым вызовом в данном контексте становится достижение баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества. С одной стороны, глобальные проблемы и вызовы требуют оперативных и эффективных решений, с другой — такие решения должны обладать достаточной легитимностью, уважать суверенные права государств и учитывать интересы всех участников международных отношений.

Дальнейшее развитие правотворческой функции международных организаций, вероятно, будет характеризоваться продолжением процессов диверсификации и деформализации, поиском новых механизмов обеспечения

легитимности принимаемых решений, а также усилением взаимодействия между различными нормативными режимами с целью преодоления эффектов фрагментации международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов международной конференции ESIL // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 517–533.

Велижанина М. Ю. «Мягкое» право: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

Кешнер М. В. Комитеты по санкциям Совета Безопасности ООН как институциональный механизм реализации международных санкций // Международное право и международные организации. 2013. № 1 (13). С. 23–28.

Крылов Н. Б., Шинкаревич Г. Г. Акты международной организации *ultra vires* и последствия их принятия // Советский ежегодник международного права. 1988. М., 1989. С. 108–114.

Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М. : Международные отношения, 1981. 144 с.

Международное право. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 261 с.

Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1974. 332 с.

Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права : монография. М. : Зерцало-М, 2016. 416 с.

Alasuutari P., Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York : Palgrave Macmillan, 2019. 237 p.

Alvarez J. E. International Organizations as Law-makers. Oxford : Oxford University Press, 2006. 720 p.

Asamoah O. Y. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague : Martinus Nijhoff, 1966. 276 p.

Buergenthal T. Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York : Syracuse University Press, 1969. 247 p.

Chayes A., Chayes A. H. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Cambridge : Harvard University Press, 1995. 416 p.

Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: «Instant» International Customary Law? // International Law: Teaching and Practice / ed. by B. Cheng. London : Stevens & Sons, 1982. P. 237–262.

Danilenko G. M. Law-Making in the International Community. Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1994. 448 p.

Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm : Norstedt and Söner, 1965. 853 p.

Elias T. O. Modern Sources of International Law // Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup / ed. by W. Friedmann [et al.]. New York : Columbia University Press, 1972. P. 34–69.

Footer M. E. An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization. Leiden : Martinus Nijhoff, 2006. 391 p.

Informal International Lawmaking / ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford : Oxford University Press, 2012. 549 p.

Kelsen H. The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London : Routledge, 2018. 994 p.

Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 424 p.

Klabbers J. International Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 374 p.

Klabbers J. Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO // China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work / ed. by U. Liukkunen, Y. Chen. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2014. P. 181–196.

- Lauterpacht E.* The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations // Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair / ed. by D. W. Bowett [et al.]. London : Stevens & Sons, 1965. P. 88–121.
- Marzuki P. M.* An Introduction to International Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 348 p.
- Schermers H. G., Blokker N. M.* International Institutional Law. 6th ed. Leiden : Brill Nijhoff, 2018. 1444 p.
- Seidl-Hohenveldern I.* International Economic «Soft Law» // Recueil des Cours. 1979. Vol. 163. P. 165–246.
- Tammes A. J. P.* Decisions of International Organs as a Source of International Law // Recueil des Cours. 1958. Vol. 94. P. 265–363.
- Van Hoof G. J. H.* Rethinking the Sources of International Law. Deventer : Kluwer Law International, 1983. 322 p.

REFERENCES

- Abashidze AKh, Gulyaeva EE, Trikoz EN. The technique and practice of international rulemaking: An overview of the materials of the international ESIL Conference. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2022;2:517-533. (In Russ.).
- Alasuutari P, Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York: Palgrave Macmillan; 2019.
- Alvarez JE. International Organizations as Law-makers. Oxford: Oxford University Press; 2006.
- Asamoah OY. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague: Martinus Nijhoff; 1966.
- Buergenthal T. Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York: Syracuse University Press; 1969.
- Chayes A, Chayes AH. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Cambridge: Harvard University Press; 1995.
- Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: «Instant» International Customary Law? *International Law: Teaching and Practice*. Cheng B, (ed.). London: Stevens & Sons; 1982. P. 237–262.
- Danilenko GM. Law-Making in the International Community. Dordrecht: Martinus Nijhoff; 1994.
- Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm: Norstedt and Söner; 1965.
- Elias TO. Modern Sources of International Law. *Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup*. Friedmann W, et al. (eds.). New York: Oxford University press; 1972. P. 34–69.
- Footer ME. An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization. Leiden: Martinus Nijhoff; 2006.
- Kapustin AYa, (ed.). International law. General part: A textbook for Bachelor academic programs. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2025. (In Russ.).
- Kelsen H. The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London: Routledge; 2018.
- Keshner MV. The UN Security Council Sanctions Committees as an institutional mechanism for the implementation of international sanctions. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii*. 2013;1(13):23-28. (In Russ.).
- Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2015.
- Klabbers J. International Law. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2020.
- Klabbers J. Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO. In: Liukkunen U, Chen Y, (eds.). *China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work*. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International; 2014. P. 181–196.
- Krylov NB, Shinkaretskaya GG. Acts of the international organization ultra vires and the consequences of their adoption. *Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 1988. Moscow; 1989. P. 108–114. (In Russ.).
- Lauterpacht E. The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations. In: Bowett DW, et al. (eds.). *Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair*. London: Stevens & Sons; 1965. P. 88–121.
- Levin DB. International law, foreign policy and diplomacy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1981. (In Russ.).
- Marzuki PM. An Introduction to International Law. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
- Morozov GI. International organizations. Some questions of theory. 2nd ed., suppl. Moscow: Mysl Publ.; 1974. (In Russ.).

- Pauwelyn J, Wessel R, Wouters J. Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press; 2012.
- Schermers HG, Blokker NM. International Institutional Law. 6th ed. Leiden: Brill Nijhoff; 2018.
- Seidl-Hohenveldern I. International Economic «Soft Law». *Recueil des Cours*. 1979;163:165-246.
- Tammes AJP. Decisions of International Organs as a Source of International Law. *Recueil des Cours*. 1958;94:265-363.
- Tunkin GI, Shestakov LN. Theory of international law: A monograph. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2016. (In Russ.).
- Van Hoof GH. Rethinking the Sources of International Law. Deventer: Kluwer Law International; 1983.
- Velizhanina MYu. «Soft» law: Its essence and role in the regulation of international relations. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чувахин Петр Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 69, Новочеремушкинская ул., г. Москва 117418, Российская Федерация
chuvakhin.petr@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr I. Chuvakhin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
chuvakhin.petr@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 19 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 23 мая 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 19.04.2025.
Revised 23.05.2025.
Accepted 15.06.2026.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

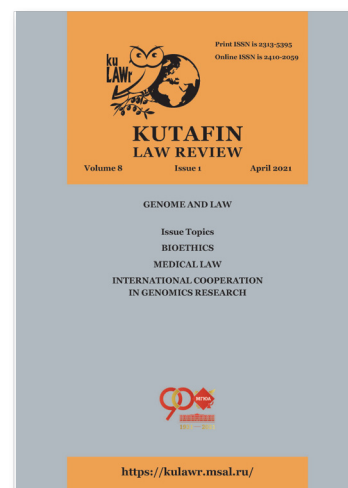
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008